

Свт. Иоанн Златоуст

ПРОТИВ ИУДЕЕВ.

Восемь "слов против иудеев" произнесены были св. Иоанном Златоустым в Антиохии в два приема: первые три - осенью 386, а последние пять - осенью же 387 года. Поводом к их произнесению послужило то печальное обстоятельство, что многие христиане - или по старой привычке, или по неразумию и увлечению - принимали участие в совершавшихся местными иудеями праздниках и постах, и посещали синагоги. Против этого неразумия и направлены слова Златоуста, который выясняет в них, что иудейство уже потеряло свое значение и потому соблюдение его обрядов противно воле Божией. Первое слово было произнесено вскоре после первого же слова против аномеев. На него именно и делается указание в начальных строках первого слова.

СЛОВО ПЕРВОЕ.

СЕГОДНЯ хотел я сообщить вам остальное из того предмета, о котором недавно беседовал с вами и показать яснее, сколь непостижим Бог. Об этом мы много и долго говорили в прошедшее воскресенье, когда приводили свидетельства и из Исаии, и из Давида, и из Павла. Первый взывал: *род же Его кто исповесть* (Иса. LIII, 8)? Второй благодарил Бога за Его непостижимость, говоря: *исповемся Тебе, яко страшно удивился еси: чудна дела Твоя* (Пс. CXXXVIII, 14); и еще: *удивися разум Твой от мене: утвердися, не возмогу к нему* (ст. 6). А Павел, не углубляясь в исследование самой сущности (Бога), а вникнув только в Его промышление, или лучше - обняв малую только часть этого промышления, открывшуюся в призвании язычников, и как бы увидев обширное и необъятное море, воскликнул: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его, и неисследовани путие Его* (Римл. XI, 33). Конечно, достаточно бы и этих свидетельств для доказательства, но я не удовольствовался пророками, не остановился и на апостолах, но взошел на небо, показал вам хор ангелов, говорящий: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лук. II, 14). Вы слышали также серафимов, со страхом и трепетом взывающих: *свят, свят, свят Господь Саваоф: исполнь вся земля славы Его* (Иса. VI, 3). Присовокупил я и херувимов, вопиющих: *благословенна слава Господня от места Его* (Иез. III, 12). Три свидетеля на земле [1], и три на небе [2], показывают неприступность славы Божией. Доказательство наконец стало несомненным; много было рукоплесканий, народ был воодушевлен, собрание воспламенялось. А я радовался не тому, что меня хвалили, но тому, что славил моего Владыку; ибо эти рукоплескания и похвалы доказывали любовь души вашей к Богу. Как любящие слуги, услышав, что кто-нибудь хвалит их господина, воспламеняются любовью к хвалящему, потому что любят господина; так поступили и вы тогда: громкими рукоплесканиями вы показали великую любовь к Господу. Хотел бы и я сегодня заняться теми же прениями: если уже враги истины не могут насытиться хулами на Благодетеля, тем более мы должны быть ненасытны в прославлении Бога всяческих. Но что мне делать? Другая, еще более тяжкая, болезнь вызывает язык наш к ее врачеванию, - болезнь, поразившая тело церкви. Ее-то и должно прежде всего искоренить, а потом уж позаботиться и о внешних; должно прежде излечить своих, а потом заняться и чужими. Какая же это болезнь? У жалких и несчастных иудеев наступает непрерывный ряд праздников: трубы, кущи, посты; а многие из тех, которые считаются нашими и говорят о

себе, будто веруют по нашему, одни ходят смотреть на эти праздники, а другие даже участвуют в праздниках и постах (иудейских). Этот-то злой обычай я и хочу теперь изгнать из церкви. Против аномеев можно поговорить и в другое время, и от замедления в этом не будет никакого вреда: но, если зараженных иудейством не уврачуем теперь, когда праздники иудеев близко и у дверей, то боюсь, чтобы некоторые (из христиан), по неудержимой привычке и великому невежеству, не приняли участия в этом нечестии; тогда напрасны уже были бы и наши слова об этом. Ибо, если они, ничего не услышав от нас сегодня, будут поститься с иудеями; то после того, как грех уже будет сделан, напрасно станем мы прилагать и врачество. Поэтому-то я и спешу предупредить (зло). Так поступают и врачи: они прежде всего употребляют средства против сильных и самых острых болезней. Притом же, настоящее слово (против иудеев) сродно с прежним (против аномеев): как сродно нечестие аномеев и иудеев, так и настоящие состязания ваши сродны с прежними. Аномеи ставят в вину (И. Христу) то же самое, за что обвинили Его иудеи. За что же обвинили они? За то, что (Иисус Христос) называл Бога Своим Отцем, делая Себя равным Богу (Иоан. V, 18). За это же обвиняют Его и аномеи, или вернее сказать, не обвиняют, но даже совсем изглаждают самые слова (И. Христа, Иоан. V, 17) и смысл их, если не руками, так мыслию.

2. Не удивляйтесь, что иудеев я назвал жалкими. Истинно жалки и несчастны они, намеренно отринувшие и бросившие столько благ, с неба пришедших в их руки. Воссияло им утреннее Солнце правды: они отвергли свет Его, и сидят во тьме, а мы, жившие во тьме, привлекли к себе свет и избавились от мрака заблуждения. Они были ветвями святого корня, но отломились: мы не принадлежали к корню, и принесли плод благочестия. Они с малолетства читали пророков, и распяли Того, о Ком возвещали пророки: мы не слышали божественных глаголов, и Тому, о Ком предсказано в них, воздали поклонение. Вот почему жалки они; ибо тогда как другие восхищали и усваивали себе блага, им (иудеям) ниспосланные, сами они отвергли их. Они, призванные к усыновлению, ниспали до сродства с псами, а мы, будучи раньше псами, возмogli, по благодати Божией, отложить прежнюю неразумность и возвыситься до почести сынов (Божиих). Из чего это видно? *Несть добро отъяти хлеба чадом, и повреци псом* (Матф. XV, 26); так сказал Христос хананейской жене, называя чадами иудеев, а псами язычников. Но смотри, как после изменился порядок: те (иудеи) сделались псами, а мы чадами. *Блюдитесь от псов*, говорит об них Павел, *блюдитесь от злых делателей, блюдитесь от сечения. Мы бо есмы обрезание* (Фил. III, 2, 3). Видишь, как бывшие прежде чадами сделались псами? Хочешь узнать, как и мы, бывшие прежде псами, сделались чадами? *Елицы же прияша Его*, говорит евангелист, *даде им область чадом Божиим быти* (Иоан. I, 12). Нет ничего жалче иудеев: они всегда идут против собственного спасения. Когда надлежало соблюдать закон, они попрали его; а теперь, когда закон перестал действовать, они упорствуют в том, чтобы соблюдать его. Что может быть жалче тех людей, которые раздражают Бога, не только преступлением закона, но и соблюдением его? Поэтому, говорит (св. Стефан), *жестоковыйнии, и необрезанныи сердца и уши, вы присно Духу Святому противитесь* (Деян. VII, 51), не только нарушением закона, но и неблагоприятным желанием соблюдать его. И справедливо он назвал их жестоковыми, потому что они не понесли ига Христова, хотя оно было благо и не заключало в себе ничего тяжкого и изнурительного. *Научитесь*, говорит (Иисус Христос), *от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем*; и еще: *возмите иго Мое на себе: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть* (Матф. XI, 29, 30). Однако же они не понесли (этого ига) по своей жестоковости; и не только не понесли, но сокрушили и расторгли его. *Понеже от века*, сказано, *сокрушил еси иго твое, разтерзал еси узы твоя* (Иер. II, 20; сн. V, 5 и Псал. II, 3). Не Павел говорит это, но пророк вопиет, разумея под игом и узами символы власти (Христовой); ибо (иудеи) отвергли владычество Христа, когда говорили: *не имамы царя, токмо кесаря* (Иоан. XIX, 15). Ты (иудей) сокрушил иго,

разорвал узы, отторгся от царства небесного и подчинился человеческим властям! А ты (слушатель) смотри, как точно пророк обозначил необузданность иудеев; он не сказал: ты отверг иго, но - сокрушил иго, а это порок животных рьяных, необузданных, не терпящих власти. Но от чего произошла эта жестоковыйность? От пресыщения и пьянства. Кто говорит об этом? Сам Моисей: *яде Иаков, и насытится, и отвержеся возлюбленный* (Втор. XXXII, 15). Как животные, когда пользуются обильным кормом, разжирев, делаются буйными и неукротимыми, не допускают к себе ни ярма, ни узды, ни руки возничего; так и иудейский народ, от опьянения и пресыщения низвергшись в крайнее нечестие, заскакал, не взял на себя ига Христова, и не повлек плуга (евангельского) учения. На это указывая, и другой пророк говорил: *якоже юница стрекалом стречема, рассвирипе Израиль* (Ос. IV, 16); а другой называет народ иудейский *телцем ненаученным* (Иер. XXXI, 18). А такие животные, будучи негодны для работы, годны бывают для заклания. Это случилось и с иудеями: сделав себя негодными для работы, они стали годными только для заклания. Поэтому и Христос сказал: *враги Моя оны, иже не восхотеша Мя, да царь был бых над ними, приведите семо, и иссецйте предо Мною* (Лук. XIX, 27). Поститься тебе, иудей, надлежало тогда, когда пьянство причиняло тебе столько бедствий, когда пресыщение порождало нечестие, - тогда, а не теперь, потому что теперь пост неуместен и мерзок. Кто говорит это? Сам Исаия, громко взывающий: *не сицевого поста Аз избрах* (Иса. LVIII, 5). Почему? Потому что *в судех и сварех поститесь, и биете пястми смиренного* (ст. 4). Если же твой пост был мерзок, когда ты бил подобных тебе рабов; то приятен ли он будет тогда, как ты убил Владыку? Как же так? Постящемуся должно быть кротким, сокрушенным, смиренным, и не опьянять себя гневом: а ты бьешь подобных себе рабов? Тогда иудеи постились *в судех и сварех*, а теперь (постятся) в неумеренности и крайней неводержности, пляша босыми ногами на площади; по намерению они постящиеся, а по виду пьянствующие! Послушай как пророк повелевает поститься: *освятите*, говорит, *пост*; не сказал: шумно празднуйте пост; *проповеди цельбу, соберите старейшины* (Иоил. I, 14). А они, собрав толпы изнеженных людей и скопище распутных женщин, весь этот театр и актеров увлекают в синагогу; ибо между театром и синагогою нет никакого различия.

3. Знаю, что некоторые сочтут меня дерзким за то, что я сказал: нет никакого различия между театром и синагогою; а я считаю их дерзкими, если они думают иначе. Если я решаю так сам собою, вини меня; но, если говорю слова пророка, прими решение. Знаю, что многие уважают иудеев, и нынешние обряды их считают священными: потому спешу исторгнуть с корнем это гибельное мнение. Я сказал, что синагога несколько не лучше театра, и приведу на это свидетельство из пророка; иудеи, конечно, не больше пророков заслуживают вероятия. Так, что же говорит пророк? *Лице жены блудницы бысть тебе, не хотела еси постыдетися ко всем* (Иер. II, 3). А где блудница предается блудодеянию, то место и есть непотребный дом. А лучше сказать, синагога есть только непотребный дом и театр, но и вертеп разбойников и логовище зверей: *не вертеп ли иенин* (гиены), говорится, *достояние мое мне* (Иер. XII, 8 и VII, 11), - вертеп не просто зверя, но зверя нечистого. И еще: *оставих дом Мой, оставих достояние Мое* (XII, 7); а когда Бог оставит, то какая уже надежда на спасение? Когда оставит Бог, тогда место то делается жилищем демонов. Конечно (иудеи) скажут, что и они поклоняются Богу. Но этого сказать нельзя; никто из иудеев не поклоняется Богу. Кто говорит это? Сын Божий. *Аще Отца Моего бысте ведали*, говорит Он, *и Мене ведали бысте: ни Мене весте, ни Отца Моего* (Иоан. VIII, 19). Какое еще можно привести мне свидетельство достовернее этого? Итак, если они не знают Отца, распяли Сына, отвергли помощь Духа; то кто не может смело сказать, что место то (синагога) есть жилище демонов? Там не поклоняются Богу, нет; там место идолослужения. А между тем некоторые (из христиан) обращаются к этим местам, как к священным; и это говорю не по догадкам, но по указанию самого опыта. Ибо за три дня пред этим - поверьте, не лгу, - я видел, что какой-то негодяй и безумец, выдающий себя за

христианина (не могу назвать истинным христианином отважившегося на такой поступок) принуждал одну почтенную, благородную, скромную и верную женщину войти в синагогу еврейскую, и там поклясться по спорному между ним и ею делу. Так как эта женщина взывала о помощи и просила остановить такое незаконное насилие, говоря, что ей, причастнице божественных таин, не подобает идти в такое место; то я возгорев и воспламенясь ревностью, встал и не позволил влечь ее на такое преступное дело, но освободил от этого нечестивого принуждения. Потом я спросил влекшего, христианин ли он? И когда он признал себя таким, я строго выговаривал ему, порицая его за бесчувственность и крайнее бессмыслие, и говорил, что он ничем не лучше осла, если, говоря о себе, что покланяется Христу, в то же время влечет кого-нибудь в вертепы иудеев, распявших Его. И долго говорил я ему, во-первых, на основании Божественных евангелий, что вовсе не должно ни самому клясться, ни другого принуждать к клятвам; потом, что не должно принуждать к клятве не только верную и посвященную (в таинства христианские), но и никого из непосвященных. Когда же, поговорив много и долго, изгнал я из души его ложную мысль (о важности синагоги); то спросил его и о причине, по которой он, оставя церковь, влек эту женщину в еврейское собрание. Он отвечал, что многие сказывали ему, будто клятвы, там даваемые, особенно страшны. При этих словах я застонал, воспламенился гневом, и потом засмеялся. Видя коварство диавола, и то, к чему успел он склонить людей, я стонал; размышляя о беспечности обольщаемых, я воспламенился гневом; а смотря опять на то, каково и как велико неразумие обольщенных, я смеялся. Об этом я рассказал и сообщил вам потому, что вы бесчувственны и несострадательны к тем (из христиан), которые и сами делают и другим позволяют делать с собою такие вещи. Видя, что кто-нибудь из ваших братьев впадает в подобные беззакония, вы считаете это чужою бедой, а не своею, и думаете оправдаться пред обличающими вас, говоря: а мне какая забота? что у меня общего с ним? - слова, выражающие крайнее бесчеловечие и сатанинское жестокосердие! Что говоришь ты? Будучи человеком, имея одну и ту же природу, или даже, - если уже говорить об общности природы, - имея одну главу - Христа, ты осмеливаешься сказать, что у тебя ничего нет общего с твоими членами? Как же ты исповедуешь, что Христос есть глава церкви? Глава, естественно, соединяет все члены, с точностью направляет их друг ко другу и связывает между собою. Если (на самом деле) у тебя ничего нет общего с твоими членами; то ничего нет у тебя общего и с твоим братом, и Христос не глава тебе. Иудеи пугают вас, как малых детей, а вы не чувствуете этого. Как негодные слуги, показывая детям страшные и смешные личины (сами-то по себе они не страшны, но только представляются такими по слабости детского ума), возбуждают большой смех; так и иудеи пугают только слабых христиан своими личинами. Могут ли, в самом деле, устрашать обряды их, срамные и постыдные, - обряды людей, прогневавших Бога, подпавших бесчестию и осуждению?

4. Не таковы наши церкви; нет, они истинно страшны и ужасны. Ибо, где Бог, имеющий власть над жизнью и смертью; где так много говорят о вечных муках, об огненных реках, о ядовитом черве, о несокрушимых узах, о тьме крошечной, - то место страшно. А иудеи ничего этого и во сне ее видят, так как живут для чрева, прилепились к настоящему, и по своей похотливости и чрезмерной жадности несколько не лучше свиней и козлов; только и знают, что есть да пить, драться из-за плясунов, резаться из-за наездников. Это ли, скажи мне, заслуживает почтения и страха? Кто может утверждать это? Отчего женам представляется это страшным? Разве уже кто скажет, что и опозорившиеся слуги, не смеющие вымолвить слова и выгнанные из господского дома, страшны для (слуг) почетных и пользующихся свободою? Но это - не так, нет. Корчемницы отнюдь не почетнее царских палат; а синагога бесчестнее и всякой корчемницы, потому что служит убежищем не просто для разбойников и торгашей, но для демонов; а вернее сказать, не синагоги только (служат таким убежищем), но и самые души иудеев, что и постараюсь доказать в конце слова. Итак, прошу вас помнить особенно эту беседу; потому что мы

говорим теперь не для того, чтобы показать себя и вызвать рукоплескания, но чтобы утешать ваши души. Ибо какое остается еще нам извинение, когда, при таком множестве врачей, есть между нами больные? Апостолов было (только) двенадцать, - и они привлекли всю вселенную; (а у нас) большая часть города состоит из христиан, и однако ж есть еще больные иудейством. Какое же оправдание нам - здоровым? Конечно, и они, больные, достойны осуждения; но и мы не свободны от него, когда небрежем о них в болезни; нельзя было бы им долго оставаться в недуге, если бы они пользовались особенною попечительностью с нашей стороны. Поэтому увещаю вас теперь, чтобы каждый из вас привлек брата, хотя бы для этого нужно было сделать принуждение, употребить силу, причинить неприятность, или вступить в спор; все сделай, только бы исхитить его из сети диавола и исторгнуть из общества христубийц. Если бы ты увидел на площади, что кого-нибудь, осужденного по справедливому приговору, ведут (на смерть), и имел бы власть вырвать его из рук палача, скажи мне, не употребил ли бы ты всех средств для освобождения его? А теперь видишь своего брата, незаконно и несправедливо влекомого в пропасть гибели, не палачом, а диаволом, и не хочешь вступить в борьбу, чтобы избавить его от такого злодейства? Получишь ли же какое снисхождение? - Но он, скажешь, сильнее и могущественнее тебя? - Покажи его мне: скорее решусь сложить свою голову, нежели дозволю ему вступить в это священное преддверие, если он будет упорствовать и оставаться при том же. Что у тебя (скажу ему) общего о свободу [3], с вышним Иерусалимом? Ты избрал нижний (Иерусалим); с ним и работай: ибо и он, по слову апостола, *работает с чады своими* (Гал. IV, 25). Ты постишься с иудеями? Так сними вместе с ними и обувь, ходи по площади босыми ногами, и будь сообщником их позора и срама. Но ты на это не можешь решиться: тебе стыдно и позорно. Так иметь одинаковую с ними внешность ты стыдишься, а участвовать в их нечестии не стыдишься? Какого же можешь ожидать себе снисхождения, когда ты христианин только на половину? Поверьте, скорее сложу свою голову, нежели оставлю без внимания кого-нибудь из таких больных, если только увижу; если же не буду знать, то Бог, конечно, простит. Об этом пусть поразмыслит и каждый из вас самих, и никто пусть не считает этого дела маловажным. Разве вы не знаете, что диакон постоянно возглашает во время совершения таинств: *познавайте друг друга* [4]? Как он этим обязывает вас к строгому наблюдению за вашими братьями! Так поступай и по отношению к этим людям: когда узнаешь, что кто-нибудь иудействует, останови, объяви о нем, чтобы и тебе самому не подвергнуться вместе с ним опасности. И в воинских лагерях, если кто из среды воинов обличен будет в преданности варварам и единомыслии с персами, не только сам он подвергается опасности, но и всякий из знавших об этом, но не объявивших вождю. А как и вы составляете войско Христово, то тщательно разыскивайте и разузнавайте, не вмешался ли между вами кто-нибудь из иноплеменников, и объявляйте о нем, не для того, чтобы мы, подобно тем (вождям), убили его, или истязали и наказали, но для того, чтобы нам избавить его от заблуждения и нечестия, и свое дело исполнить во всей точности. Если же не хотите этого, и зная (виновного), станете скрывать; то будьте уверены, что подвергнетесь одинаковому с ним наказанию. И Павел подвергает наказанию не только *творящих* зло, но и *соизволяющих* им (Рим. I, 32); и пророк одинаково осуждает как тех, кои крадут, так и тех, кои бегут вместе с ними (Псал. XLIX, 18); и это справедливо. Кто, зная о злодее, прикрывает его, тот дает ему повод к большему своеволию, и располагает его делать зло с большим бесстрашием.

5. Но надобно опять возвратиться к больным. Итак подумайте, с кем имеют общение постыющиеся теперь? С теми, которые кричали: *распи, распи* (Лук. XXIII, 21); с теми, которые говорили: *кровь Его на нас и на чадех наших* (Матф. XXVII, 23). Осмелился ли бы ты подойти к осужденным за покушение на верховную власть и говорить с ними? Не думаю. Как же странно, - с таким старанием избегать сделавших зло человеку, а с оскорбившими Бога иметь общение, и поклонникам Распятого праздновать вместе с

распявшими Его? Это не только глупо, но и крайне безумно. А как некоторые считают синагогу местом досточтимым; то необходимо сказать несколько и против них. Почему вы уважаете это место, тогда как его надлежит презирать, гнушаться и убегать? В нем, скажете, лежит закон и пророческие книги. Что же из этого? Ужели, где будут эти книги, то место и будет свято? Вовсе нет. А я потому-то особенно и ненавижу синагогу и гнушаюсь ею, что, имея пророков, (иудеи) не веруют пророкам, читая Писание, не принимают свидетельств его; а это свойственно людям, в высшей степени злобным. Скажи мне: если бы ты увидел, что какого-нибудь почтенного, знаменитого и славного человека завели в корчемницу, или в притон разбойников, и стали бы его там поносить, бить и крайне оскорблять, неужели бы ты стал уважать эту корчемницу или вертеп потому, что там оскорбляем был этот славный и великий муж? Не думаю: напротив по этому-то самому ты почувствовал бы особенную ненависть и отвращение (к этим местам). Так рассуждай и о синагоге. Иудеи ввели туда с собою пророков и Моисея не для того, чтобы почтить, но чтобы оскорблять и бесчестить их. Ибо, когда они говорят, будто (пророки и Моисей) не знали Христа и ничего не сказали о Его пришествии, то какое же еще может быть большее оскорбление для этих святых, как не обвинение их в том, будто они не знают своего Владыку и участвуют в нечестии иудеев? Значит, поэтому-то больше и следует ненавидеть их, вместе с синагогою, что они оскорбляют святых тех. Но что говорить о книгах и местах? Во время гонений палачи держат в руках у себя тела мучеников, терзают, поражают бичами: так ужели их руки стали святы от того, что держали тела святых? Нисколько. Если же руки, державшие тела святых, скверны по тому самому, что держали незаконно; то те, которые имеют у себя Писания святых и оскорбляют их столько же, как и палачи тела мучеников, ужели поэтому будут заслуживать уважение? Не крайне ли было бы это безумно? Если незаконное держание тел (святых) не только не освящает, но делает еще более скверными держащих: тем более чтение Писаний (пророческих) без веры не может принести пользы читающим. Так это именно настроение, с каким иудеи держат у себя (священные) книги, обличает их тем в большем нечестии. Не имея пророков, они не заслуживали бы такого осуждения; не читая книг, не были бы так нечисты и мерзки. Теперь же они не заслуживают никакого снисхождения; потому что, имея проповедников истины, питают враждебное настроение и к самим проповедникам и к истине. Следовательно, поэтому-то они особенно мерзки и нечисты, что, имея пророков, пользуются ими с враждебным настроением. Поэтому умоляю вас бегать и уклоняться их собраний: (иначе, произойдет) не малый вред для немощных братий и не малый повод к гордости для иудеев. Когда они увидят, что вы, поклонники распятого им Христа, выполняете и почитаете их (обряды); то как им не подумать, что все обряды их прекрасны, а наши ничего не стоят, так как вы, почитая и соблюдая эти последние, в тоже время бежите к уничижающим их? *Аще кто видит тя,* говорит апостол, *имуща разум, в третищи возлежаща, не совесть ли его, немощна суци, созиждется* (расположится) *идоложертвенная ясти* (1 Кор. VIII, 10)? И я говорю: если кто увидит, что ты, имея знание, уходишь в синагогу и смотришь на (праздник) труб, немощная совесть его не расположится ли к почитанию иудейских обычаев? Падающий наказывается не за свое только падение, но и за то, что роняет других; равно как и устоявший не только награждается за свое мужество, но заслуживает уважения и за то, что и в других возбуждает ревность к тому же. Итак, избегайте и собраний, и мест, где бывают иудеи; и никто да не питает уважения к синагоге из-за (священных) книг, но из-за них-то пусть ненавидит ее и гнушается ею, потому что иудеи оскорбляют святых, не веря их словам и представляя их повинными в крайнем нечестии.

6. И чтобы вы убедились, что книги не придают святости месту, но что душевное настроение собирающихся в нем оскверняет его, расскажу вам одну древнюю историю. Птоломей Филадельф, собирая отовсюду книги и узнав, что у иудеев есть Писания, преподающие учение о Боге и о наилучшем устройстве жизни, вызвал из Иудеи мужей и

через них перевел эти Писания, и положил их в храм Сераписа (он был язычник), где и доселе находится этот перевод пророческих книг. Что же? Ужели храм Сераписа из-за этих книг стал свят? Нет; сами они святы, но месту не сообщают святости, вследствие нечистоты собирающихся в нем. Так надобно судить и о синагоге. Если там не стоит идол, зато живут демоны. И это говорю не о здешней только синагоге, но и о той, которая в Дафне: там пропасть, называемая пропастью Матроны, еще более пагубная. Слышал я, что многие из верующих ходят туда и спят подле этого места. Но нет, я никогда не назову таких людей верующими: для меня одинаково нечисто всякое капище как Матроны, так и Аполлона. Если же кто обвинит меня (за эти слова) в дерзости, и я в свою очередь обвиню того в крайнем безумии. Ибо скажи мне: не нечестиво ли то место, где живут демоны, если даже и не стоит там идол? (А место), где собираются христубийцы, где преследуют крест, где хулят Бога, не знают Отца, поносят Сына, отвергают благодать Духа, где еще находятся и самые демоны, - такое место не более ли пагубно? Ибо там (в языческом капище) нечестие явно и очевидно, и не так легко привлечет или обольстит человека умного и здравомыслящего; но здесь (в синагоге иудеи), говорящие о себе, что поклоняются Богу, отвращаются идолов, имеют и почитают пророков, этими словами устраивают только большую приманку и ввергают в свои сети людей простых и неразумных, по их неосторожности. Значит, нечестие как у иудеев, так и у язычников, одинаково; но обольщение у первых действует гораздо сильнее, потому что у них не виден ложный жертвенник, на котором они закаляют не овец и тельцов, а человеческие души. Словом: если ты уважаешь все иудейское, то что у тебя общего с нами? Если иудейское важно и достойно почтения, значит, наше ложно; но если наше истинно, а оно и в самом деле истинно, то иудейское исполнено обмана. Говорю ни о Писаниях, нет; они привели меня ко Христу; но (говорю) о нечестии и нынешнем безумии иудеев. Но пора уже показать, что там в (синагоге) живут и демоны, и не только в этом месте, но и в самых душах иудеев. *Егда же нечистый дух, сказал (Иисус Христос), изыдет от человека, преходит сквозе безводная места, ища покоя: и не обрета глаголет: возвращуся в дом мой, отнюду же изыдох. И пришед, обрящет празден, пометен и украшен. Тогда идет и поймет с собою семь иных духов, лютейших себе, и вшедше, живут ту: и будут последняя человеку тому горша первых. Тако будет и роду сему лукавому* (Лук. XI, 24; Матф. XII, 43-45). Видишь, что демоны живут в душах их, и нынешние - еще лютее прежних. И очень справедливо: потому что иудеи тогда оскорбляли пророков, а теперь ругаются над самим Владыкою пророков. Так вы собираетесь в одно место с людьми, одержимыми демонами, имеющими в себе столько нечистых духов, воспитанными в смертоубийствах и - не ужасаетесь? Следует ли даже обмениваться с ними приветствиями и делиться простыми словами? Напротив, не должно ли отвращаться их, как всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сделали? Не все ли пророки употребляли множество длинных речей на обличение их? Какого злодейства, какого беззакония не затмили они своими гнусными убийствами? Они закаляли в жертву демонам своих сыновей и дочерей, не познали самой природы, забыли муки деторождения, пренебрегали воспитанием детей, ниспровергли до основания законы родства, стали свирепее всех зверей. И звери часто жертвуют и жизнью и пренебрегают собственной безопасностью для защиты своих детенышей; а эти, без всякой необходимости, собственными руками закаляли свои порождения, чтобы угодить врагам нашей жизни, неприязненным демонам. Чему прежде изумляться в них? Нечестию ли, или жестокости и бесчеловечию? Тому ли, что они закаляли своих сыновей, или тому, что закаляли их в жертву демонам? А похотливостию не превзошли ли они самых похотливых животных? Послушай, что пророк говорит о их невоздержности: *кони женонеистовии сотворишася, кийждо к жене искреннего своего ржаше* (Иер. V, 8); не сказал: каждый питал похоть к жене ближнего; нет, с особенною силою выразил их неистовую похоть ржанием (известных) животных.

7. О чем еще сказать вам? О хищениях, о лихоимстве, о притеснении бедных, о кражах, о корчемничестве? Но для рассказа об этом не достанет и целого дня. Но праздники их, скажете, имеют в себе что-то важное и великое! - И их сделали они нечистыми. Послушай пророков, или лучше, послушай самого Бога, какое сильное отвращение показывает Он к ним: *возненавидех и отвергох праздники ваша* (Амос. V, 21). Бог ненавидит их, а ты принимаешь в них участие? Не сказано, (что ненавидит) такой-то и такой-то праздник, но вообще все. Хочешь знать, что Бог ненавидит (иудейское) служение Ему посредством тимпанов, цитр, псалтирей и других инструментов? *Отстави от Мене*, сказал Он, *глас песней твоих и песнь органов твоих не послушаю* (ст. 23). Бог говорит: *отстави от Мене*, а ты идешь слушать трубы? Но не мерзки ли самые жертвы их и приношения? *И аще принесете Ми семидал, всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. I, 13). Кадило их - мерзость, а место - не мерзость? И когда же мерзость? Прежде, чем они совершили самое главное злодеяние, - прежде Креста, прежде христубийства. Так не гораздо ли более (мерзко их кадило) теперь? Что может быть благовоннее кадила? Но Бог судит о приношениях, обращая внимание не на свойство даров, а на расположение приносящих. *Призре на Авеля и потом уже на дары его*; увидел Каина, и потом отвратился от жертв его. *На Каина*, сказано, *и на жертвы его не внят* (Быт. IV, 4, 5). Ной принес в жертву Богу овец, тельцов и птиц, *и обоня Господь*, говорит Писание, *воню благоухания* (Быт. VIII, 21), то есть, принял принесенное. У Бога конечно нет ноздрей: Божество - бестелесно. С жертвенника возносится кверху запах и дым от сожигаемых тел, а зловоннее этого запаха ничего не может быть; однако ж, чтобы ты знал, что Бог то принимает жертвы, то отвращается их, смотря по расположению духа приносящих, (Писание) называет этот запах и дым воней благоухания, а кадило - мерзостью потому, что душа возносящих его исполнена великого зловония. Хочешь ли знать, что Бог отвращается, вместе с жертвами, органами, праздниками, фимиамом, и от храма, из-за людей, которые собираются в нем? Лучше всего Он показал это на деле, когда в известное время предал (храм иудейский) в руки варваров, а потом и совершенно разрушил. Впрочем, и до разрушения, Он взывает и говорит чрез пророка: *не надейтесь на себе в словесех лживых, понеже весьма не уполюзуют вас, глаголюще: храм Господень, храм Господень есть* (Иерем. VII, 4). Не храм, говорит Он, освящает собирающихся в нем, но собирающиеся делают его святым. Если же храм не приносил пользы тогда, когда в нем находились херувимы и кивот; тем менее он принесет пользы, когда все это уничтожено, когда Бог совершенно отвратился от него, и когда открылось еще больше причин для такого отвращения. Как же глупо и безумно праздновать вместе с людьми, покрытыми бесчестьем, оставленными Богом, и раздражавшими Господа? Если бы кто убил твоего сына, скажи мне, ужели ты мог бы смотреть на такого человека, слушать его разговор? Не избегал ли бы ты его, как злого демона, как самого диавола? Иудеи умертвили Сына твоего Владыки; ты осмеливаешься сходить с ними в одном и том же месте? Умерщвленный (Иисус Христос) почтил тебя так, что сделал Своим братом и сонаследником; а ты столь бесславишь Его, что уважаешь убийц и распинателей Его, и угождаешь им участием в их праздниках, ходишь в скверные места их собраний, вступаешь в нечистые преддверия и участвуешь в бесовской трапезе? Так называть пост иудеев должен я после того, как они совершили богоубийство. И как же не демонам служат те, которые делают противное Богу? Но ты ищешь у демонов исцеления? Если демоны уже свиней загнали в море, когда Христос дозволил им войти в них; то пощадят ли человеческое тело? О, если бы они не убивали человека, если бы не строили козней (против него)! Они изгнали его из рая, лишили вышней почести: будут ли же врачевать его тело? Это - насмешка и басни. Демоны умеют только строить козни и вредить, а не врачевать. Они не щадят души; ужели, скажи мне, пощадят тело? Стараются извергнуть (человека) из царства: так захотят ли избавить его от болезни? Разве ты не слышал, как пророк, или вернее - сам Бог чрез пророка говорит, что они не могут сделать ни добра, ни зла? Но если бы они даже и могли и хотели врачевать, - что впрочем невозможно, - тебе однако ж не следует из-за малой и скоропреходящей пользы навлекать

на себя бесконечную и вечную погибель. Ужели хочешь уврачевать тело, чтобы погубить душу? Не хороша твоя прибыль: просишь своего зложелателя об уврачевании (тела), и раздражаешь Бога, сотворившего тело! Не легко ли же какому-нибудь нечестивому человеку, своим врачебным искусством, увлечь тебя к поклонению языческим богам? И язычники своим искусством часто вылечивали от многих болезней и восстанавливали здоровье недужных. Что же? Неужели этому должно принимать участие в их нечестии? Нет. Послушай, что Моисей говорит иудеям: *аще же восстанет в тебе пророк, или видяй соние, и даст тебе знамение или чудо, и приидет тебе знамение или чудо, еже рече к тебе, глаголя: идем, да послужим богом иным, ихже не весте: да не послушаете глагол пророка того, или видящего сон той* (Втор. XIII, 1-3). Эти слова означают вот что: если явится какой-нибудь пророк и сотворит чудо, напр. воскресит мертвого, или очистит прокаженного, или исцелит расслабленного, и, по совершении чуда, будет склонять тебя к нечестию; не верь ему из-за совершенного им чуда. Почему? *Яко искушает Господь Бог твой вас, еже увести, аще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим, и всю душею вашею* (ст. 3). Отсюда видно, что демоны не исцеляют. Если же иногда, по попущению Божию, и сделают они какое исцеление, как и люди; то такое попущение бывает для твоего испытания, не потому, чтобы Бог не знал (тебя), но чтобы ты научился не принимать от демонов и исцеления. И что говорить об излечении тела? Если бы кто-нибудь грозил тебе геенною, чтобы принудить тебя отречься от Христа; не соглашайся; если бы обещал царство, только бы отвлечь тебя от едиnorodного Сына Божия: отворотись и возненавидь его, будь учеником Павла, поревнуй тем словам, которые громко произнесла эта блаженная и доблестная душа: *известихся бо, говорил он, яко ни смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Римл. VIII, 38, 39). Его не могли отлучить от любви Божией ни ангелы, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни другая какая-нибудь тварь: а тебя отлучает врачевание тела? Какое же будет нам извинение? Христос должен быть для нас страшнее и геенны, возжеленнее и царства. Пусть будем мы больны: лучше остаться больным, нежели, для освобождения от болезни, впасть в нечестие. Демон, если и уврачуется, больше повредит, нежели принесет пользы: доставит пользу телу, которое, спустя немного, непременно умрет и сгниет; а повредит он бессмертной душе. Как похитители людей, предлагая маленьким детям лакомства, пирожки, игорные кости и другое, тому подобное, и чрез это приманивая их к себе, часто лишают их свободы и самой жизни; так и демоны, обещая человеку уврачевать тело, совершенно губят спасение души его. Но мы не потерпим этого, возлюбленные; напротив, всячески постараемся избегать нечестия. Не мог ли Иов, согласно убеждению жены, произнести хулу на Бога и освободиться от постигшего его несчастья? *Рцы*, говорила она, *глагол некий ко Господу, и умри* (Иов. II, 9). Но он решил лучше страдать и мучиться, и перетерпеть невыносимый тот удар: нежели произнести хулу на Бога и избавиться от тяготевших на нем бедствий. Поревнуй ему и ты; пусть демон тысячу раз обещает избавить тебя от постигших тебя зол: не склоняйся, не уступай, как и тот праведник не послушался жены; нет, решишь лучше перенести болезнь, нежели потерять веру и спасение своей души. Бог часто попускает тебе впасть в болезнь не потому, чтобы Он оставил тебя, но с тем, чтобы более прославить тебя. Итак, будь терпелив, чтобы и тебе услышать: *мниши ли Мя инако тебе сотворша, разве да явишиися правдив* (Иов. XL, 3)?

8. Можно бы сказать и больше этого, но, чтобы не затруднить вам памятование о сказанном, я здесь окончу свою беседу словами Моисея: *засвидельствую вам днесь небом и землею* (Втор. XXX, 19), что, если кто из вас, здесь ли находящихся или отсутствующих, отправится смотреть трубы (иудейские), или пойдет в синагогу, или взойдет в храм Матроны, или будет участвовать в посте и субботах, или совершать другой какой-нибудь малый или великий иудейский обряд, я чист от крови всех вас. Эти беседы предстанут и

мне, и вам, в день Господа нашего Иисуса Христа. Если вы слушаете, они доставят вам великое дерзновение; а если не слушаете и прикроете кого из отваживающихся на такие дела, они противостанут вам, как строгие обличители. Я не упустил *сказать вам всю волю Божию* (Деян. X, 27), напротив, еще отдал *сребро торжником* (Матф. XXV, 27): вам уже предоставляется умножить данное и плоды от слушания (беседы) употребить на спасение ваших братий. Но, скажет кто-нибудь, тяжело и неприятно объявлять о виновных в этом (участии в иудейских обрядах)? - Нет, тяжело и неприятно молчать об этом: потому что такое молчание и для вас, которые, скрываете, и для тех, которых скрываете, губительно тем, что вооружает против вас Бога. Не гораздо ли лучше досадить подобным нам рабам, лишь бы приобрести спасение, нежели раздражать против себя Господа? Ближний, хотя теперь и понегодует, не может однако же сделать тебе никакого вреда, а впоследствии будет еще благодарен тебе за врачевство; но Бог, если ты умолчишь и скроешь, в угодность своему ближнему, для него губительную, - подвергнет тебя самому тяжкому наказанию. Значит, молчанием ты и Бога вооружишь против себя, и брату повредишь; а объявлением и открытием (виновного) и Бога умилиставишь к себе, и брату принесешь пользу, и сделаешь его самым пламенным другом, когда он на опыте узнает твое благодеяние. Итак не думайте, будто вы угождаете вашим братьям, когда, увидя, что они делают что-либо дурное, не обличаете их со всею строгостию. Если у тебя пропадет одежда, не одинаково ли считаешь своим врагом как укравшего, так и того, кто знает вора и не объявляет о нем? Общая мать наша (церковь) потеряла не одежду, но брата: украл его диавол, и держит теперь в иудействе. Ты знаешь укравшего, знаешь украденного; видишь, что я, зажегши, как бы светильник, слово учения, везде ищу (украденного) с плачем, и стоишь в молчании, и не объявляешь? Какого же ожидаешь ты себе снисхождения? Церковь не сочтет ли тебя величайшим врагом своим, не признает ли супостатом и изменником? Но не дай Бог, чтобы кто-либо из слушающих это наставление дошел когда до такого греха, чтобы т. е. предал брата, за которого Христос умер. Христос пролил за него кровь Свою; а ты не хочешь и слова сказать? Не (делайте этого), прошу; но, вышедши отселе, тотчас поспешите на эту ловлю, и каждый из вас пусть приведет ко мне одного из таких больных. Но лучше бы, если бы и не нашлось столько больных: так пусть двое или трое, или даже десять или двадцать из вас, приведут ко мне одного, чтобы я, увидев пойманную в сети добычу, предложил вам в тот день обильнейшую трапезу. Ибо, если увижу, что нынешний совет мой приведен будет в дело, с большим усердием примусь за врачевание больных, и великая будет польза как вам, так и им. Не поленитесь же, но все без изъятия, со всем усердием, ловите таких больных, женщины женщин, мужчины мужчин, рабы рабов, свободные свободных, дети детей, и поймав, приходите в следующее собрание, чтобы и от нас получить вам похвалу, и, прежде еще наших похвал, заслужить от Бога награду, великую и неизреченную, которая гораздо превосходит труды подвижающихся в добре. Чего да удостоимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда и во веки веков. Аминь.

[1] Т. е. Исаия, Давид и Павел.

[2] Ангелы, херувимы и серафимы.

[3] Здесь указывается на посл. к Гал. IV, 22-26, где Христова церковь или *вышний Иерусалим* уподобляется свободной Сарре, а иудейская церковь или *нижний*, земной Иерусалим - рабыне Агари.

[4] Επιδυνώσκετε ἀλλήλους равносильно диаконскому возгласению в литургии верных: *возлюбим друг друга*, по употреблению в Св. Писании, 1 Кор. XVI, 18.

"Против тех, которые содержат иудейский пост, и против самих иудеев. Сказано за пять дней до их поста, после того, как уже было произнесено другое (ἀλλης) слово".

СЛОВО ВТОРОЕ.

УЖЕ при дверях беззаконный и нечистый пост иудейский. Не удивляйтесь, что я назвал этот пост нечистым: что делается против воли Божией, то сквернее всего, будет ли то жертва, или пост. Итак, чрез пять дней уже наступит беззаконный пост иудеев; а я за десять дней, или и больше, сделал вам предварительное увещание, чтобы предохранить от опасности ваших братьев. Но никто не обвиняй нас в неблаговременности слова, что мы предложили его за столько дней. Ведь, и тогда, как опасаются горячки, или другой какой болезни, предварительно стараются многими лекарствами предохранить тело человека, угрожаемого болезнью, и прежде, чем она придет на самом деле, спешат избавить его от угрожающих бед. Так и мы, видя, что угрожает самая тяжкая болезнь, заранее и задолго вперед объявили о ней, чтобы употреблены были вспомогательные средства прежде, чем зло постигнет нас на деле. Я не отложил увещания до наступления самых дней поста, чтобы тогда краткость времени не помешала вам ловить ваших братьев, но чтобы вы, пользуясь большим промежутком времени, могли с полною свободою отыскать и излечить страждущих этою болезнью. Так поступают и те, которые хотят справлять брак и готовят великолепный обед: они, не в самые дни (праздника), но задолго прежде сговариваются с рыбаками и птицеловами, чтобы после, когда времени будет уже мало, им не встретить какой помехи к приготовлению пиршества. Так и мы, намереваясь предложить вам трапезу (беседу) о безумии иудеев, наперед сговорились с вами - ловцами, чтобы вы поймали в сети слабейших братьев ваших и привели их послушать наши слова. Те из вас, которые уже поймали и держат крепко в сетях, пусть перевяжут (пойманных) словом увещания; а которые еще не наловили этой прекрасной добычи, имеют довольно времени за эти пять дней, чтобы справиться с ловом. Раскинем же сети учения, станем кругом, как ловчие псы, и будем отовсюду сгонять их в пределы церкви. А если угодно, выведем на них, как какого-нибудь превосходного ловчего, блаженного Павла, который вопиет и говорит: *се аз, Павел, глаголю вам, яко, аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользуется* (Гал. V, 2). Многие из диких и неукротимых животных, скрывающихся в лесу, услышав голос охотника, от страха выскакивают, и гонимые силою этого голоса, против воли понуждаемые сильным криком, попадают в самые тенета. Так и ваши братия, скрывающиеся в иудействе как бы в каком лесу, если услышат голос Павла, я уверен, легко попадут в сети спасения, и совершенно отринут иудейское заблуждение. Ибо и говорит не Павел, но Христос, движущий его душою. Значит, когда услышишь, что тот взывает и говорит: *се аз, Павел, глаголю вам яко, аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользуется*, представляй, что это только голос Павла, а мысль и учение - Христа, Который внутренне наставляет его. Но, может быть, кто скажет: ужели обрезание так вредно, что при нем бесполезно все домостроительство Христово? Точно, обрезание так вредно не само по себе, а по неразумию (обрезающихся). Было некогда время, когда закон был полезен и необходим; но теперь он пришел и остается без действия. Посему, если ты примешь его не вовремя, он сделает для тебя бесполезным дар Божий. Потому-то и *Христос вас ничтоже пользуется*, - что вы не хотите придти (к Нему). Если бы кто, за прелюбодеяние и (другие) гнуснейшие пороки, заключен был в темницу, а потом, когда

уже надлежало бы произвести суд и произнести ему обвинительный приговор, пришло от царя письмо об освобождении всех заключенных в темнице, без всякого допроса и исследования; между тем тот (человек), не захотев принять (царской) милости, стал бы настаивать на том, чтобы его подвергли допросам и розыскам; то он, конечно уже не может воспользоваться этою милостию: предав сам себя суду, розыску и приговору, он добровольно лишил себя царской милости. То же случилось и с иудеями. Смотрите: все человечество уличено в самых гнусных пороках. *Вси согрешиха*, говорит апостол (Римл. V, 12), и заключены были под проклятием греха, как бы в темнице; надлежало уже произнести приговор над ними, как пришло с небес послание Царя, или лучше - пришел сам Царь и освободил всех от уз греха, не произведя ни исследования, ни допросов.

2. Посему все, прибегающие (к Спасителю), пользуются даром и спасаются благодатию; а те, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати. Стараясь спастись собственными силами, они не могут и воспользоваться царским человеколюбием, и привлекают на себя проклятие закона, *закон не оправдывает от дел закона всяка плоть* (Гал. II, 17). Посему-то апостол и говорит: *еще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользуется* (V, 2); ибо усиливающийся спастись делами закона не имеет никакого общения с благодатию. То же самое разумел Павел, когда говорил: *еще ли по благодати, то не от дел: закон благодать уже не бывает благодать. Еще ли от дел, ктому несть благодать: закон дело уже несть дело* (Римл. XI, 6). И опять: *еще бо законом правда, убо Христос туне умре* (Гал. II, 21). И еще: *упразднистесь от Христа, иже законом оправдася: от благодати отпадосте* (V, 4). Ты умер для закона, сделался мертвым, и уже не находишься под игом и неволею его. К чему же все и напрасно усиливаешься беспокоить сам себя? Но для чего Павел поставил здесь свое имя, и не сказал просто: *се аз глаголю вам*? Он хотел напомнить галатам о той ревности, какую сам прежде показал в пользу иудейства. Если бы я был из язычников, говорит он, и не знал иудейства; то иной, может быть сказал бы, что я потому изгоняю обрезание из церковных догматов, что не знаю силы его, так как сам не жил в иудействе. Вот для чего он поставил свое имя, - чтобы напомнить им о том, что сделал он для закона. Как бы так говорит он: это делаю не по вражде к обрезанию, но по знанию истины; это говорю я, Павел, тот Павел, который *обрезан осмодневно, от рода Израилева колена Вениаминова, еврей от еврей, по закону фарисей, по ревности гонил церковь* (Фил. III, 5, 6); *в дома входя, и влача мужи и жены, предавах в темницу* (Деян. VIII, 3); все это может убедить самых безрассудных, что я постановил этот закон (об упразднении обрезания), не по вражде какой, или по незнанию иудейства, но по знанию высочайшей Христовой истины. *Свидетельствую же паки*, говорит он, *всякому человеку обрезывающемуся, яко должен есть весь закон творити* (Гал. V, 3). Для чего не сказал: возвещаю же, или заповедую же, или говорю же, но: *свидетельствую*? Для того, чтобы этим выражением напомнить нам о будущем суде; ибо, где свидетели, там суд и приговор. Так он устрашает слушателя, напоминая ему о царском престоле, и показывая, что эти слова будут ему свидетелями в тот день, когда каждый должен будет дать отчет в том, что он сделал, что сказал, и что слышал. Эти (слова апостола) слышали некогда галаты, а теперь пусть послушают и страждущие болезнию галатов; если их и нет здесь, пусть от вас услышат, как Павел взывает и говорит: *свидетельствую же всякому человеку обрезывающемуся, яко должен есть весь закон творити*. Не говори мне, что обрезание составляет только одну заповедь: эта одна заповедь налагает на тебя все иго закона. Если ты хотя частью подчиняешь себя владычеству закона, то необходимо должен повиноваться и прочим повелениям его; если же не исполняешь их, то по всей необходимости подлежишь наказанию и навлекаешь на себя проклятие. Когда воробей попадает в тенета, то, хоть у него запутывается только нога, однако и все остальное тело находится в плену. Подобно этому, и исполняющий одну заповедь закона, об обрезании ли то, или о посте, из-за этой одной заповеди отдал всего себя во власть закона, и не в состоянии уже освободиться от нее, пока имеет

желание повиноваться ему, хотя отчасти. Мы говорим это не с тем, чтобы обвинять закон, нет; но чтобы показать преизобильное богатство благодати Христовой. Закон не противоречит Христу; да и как это может быть, когда он дан Им и к Нему руководит нас? Но говорить обо всем этом мы вынуждаемся неуместною ревностью тех, которые пользуются законом не так, как должно. Они-то и оскорбляют закон, когда то повелевают отстать от него и приступить ко Христу, то снова держатся его. Согласен и я, и никогда не буду отрицать, что закон принес очень много пользы нашему роду; но ты, держась его не вовремя, не даешь (вполне) обнаружиться его великой пользе. Как для воспитателя самую великою похвалою бывает то, что воспитанный им юноша уже не имеет нужды в его надзоре для сохранения целомудрия, потому что уже довольно укрепился в этой добродетели; так и для закона величайшею похвалою является то, что мы уже не имеем нужды в его помощи. Ибо этим-то самым мы и обязаны закону, что душа наша сделалась довольно способною к принятию высшего любомудрия. Значит, кто доселе остается при законе и ничего не может видеть больше того, что там написано, тот не получил от него большой пользы; а я, который оставил его и возвысился до высочайших догматов Христовых, могу восхвалять его особенно за то, что он сделал меня способным возвыситься над мелочностью написанного в нем и взойти на высоту учения, преподанного нам Христом. Закон много принес пользы нашей природе, если только приблизил нас ко Христу; а если нет, то повредил еще тем, что, привязав нас к меньшему, лишил большего и доселе держит в бесчисленных греховных ранах. Ибо, если из двух врачей, из которых один слабее, а другой сильнее (в своем искусстве), один приложит к ранам лекарства и не в состоянии будет освободить больного от боли, возбужденной ими [1]...

З.....брат твой..... *остави ту дар твой пред олтарем, и ишед прежде смирися с братом твоим, и тогда, пришед, принеси дар твой* (Матф. V, 24). Не сказал: совсем оставь жертву и уйди, но: оставь дар пока не принесенным, и ступай примиришься с братом твоим. Впрочем Он сказал так не только здесь, но еще и в другом месте. Так, если кто имеет жену неверную, то есть, язычницу, то не принуждается прогонять ее. *Аще который брат, говорит апостол, жену имать неверну, и та благоволит жити с ним, да не оставляет ее* (1 Кор. VII, 12); а если - распутную и прелюбодейцу, то ему не возбраняется прогнать ее: *яко всяк, говорит Иисус Христос, отпущаяй жену свою, разве словесе любодейного, творит ю прелюбодействовати* (Матф. V, 32). Следовательно, за любодейание можно отпускать жену. Видишь человеколюбие и попечительность Божию? Если, говорит, жена твоя язычница, не прогоняй; а если прелюбодейца, то не возбраняю сделать это. Если она, говорит, оскорбит Меня не прогоняй, а если обесчестит тебя, никто не мешает прогнать. Такой-то Бог удостоил нас чести; а мы неужели не почтим Его и столько же (сколько Он почтил нас), но дозволим своим женам оскорблять Его, зная притом, что нас постигнет величайшее мучение и казнь, если пренебрежем спасением жен? Для того-то Он и сделал тебя главою жены, для того-то и Павел повелел: *аще ли чесому научитися хотят* (жены), *в дому своих мужей да вопрошают* (1 Кор. XIV, 35), чтобы ты, как учитель, попечитель и предстоятель, возбуждал ее к благочестию. А вы, когда время собрания призывает в церковь, не пробуждаете (жен) от беспечности; когда же диавол зовет их к трубам и они с готовностью повинуются ему, не останавливаете их, но равнодушно смотрите, как они увлекаются к преступному нечестию и предаются невоздержности. Ибо туда, обыкновенно, собираются и любодейцы, и изнеженные мужчины, и целая толпа плясунов. И что говорить о совершающихся там прелюбодеяниях? Ужели ты не боишься того, что жена твоя возвратится оттуда с диаволом в душе? Разве ты не слышал, как ясно показало нам предыдущее слово, что демоны обитают и в душах иудеев, и в местах, где они собираются? Как же осмеливаешься ты, скажи мне, после пляски с демонами снова идти в апостольское собрание? Как не страшишься приступить к священной трапезе, участвовать в ней и приобщаться драгоценной крови после того, как ты ходил к пролившим кровь

Христа и имел с ними общение? Тебя не ужасают, не приводят в страх такие преступления? Или ты не благоговеешь пред самой этой трапезой? Все, что сказал я вам, вы передайте им [2], а они пусть передадут своим женам: *созидайте кийждо ближняго* (1 Сол. V, 11). Если страждующий этою болезнью (иудейством) будет оглашенный, то да извержется из преддверия; если верный и посвященный, да будет отлучен от священной трапезы. Ибо не все грехи требуют только увещания и совета; нет, есть и такие, которые исправляются решительным и самым быстрым пресечением. Как более легкие раны уступают слабейшим лекарствам, а загнившие, неизлечимые и губящие все тело требуют острия железного и огня; так и из грехов, одни имеют нужду в продолжительном увещании, а другие - в строгих обличениях. Потому и Павел велел не увещевать только, но и строго обличать, говоря так: *ея же ради вины обличай их нещадно* (Тит. I, 13). Обличим же их теперь нещадно, чтобы они, устыдившись наших слов и осудив сами себя, не заражались более беззаконным (иудейским) постом. Для того и я, оставив наконец увещание, свидетельствую и провозглашаю: *аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят* (1 Кор. XVI, 22). А чем более может кто-либо доказать, что он не любит Господа, как не тем, когда участвует в празднике (иудеев), убивших Его? Таковых не я предал анафеме, а Павел; или даже и не Павел, а Христос, говорящий чрез Павла и выше сказавши, что *иже законом оправдается, от благодати отпадет* (Гал. V, 4). Скажите им эти слова, прочтите этот приговор, и, со всею заботливостию спасши их и исхитив из челюстей диавола, приведите к нам в день поста, чтобы мы, отдав вам остальное из обещанного, единодушно и одними устами с нашими братьями, прославили Бога и Отца Господа Иисуса Христа, потому что Ему слава во веки. Аминь.

[1] Здесь недостает окончания, а в следующем отделении начала.

[2] т. е. склонным к иудейству.

„К тем, которые по прежнему постятся в пасху". Слово это, как показывает самое начало, произнесено после второго, или даже и третьего, слова **против аномеев**.

СЛОВО ТРЕТЬЕ.

ОПЯТЬ крайняя и настоятельная нужда, прервав порядок прежних бесед, заставляет нас сегодня говорить о ней самой и отвлекает от прений с еретиками. Мы намерены были побеседовать с вашей любовью опять о славе Единородного, но нелепое упорство желающих по прежнему поститься в пасху вынуждает нас все нынешнее поучение употребить на их врачевание. И хороший пастух, не только отгоняет волков (от своего стада), но и со всею заботливостию лечит заболевших овец: ибо какая польза, когда овцы, хоть и избегают пасти зверей, за то истребляются болезнью? Так и наилучший военачальник, не только отражает замыслы (внешних) врагов, но еще прежде этого умиряет волнующийся город, зная, что внешняя победа не принесет никакой пользы, пока будет продолжаться внутренняя, междоусобная война. А чтобы тебе увериться, что нет ничего гибельнее (внутреннего) раздора и несогласия, послушай, что говорит Христос: *всякое царство, разделившееся на ся, запустеет* (Матф. XII, 25). Что, кажется, могущественнее государства, у которого есть и денежные доходы, и оружие, и стены, и крепости, и огромное войско, и конница, и бесчисленное множество других средств,

увеличивающих его силу? Однако ж, если в нем возникнет междоусобие, вся эта сила сокрушается: ибо ничто так не ослабляет (общества), как ссоры и распри, и напротив, ничто столько не усиливает и не укрепляет, как любовь и согласие. Сознавая это, и Соломон говорил: *брат от брата помогаем, яко град тверд и высок, укрепляется же, якоже основанное царство* (Причт. XVIII, 19). Видишь, как сильно единокровные, и как гибелен раздор? Царство, раздираемое междоусобием, гибнет; а два человека, соединившиеся и тесно связанные между собою, - непоколебимее всякой стены. Знаю, что у нас, по милости Божией, большая часть стада свободна от этой болезни; однако поэтому не должно еще пренебрегать врачеванием. Если бы даже больных было только десять человек, или пять, или два, или только один, и тогда не надлежало бы оставлять его без внимания; пусть он и один, притом незначительный и презренный человек, однако и он брат, за которого Христос умер. О малых-то Христос заботится много. *Иже аще соблазнит*, говорит Он, *единого малых сих верующих в Мя, уне есть ему, да одесится жернов осельский на выи его, и потонет в пучине морстей* (Матф. XVIII, 6). И опять: *понеже не сотвористе единому сих меньших, ни мне сотвористе* (XXV, 45). И еще: *несть воля пред Отцем вашим небесным, да погибнет един от малых сих* (XVIII, 14). Как же будет безрассудно, если мы вознерадим о малых, когда Христос столько заботится о них? Не о том говори, что он (больной) один, но о том, что один, оставленный без внимания, передает свою болезнь и прочим. *Мал квас*, говорит апостол, *все смешение квасит* (Гал. V, 9). Это-то и губит и расстраивает все, что мы пренебрегаем малым; от того-то и (малые) раны делаются большими, точно также, как большие легко сделаются малыми, если о них позаботятся надлежащим образом. Так вот что мы наперед скажем им [1]: ничего нет хуже, как раздор и брань, как расторгать церковь и раздирать на многие части хитон, которого не осмелились разорвать и разбойники. Не довольно ли других ересей? Нет, мы еще рассечем сами себя! Разве не слышишь, что говорит Павел: *аще же друг друга угрызаете и снедаете, блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете* (Гал. V, 15)? Ходишь ты вне стада, и не боишься, скажи мне, льва, который бродит около (стада)? *Зане супостат ваш диавол*, говорит апостол, *яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Смотри мудрость пастыря: не пустил (зверя) в самую средину овец, чтобы не перепугать стада: не прогнал его и далеко, чтобы опасением зверя заставить всех (овец) собраться вместе. Не боишься ты Отца? Побойся врага: если отделишься от стада, он, наверно, схватит тебя. Христос мог бы прогнать его и далеко, но позволил ему рыкать около (стада), чтобы заставить тебя быть бодрым и заботливым, и постоянно прибегать к матери (церкви), чтобы находящиеся в стаде, слыша голос его, больше соединялись между собою и прибегали друг к другу. Так поступают и сердобольные матери: когда дети расплачутся, они грозят бросить их на съедение волкам, не с тем, чтобы в самом деле бросить, но чтобы дети перестали плакать. Так Христос все сделал, чтобы мы жили в мире и согласии друг с другом.

2. Поэтому и Павел, хотя мог обличать коринфян во многих и важных (грехах), но прежде всего обличает их в раздорах. Так, он мог бы осудить их и за блуд, и за гордость, и за языческие судилища, и за пиршества в идольских капищах, и за то, что жены их не покрывали своих голов, а мужчины покрывали; кроме этого, за презрение к бедным, за превозношение дарованиями и (за сомнение) касательно воскресения мертвых; но, так как мог он, вместе со всем этим, обличить их еще за раздор и несогласие между собою, то, оставя все прочие пороки, наперед исправляет этот последний. И если я не затрудню вас, то докажу самыми словами Павла, что это действительно так. Так, что они блудодействовали, об этом послушай, что говорит он: *отнюдь слышится в вас блуждение* (1 Кор. V, 1). Что они были горды и надменны: *яко не грядущу ми к вам, разгордешася нецыи* (IV, 18). Что судились у язычников: *смеет ли кто от вас, вещь имея ко иному, судитися от неправедных* (VI, 1)? Что ели идоложертвенное: *не можете трапезе Господней причащаться и трапезе бесовстей* (X, 21). Послушай, как он укоряет их и за

то, что женщины у них не покрывались, а мужчины напротив: *всяк муж, молитву дея или пророчествуяй покрытою главою, срамляет главу свою. И всяка жена, молитву деющая или пророчествующая откровенною главою, срамляет главу свою* (XI, 4, 5). А что они презирали бедных, и это ясно показал апостол словами: *ов убо алчет, ов же упивается* (ст. 21); и еще: *или о церкви Божией нерадите, и срамляете не имущие* (ст. 22)? Так как все они домогались больших дарований духовных, и никто не хотел принимать меньших, то он говорит: *еда вси апостоли, еда вси пророцы* (XII, 29)? А что они сомневались касательно воскресения мертвых, и об этом говорит: *но речет некто: како возстанут мертвии? коим же телом приидут* (XV, 35)? Но не смотря на то, что мог он обличить их в столь многом, (апостол) ни о чем не сказал им прежде, как о несогласии и раздоре, лишь только начал послание, уже и говорит так: *молю же вы, братие, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси, и да не будут в вас распри* (1 Кор. I, 10). Он знал, очень хорошо знал, что это не терпело отлагательства. Блудник, и гордец, и зараженный другим каким-нибудь пороком, очень скоро отстанет от него и исцелится, если всегда будет ходить в церковь и постоянно слушать поучения; но кто прервал связь с этим собранием, уклонился от отеческого наставления и убежал из врачевницы, тот, хотя и кажется здоровым, скоро подвергнется болезни. Как искусный врач прежде прекращает горячку и потом залечивает раны и вереды, так поступил и Павел; уничтожив наперед раздор, он потом начал уже врачевать и раны каждого члена. Поэтому, прежде всего он говорит о том, чтобы (коринфяне) не ссорились между собою, не выбирали сами себе начальников, и не рассекали тела Христова на многие части. Впрочем, он говорил это не им только, но и тем, которые после них страждут тою же болезнью; таких людей и я хотел бы спросить, что значит Пасха? Что такое Четыредесятница? Что такое иудейская пасха и что наша? Почему та ежегодно бывает только однажды, а эта совершается в каждое собрание [2]? Что такое опресноки? (Хотел бы спросить еще) и о многом другом, что только относится к этому же самому предмету. И тогда вы хорошо бы узнали, как неразумно упорство тех, которые и не могут дать отчета в своих поступках, и не учатся у других, как будто они умнее всех. А это-то и заслуживает крайнего осуждения, когда они и сами не знают дела, и приказаний не слушают, но действуя без рассуждения, по глупой привычке стремятся в бездну и пропасти.

3. Как же они умничают, когда мы так возражаем им? Вы сами, говорят они, не так ли постились прежде [3]? Не твое дело говорить об этом мне, а я вправе сказать тебе, что и мы прежде постились в это же время, однако общее согласие предпочли совпадению времен. Что Павел говорил галатам, то и я говорю вам: *будите, якоже аз: зане и аз, якоже вы* (Гал. IV, 12). Что это значит? Он убеждал их отстать от обрезания, оставить субботы, и дни, и все другие обряды, предписываемые законом. Потом, заметив их боязнь и опасение, как бы им за нарушение закона не подвергнуться ответу и наказанию, он ободряет их собственным примером, говоря: *будите, якоже аз: зане и аз, якоже вы*. Разве я, говорит он, пришел от язычников? Разве я не знаю подзаконной жизни и того наказания, которое ожидает нарушителей закона? *Евреин от еврей, по закону фарисей, по ревности гоних церковь Божию, по правде законной быв непорочен. Но яже ми бяху приобретения, сия вмених Христа ради тщету* (Фил. III, 5-7), то есть решительно отстал от них. Итак будьте, как и я; потому что и я был, как вы. И что говорю я о себе? Более трех сот отцев, собравшись в Вифинской стране, постановили это [4], и ты бесчестишь всех их? Одно из двух: ты обвиняешь их или в невежестве, будто бы они не знали хорошо (того, что учреждали), или в робости, будто бы они, хотя и зная, лицемерили и изменили истине. Это необходимо следует, коль скоро ты не исполняешь их постановления. Но что они обнаружили тогда и великую мудрость и мужество, это показывают все деяния (собора). О мудрости их свидетельствует изложенная тогда вера, которая заградила уста еретиков и, как непоколебимая стена, отразила все козни их; а о мужестве - только что окончившееся гонение и несогласие в церквах. Как храбрые воины, воздвигшие

бесчисленное множество трофеев и покрытые многими ранами, пришли тогда со всех сторон предстоятели церквей, нося на себе раны Христовы и свидетельствуя о множестве мучений, которые претерпели они за исповедание веры. Одни из них могли рассказать о рудокопнях и претерпенных ими там страданиях; другие о лишении всего имущества, иные о голоде, а иные о частых бичеваниях. Одни могли указать на истерзанные ребра; другие на избитую спину, иные на исторгнутые глаза или на другую какую-нибудь часть тела, которой лишились они за Христа. Из таких-то подвижников состоял тогда весь собор; они-то, вместе с изложением веры, постановили и то, чтобы праздник (пасхи христиане) совершали все вместе и согласно. Итак, могли ли эти мужи, не изменившие вере в столь тяжкие времена, лицемерить в назначении известных дней (поста и пасхи)? Смотри, что ты делаешь, когда осуждаешь столь многих отцев, так мужественных и мудрых. Если фарисей, осудив мытаря, потерял все, что было у него доброго; то какое извинение, какое оправдание будешь иметь ты, когда восстаешь против столь многих боголюбезных учителей, и притом несправедливо и совершенно неосновательно! Разве ты не слышал, что говорит сам Христос: *идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Матф. XVIII, 20)? Если же Христос находится посреди двух или трех, тем более Он находился, все определял и постановлял там, где было более трех сот. А ты обвиняешь не только их, но и всю вселенную; потому что и она одобрила их определение. Или думаешь, что иудеи умнее отцев, собравшихся со всей вселенной; иудеи, которые лишились всего отечественного устройства и ни одного праздника не совершают (по надлежащему)? Что у них нет ни опресноков, ни пасхи (многие, как слышу я, говорят и то, что пасха (христианская) должна быть с опресноками), - что у них нет опресноков, выслушай об этом слова законодателя (Моисея): *не возможеши жрети пасхи ни в едином от градов твоих, яже Господь Бог твой даст тебе: но токмо на месте, еже изберет Господь Бог твой, призываети имя Его ту* (Втор. XVI, 5, 6), разумея здесь Иерусалим. Видишь, как Бог, привязав этот праздник к одному городу, впоследствии разрушил и самый город, чтобы и по неволе отклонить их от прежнего порядка жизни? Всякому известно, что Бог предвидел будущее. Для чего же Он собрал их туда со всей вселенной, если предвидел, что этот город погибнет? Не ясно ли, что Он хотел отменить и самый праздник? Бог отменил его, а ты последуешь иудеям, о которых пророк говорит: *и кто слеп, разве раби Мои; и глуши, разве владеющие ими* (Иса. XLII, 19)? В самом деле, к кому не были они неблагодарны и бесчувственны? К апостолам ли, к пророкам ли, к учителям ли своим? Но что и говорить об учителях и пророках, когда они убивали даже детей своих! Они, ведь, закаляли в жертву демонам своих сыновей и дочерей (Пс. CV, 37). Они не познали самой природы, и усердствовали соблюдать дни? Попрали родство, забыли детей, забыли самого Бога, создавшего их: *Бога рождшего тя*, говорит Моисей, *оставил еси, и забы Бога питающего тя* (Втор. XXXII, 18); оставили Бога, и - усердствовали соблюдать праздники? Кто бы мог сказать это? И Христос праздновал с (иудеями) пасху, не для того, чтобы мы праздновали ее с ними, но чтобы посредством тени ввести истину. Он и обрезанию подвергся, и наблюдал субботы, и совершал их праздники, и вкушал опресноки, и все это делал в Иерусалиме; но мы ни к чему этому не обязаны; напротив, Павел взывает к нам: *аще обрезаетеся, Христос вас ничтоже пользует* (Гал. V, 2). И опять об опресноках: *темже да празднуем, не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истины* (Кор. V, 8). Наши опресноки состоят не в замешанной муке, но в безукоризненном поведении и добродетельной жизни.

4. Для чего же Христос совершил тогда (пасху)? Так как древняя пасха была образом будущей, а за образом надлежало следовать истине; то Христос, наперед показав тень, потом предложил на трапезе и истину. А с появлением истины, тень уже скрывается и делается неуместною. Итак не представляй мне этого в возражение, а докажи, что Христос повелел делать это и нам. Я, напротив, докажу, что Он не только не повелел нам наблюдать дней (Моисеева закона), но и освободил нас от этой необходимости.

Послушай, что говорит Павел; а когда назову Павла, разумею Христа, потому что Он движет душею Павла. Так что же говорит он? *Дни сматрываете и месяцы, и времена, и лета. Боюся от вас, еда како всуе трудихся в вас* (Гал. IV, 10, 11). И опять: *елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. XI, 26). А словом: *елижды* (всякий раз) апостол отдал на волю (христианину, когда) приступать (к таинству евхаристии), и таким образом вовсе освободил его от наблюдения времен. Ведь пасха и четырехдесятница не одно и то же; но иное - пасха, иное - четырехдесятница. Четырехдесятница в каждый год бывает однажды, а пасха (евхаристия) трижды в неделю, а иногда и четырежды, и даже столько раз, сколько мы захотим; потому что (наша) пасха - не пост, а приношение и жертва, совершающаяся всякий раз, как бывает собрание (литургия). А что (наша) пасха в этом и состоит, послушай слов Павла: *пасха наша за ны пожрен бысть, Христос* (1 Кор. V, 7); и: *елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете* (1 Кор. XI, 26). Значит, всякий раз, как ты приступаешь (к приобщению св. таин) с чистою совестью, ты совершаешь пасху, - не тогда, т. е. когда постишься, но - когда участвуешь в этой жертве. *Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете*; а возвешение смерти Господней и есть пасха. И сегодняшнее приношение, и то, которое совершено вчера, и совершается каждодневно, одинаково с тем, которое совершилось тогда в субботний день; и то нисколько не священнее этого, и это не ниже того, но и то и другое - одинаково, равно страшно и спасительно. Для чего же, скажете, мы постимся в эти сорок дней? В древности многие приступали к св. тайнам, без разбора и как случилось, особенно в то время, когда Христос преподавал их. Заметив вред, какой происходит от небрежного приступления, отцы, собравшись вместе, назначили сорок дней поста для молитв, слушания (слова Божия), и церковных собраний, дабы все мы, тщательно очистив себя в эти дни молитвами, милостынею, постом, всенощными бдениями, слезами, исповедью, и всеми другими средствами, приступали таким образом с чистою совестью, сколько нам это возможно. И что они сделали великое дело, когда, по такой снисходительности, установили у нас обычай поститься, это видно из следующего. Вот, мы в течение всего года не перестаем взывать и проповедовать о посте, и - никто не внимает словам нашим; но лишь настанет время четырехдесятницы, тогда, хотя бы никто не убеждал и не советовал, и самый ленивый пробуждается, потому что получает совет и убеждение от самого времени. Итак, если иудей и еллин спросят тебя: для чего постишься? не говори, что для пасхи или креста: этим ты дашь ему сильное оружие против тебя. Нет, мы постимся не для пасхи и не для креста, но ради своих прегрешений, потому что намереваемся приступить к тайнам; пасха же есть предмет не поста и плача, но веселия и радости. Ибо крест изгладил грех, сделался очищением всего пира, примирением долговременной вражды; отверз врата небесные, людей ненавистных (Богу) сделал друзьями, возвел наше естество на небо, и посадил одесную Престола, доставил нам и другие бесчисленные блага. Итак, из-за всего этого должно не плакать и сокрушаться, а веселиться и радоваться. Поэтому и Павел говорит: *мне же да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. XI, 14). И опять: *составляет же свою любовь к нам Бог, яко еще грешником сущим нам, Христос за ны умре* (Римл. V, 8). И Иоанн вот что говорит: *такое бо возлюби Бог мир* (Иоан. III, 16). Как, скажи? Умолчав обо всем прочем, он указал на крест. Ибо сказав: *такое бо возлюби Бог мир*, прибавил: *яко и Сына Своего Единородного дал есть на распятие, да всяк веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный*. Итак, если крест есть предмет любви и похвалы, то не будем говорить, что мы из-за него плачем: нет, мы плачем не из-за него, но из-за своих прегрешений. Вот почему мы постимся.

5. Только оглашенный никогда не совершает пасхи, хотя и постится ежегодно, потому что он не участвует в приношении (евхаристии); между тем как и непостящийся, но приступающий с чистою совестью, совершает пасху, сегодня ли, завтра ли, или вообще всякий раз, когда он участвует в приобщении. Ибо достойное причащение зависит не от

наблюдения времени, но от чистой совести. А мы делаем напротив: сердца не очищаем, но, если только приступим в (субботний) день, то уже и думаем, что совершаем пасху, хотя бы и обременены были бесчисленными грехами. Но это не так, нет; напротив, если ты приступишь и в субботу с лукавою совестью, то все-таки не получишь приобщения, и уйдешь, не совершив пасхи; и наоборот, если и сегодня приобщишься, загладив грехи свои, то в точности совершишь пасху. Итак, эту-то точность и тщательность вы должны бы показывать не в наблюдении времен, но в приступлении (к причащению). И, как вы теперь готовы лучше перенести все, нежели переменить обычай, так надлежало бы вам пренебречь этим обычаем и решиться все претерпеть и сделать, только бы не приступать (к приобщению) во грехах. А что Бог не обращает внимания на такое наблюдение времен, послушай, как Он судит: *взалкахся бо, говорит Он, и дасте Ми ясти: возжадахся и напоисте Мя: наг и одеясте Мя* (Матф. XXV, 35, 36); а стоящих ошуюю укоряет за противное этому. И опять, когда приведен был иной раб, (Бог) наказывает его за злопамятство: *рабе лукавый, весь долг он отпустих тебе: не подобаше ли и тебе помиловати клевету твоего, якоже и Аз тя помиловах* (Матф. XVIII, 32, 33)? Он не впустил также юродивых дев в чертог жениха за то, что у них не было елея в светильниках; а одного осудил за то, что он вошел не в брачном одеянии, но в нечистых одеждах, то есть, оскверненный прелюбодеянием и нечистотою; напротив, никто никогда не был наказан и осужден за то, что совершал пасху в такой-то и такой-то месяц. И что говорить о нас, которые освобождены от всякой такого рода необходимости, и живем горе - на небесах, где нет ни месяцев, ни солнца, ни луны, ни годичного круговращения? Кто захочет тщательно вникнуть в дело, тот увидит, что сами иудеи не много обращают внимания на время, но выше его ставят место - Иерусалим. Ибо когда люди, пришедши к Моисею, говорили: *мы нечисти есмы о души человеци: еда убо лишимся принести дар Господу* (Числ. IX, 7): *станите ту*, сказал им Моисей, *да услышу, что повелит Господь о вас* (Числ. IX, 9). Потом, вознеся жертву, дал им закон, предписывающий, что *иже аще будет нечист о души человеци, или на пути далеке, и не может сотворити в первый месяц пасху, да сотворит во второй* (ст. 10). Таким образом даже у иудеев допускается нарушение определенного времени, только бы пасха совершалась в Иерусалиме; а ты не предпочитаешь времени единение с церковью, но, чтобы наблюсти дни, оскорбляешь общую нашу мать и рассекаешь святое собрание? Как же можешь ты заслужить прощение, когда без всякой причины решаешься на такой грех? И что говорить об иудеях? Ведь и мы, сколько бы ни желали, ни старались, никак однако же не можем наблюсти тот день, в который Христос распят: это видно из следующего. Если бы иудеи и не согрешили, и не сделались неблагодарными, бесчувственными, небрежными и презрителями; если бы они и не потеряли отечественного устройства, но вполне сохраняли бы его доселе: и тогда невозможно было бы нам, последуя им, наблюсти тот день, в который Христос был распят и совершил пасху. А как это, я и скажу теперь. Когда Христос был распят, тогда был первый день опресноков и пяток; но пяток и первый день опресноков не всегда могут совпадать. Вот напр., в настоящем году первый день опресноков совпадает с воскресеньем: поэтому надлежало бы поститься всю неделю, и нам, когда уже пройдут и страсти, и настанет крест (распятие Христово) и воскресение, пришлось бы все еще поститься. И часто случалось, что пост (иудейский) продолжался после креста, после воскресения, пока не кончится неделя. Таким образом никак нельзя наблюсти время.

6. Не будем же спорить и говорить: я столько лет наблюдал (иудейский) пост, и теперь ли переменить мне обычай? Поэтому-то самому и перемени: столько времени ты отделялся от церкви, возвратись же наконец к матери. Ведь никто не говорит: так как я столько времени был во вражде, то теперь стыдно мне помириться. Стыдно коснеть в неразумной настойчивости, а не переменяться на лучшее. То-то и погубило иудеев, что они, стараясь всегда соблюдать древний обычай, дошли до нечестия. И что говорить о посте и

наблюдении дней? Павел строго соблюдал закон, много подъял трудов, много совершил путешествий, много перенес и других бедствий, и точноию в исполнении обрядов иудейских превосходил всех своих сверстников; однако, и по достижении высшего совершенства в (иудейской) жизни, как только узнал, что все это он делал ко вреду и на погибель (себе), тотчас переменился. Он не спрашивал себя: что это такое? Ужели я напрасно употреблял столько усердия, потерял столько труда? Нет, для того-то он и переменился скорее, чтобы снова не понести той же потери, для того и презрел праведность законную, чтобы получить праведность от веры: *яже ми бяху приобретения*, взывает он, *сия вмених Христа ради тщету* (Фил. III, 7). - *Аще принесеши дар твой*, говорит Иисус Христос, *ко олтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Матф. V, 23, 24). Что скажешь на это? Когда просто брат твой имеет что-нибудь против тебя, Христос не позволяет тебе принести жертву, доколе не помиришься с братом; а когда имеет (нечто) против тебя вся церковь и столько отцев, ты осмеливаешься и позволяешь себе приступать к божественным тайнам, не прекратив этой неразумной вражды? И как же можешь ты, в таком расположении духа, совершить пасху? Говорю это не к тем только, но и к вам - здоровым, чтобы вы, сколько ни увидите таких, всех их с великою осторожностью и ласковостью взяли и собрали, и привели к матери. Если даже они будут противиться, будут уклоняться, или другое что делать, не отстанем, доколе не убедим их; ибо ничто не может сравниться с миром и согласием. Поэтому и отец наш (епископ), вошедши (в церковь), не прежде восходит на эту кафедру, как испросив всем вам мир; и встав, не прежде начинает учить вас, как преподав всем мир. И священники, когда хотят благословлять, прежде всего испросят мир для вас, и потом уже начинают благословлять; также и диакон, приглашая молиться, вместе с прочими прошениями повелевает в молитве просить ангела мирна; да и все возносимые им моления исполнены мира, и наконец, отпуская вас из сего собрания, он желает вам этого же, говоря: *с миром изыдите*. Вообще, без мира ничего нельзя ни сказать, ни сделать. Он есть наш питатель и отец, который лелеет нас с великою заботливостью. Мир же я разумею не тот, что состоит в пустом приветствии и общении трапез, но мир по Боге, происходящий от духовного единения. Это-то единение многие теперь расторгают, когда, по неразумной ревности, уничтожая наши постановления и придавая большую важность иудейским, считают их (иудеев) учителями, заслуживающими большего доверия, чем наши отцы, и христубийцам верят (в том, что касается) страдания (Христового). Что может быть бессмысленнее этого? Разве не знаешь, что иудейская пасха есть образ, а христианская - истина? Смотри, какая между ними разность: та избавляла от телесной смерти, а эта прекратила гнев (Божий), которому подпала вся вселенная; та избавила некогда от Египта, эта освободила от идолослужения; та погубила фараона, эта - диавола; после той - Палестина, после этой - небо. Что же ты сидишь со свечью, когда уже взошло солнце? Зачем хочешь питаться молоком, когда дается тебе твердая пища? Для того тебя и кормили молоком, чтобы ты не оставался на молоке; для того и светила тебе свеча, чтобы ты пришел к солнцу. Итак, когда настало совершеннейшее состояние, не будем возвращаться к прежнему, - не будем наблюдать дней, времен и годов, но во всем неуклонно последуем церкви, всему предпочитая любовь и мир. Если бы даже и ошибалась церковь, и в таком случае не столько бы было похвально точное наблюдение времен, сколько осуждения достойны разделение и раскол. Вот я нисколько не забочусь о времени, так как и Бог не (заботится), что мы уже и показали (ибо и об этом я уже много говорил); одного только домогаюсь, чтобы нам делать все в мире и единомыслии, чтобы, когда мы постимся со всем народом, и священники совершают общественные молитвы за вселенную, в это время ты не оставался дома пьянствовать. Подумай, ведь это - диавольское навождение, и составляет не один, не два, не три греха, но гораздо более: отделяет тебя от стада (Христового), заставляет обвинять столь многих отцев, ввергает в упорство, увлекает к иудеям и выставляет тебя на соблазн и домашним и чужим. Ибо как

станем мы упрекать их в том, что они сидят дома, когда и ты бежишь к ним? А кроме этих важных грехов может произойти больший вред, когда ты во время постов тех (с иудеями) не будешь пользоваться ни Писанием, ни собраниями, ни благословением, ни общими молитвами, но все это время проведешь с нечистой совестью, в страхе и трепете, чтобы не уличили тебя, как какого-нибудь иноплеменника и инородца, между тем как тебе надлежало бы, вместе с церковью, совершать все с дерзновением, с удовольствием, с радостию и совершенною свободою. Церковь не знала строгого наблюдения времен; но когда затем всем отцам (церкви) угодно было собраться вместе из различных стран и назначить определенный день (пасхи), то церковь, во всем почитающая согласие и любящая единомыслие, приняла их определение. А что ни вам, ни нам и никому другому (из христиан) не возможно так ограничивать наш воскресный день, это достаточно доказано выше. Не будем же сражаться с тению, и, споря из-за случайного, не повредим себя в важнейшем. Поститься в то или другое время - не предосудительно, но разделять церковь, жить в раздорах, производить расколы и постоянно уклоняться от (церковного) собрания, это не простительно, достойно осуждения и влечет за собою тяжкое наказание. Можно бы сказать и больше этого, но для внимательных достаточно и сказанного; а для не внимательных не было бы пользы, если бы сказано было и больше. Посему, заканчивая здесь слово, все вместе попросим наших братьев возвратиться к нам, возлюбить мир, отстать от неразумного упорства, и, оставив без внимания маловажное, проникнуться возвышенными и важными мыслями, и освободиться от наблюдения дней, чтобы всем нам единодушно, едиными устами прославлять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] Христианам, держащимся иудейства.

[2] Здесь и в других местах этого слова св. Златоуст под Пасхою христианскою разумеет таинство евхаристии.

[3] т. е. вместе с иудеями, до определения Никейского собора о праздновании христианской Пасхи не в одно время с иудейскою.

[4] т. е. касательно празднования христианской Пасхи не в одно время с иудейскою. Разумеется первый вселенский собор в 325 г. по Р. Х.

Полное заглавие: "его же (Златоуста) против иудеев слово четвертое, на трубы их пасхи. Говорено в Антиохии, в великой церкви". Самое начало этой беседы показывает, что она произнесена спустя довольно долго после первых трех слов против иудеев.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ.

ОПЯТЬ, жалкие и несчастнейшие из всех людей, иудеи хотят поститься, и опять нужно оградить стадо Христово. И пастухи, пока не беспокоит их никакой зверь, расположившись под дубом или сосной, играют на свирели, оставляя овец пастись на всей воле; а как приметят приближение волков, бросив свирель, берут в руки пращу, и, оставив рожок, вооружаются палками и камнями, и, став впереди стада и подняв большой и сильный крик, часто одним этим криком, не делая еще нападения на зверя, прогоняют его.

Так и мы, в предшедшие дни услаждаясь, как бы на лугу каком изъяснением Писания, не употребляли ни одного спорного слова, потому что никто не беспокоил нас; а как сегодня, свирепейшие всех волков, иудеи хотят окружить наших овец, то необходимо бороться и ратовать, чтобы ни одна овца не была похищена у нас зверями. И не дивитесь, что мы, еще за десять и более дней до наступления поста (иудейского), уже вооружаемся и ограждаем ваши души: ведь и трудолюбивые земледельцы, если имеется по близости быстрый поток, опустошающий нивы, не во время дождливой погоды, но еще до этой поры, ограждают и берега (потока), и поднимают насыпи, и проводят канавы, и всячески укрепляются против него. Пока он еще тих и маловоден, легко удержать его; но когда увеличится и весьма быстро понесет воды свои, тогда уже не так легко останавливать его: вот почему (земледельцы) за долго предупреждают напоры его, придумывая все возможные преграды. Так же поступают, обыкновенно, и воины, и корабельщики, и жнецы. Те, еще до сражения, вычищают и латы, и осматривают щиты, и заготавливают удила, и кормят лошадей с большим старанием, и все прочее устроят старательно. И корабельщики, прежде чем спустить корабль в пристань, исправляют и киль, и подновляют бока (корабля), и обтесывают весла, и сшивают паруса, и упорядочивают все остальные принадлежности корабля. Подобным образом и жнецы, за много дней оттачивают и серпы, и готовят гумно, и волов, и телегу, и все прочее, что потребно для жатвы. Да и все люди, известно, заранее делают приготовления к своим занятиям, чтобы, когда настанет время занятий, легко было им сделать дело. Им-то подражая, и мы за много дней вперед ограждаем ваши души, и увещеваем вас бегать от этого нечестивого и незаконного поста (иудейского). Не говори мне, что (иудеи) постятся; но докажи то, согласно ли с волею Божиею они это делают; если же нет, то пост их - незаконнее всякого пьянства. Должно не на дела их только смотреть, но исследовать и причину дел. Что бывает по воле Божией, то, хотя бы казалось и худым, лучше всего; а что противно и не угодно Богу, то, хотя бы и казалось самым лучшим, хуже и незаконнее всего. Если кто даже совершит убийство по воле Божией, это убийство лучше всякого человеколюбия; но если кто пощадит и окажет человеколюбие вопреки воле Божией, эта пощада будет преступнее всякого убийства. Дела бывают хорошими и худыми не сами по себе, но по Божию о них определению.

2. И чтобы удостовериться тебе в справедливости этого, послушай вот что. Некогда Ахав, взяв в плен одного сирийского царя, вопреки воле Божией сохранил ему жизнь, посадил его вместе собою (на колесницу) и отпустил с великою честью. Затем один пророк, пришедши к ближнему своему, сказал: *по словеси Господню бий мя: и не восхоте человек бити его; и рече к нему: понеже не послушал еси гласа Господня, се ты отыдеши от мене и поразит тя лев. И отыде от него; и обрете его лев и порази его, и обрете человека иного и рече: бий мя: и би его человек и порази его, и сокруши лице его* (3 Цар. XX, 35-37). Что может быть страннее этого? Поразивший пророка остался цел, а пощадивший - наказан: знай же, что, когда Бог повелевает, тогда не должно рассуждать о свойстве самого дела, но только повиноваться. И вот, чтобы первый (ближний) не пощадил пророка из уважения к нему, пророк не просто сказал ему *бий мя*, но: *по словеси Господню*, то есть, Бог повелел, ни о чем больше не спрашивай; царь предписал закон, уважь достоинство повелевшего, и повинуйся со всею готовностью. Но тот не послушался, за что и потерпел тяжкое наказание, и своим несчастьем вразумляет потомков повиноваться и покоряться всему, что ни повелит Бог. Потом, когда второй поразил и поранил пророка, этот обвязал голову свою полотном, прикрыл глаза и сделал так, чтобы его не узнали. А для чего он сделал это? Он хотел обличить царя и произнести над ним суд за спасение сирийского царя. Так как царь был нечестив и ненавидел пророков, то чтобы, увидев его, не прогнал с глаз, а прогнав, не остался без исправления, пророк прикрывает и свое лицо и рассказ о самом деле, дабы иметь возможность говорить (с царем) и получить от него сознание в том, в чем хотелось (пророку). И вот, когда царь проходил мимо, пророк закричал к нему

и сказал: *раб твой изыде на войну брани, и се муж приведе ко мне мужа, и рече ко мне: сохрани мужа сего: аще же отрешився, отскочит, и будет душа твоя вместо души его, или талант отдаси сребра. И бысть, яко озресе раб твой семо и овамо, и сего не бысть: и рече к нему царь израилев: се суд твой при мне, сам себе убил еси. И ускори и отъя покрывало от очес своих: и позна его царь израилев, яко от пророк сей есть. И рече к нему: тако глаголет Господь: понеже испустил еси ты мужа пагубного из руки твоея, и будет душа твоя вместо души его, и люди твои вместо людей его* (ст. 39-42). Смотри, как не только Бог, но и люди судят одинаково, - обращая внимание не на свойство дел, но на их цель и причины. Вот и царь говорит пророку: ты сам себе судья предо мною, ты совершил убийство. Ты, говорит, человекоубийца, потому что отпустил неприятеля. Вот для чего пророк и покрыл себя покрывалом и потребовал суда как бы по чужому делу, чтобы царь произнес правильное решение; - что и случилось. Ибо, когда царь произнес над ним суд, пророк сняв покрывало, сказал: *понеже испустил еси ты мужа пагубного из руки твоея, и будет душа твоя вместо души его, и люди твоя вместо людей его*. Видишь, как (Ахав) осужден за человеколюбие, и какое наказание потерпел за пощаду? Он сохранил жизнь (врагу), и - наказан; а другой совершил убийство, и - заслужил похвалу. Вот Финеес в одно мгновение совершил два убийства, умертвил мужа и жену, и почтен священством: так он руку свою не только не осквернил кровию, но еще сделал более чистою. Итак, видя, что бывший пророка остается цел, а не бывший погибает, что пощадивший наказывается, а не пощадивший похваляется, во всех случаях старайся узнать прежде волю Божию, а не свойство самого дела, и, что найдешь согласным с нею, то только и одобряй.

3. Этим-то правилом руководствуясь, будем судить и об этом (иудейском) посте. Если мы не станем так делать, но будем выставлять и рассматривать тальки голые дела, как они есть, то произойдет большое замешательство, большой беспорядок. Наприм., терпят побои и разбойники, и гробограбители, и обманщики, но то же терпят и мученики; дела одинаковы, но расположение духа и причина, по которой они бывают, неодинаковы, а потому между (мучениками) и теми людьми большое различие. И как в этом случае мы обращаем внимание не на одни мучения, но, еще прежде того, на расположение души и на причину, из-за которой бывают мучения, а поэтому и мучеников любим не за то, что они мучатся, но за то, что мучатся за Христа, и разбойников презираем не за то, что они наказываются, но за то, что наказываются за злодеяния; так же суди и о том, что делается у иудеев. И если увидишь, что они постятся для Бога, похвали это; если же увидишь, что делают это вопреки воле Божией, отвратись и возненавидь их более, чем пьянствующих и неумеренных в пище и питии. Но в этом посте должно смотреть не на причину только, но и на место и на время. Впрочем прежде, чем бороться с иудеями, лучше побеседуем с теми из наших членов, которые, по-видимому, стоят вместе с нами, но на деле следуют иудейским обычаям, и всячески защищают их, и которых поэтому я считаю более достойными осуждения, чем самих иудеев. В этом согласятся с нами не только мудрые и умные люди, но и все, кто только имеет сколько-нибудь разума и смысла. Чтобы доказать это, не нужно умствований, исследований и длинных оборотов речи; нет, довольно только спросить их и - уловить на самом ответе их. Что же? Спрошу я у каждого из страдающих этим недугом: ты христианин? Для чего же следуешь обычаям иудеев? Или ты иудей? Так зачем беспокоишь церковь? Перс не соблюдает ли того, что в обычае персов? Варвар не следует ли обычаям варваров? Живущий в римском государстве не подчиняется ли нашему уставу? И если кто из живущих между нами будет обличен в том, что поступает как варвар, такой, скажи мне, не тотчас ли подвергается наказанию без суда и исследования, хотя бы и представлял тысячу оправданий? Равно, если кто из варваров окажется соблюдающим римские законы, не потерпит ли и он того же самого? Как же ты думаешь спастись, уклоняясь к иудейским незаконным обычаям? Разве ничтожно различие между нами и иудеями? Разве спор у нас о пустых вещах, так что можно считать

за одно и то же (и христианство и иудейство)? Что ты соединяешь несоединимое? Они распяли Христа, Которому ты поклоняешься: видишь какое различие! Как же бежишь к ним, убийцам, ты, говорящий о себе, что поклоняешься Распятому? Я ли выдумаю этот способ обвинения и этот род обличения? Не этот ли способ употребляет против них и Писание? Послушай, что говорит именно против них Иеремия: *отыдите в Кидар, и увидите; пошлите в острова Хеттим, и познайте, аще сотворена быша таковая*. Что же это такое? *Аще премениши языцы боги своя, и ти не суть бози: вы же пременисте славу свою на то, от него же не пользуетесь* (Иер. II, 10). А это значит вот что: те (язычники), говорит, поклоняясь идолам и служа демонам, так тверды были в своем заблуждении, что не захотели оставить идолов и обратиться к истине; а вы, поклонники истинного Бога, оставя отеческое благочестие, перешли к чуждым обычаям; вы даже не показали и того постоянства в истине, какое имеют те в заблуждении. Вот почему говорит: *аще сотворена быша таковая? Аще премениши языцы боги своя, и ти не суть бози: вы же пременисте славу свою на то, от него же не пользуетесь*. Не сказал: *пременисте Бога своего*, потому что Бог неизменяем (Малах. III, 6), но: *пременисте славу свою*. Не Меня, говорит, оскорбили вы; ибо Мне нельзя сделать вреда; вы обесчестили сами себя, умалили не Мою славу, но свою собственную. Позвольте же и мне сказать это и к нашим, если только должно называть нашими тех, которые мыслят по-иудейски: подите в синагоги и посмотрите, переменили ли иудеи свой пост, постились ли в пасху с нами, ели ли когда в этот день? Их пост не есть несть, но беззаконие, грех и преступление; и однако же они не переменили его; а вы переменили славу свою на то, от чего не получите никакой пользы, и перешли на их сторону. Когда постились они в пасху? Когда совершали с нами праздник мучеников? Когда сообщались с нами в день Богоявления? Они не бегут к истине, а вы бежите к нечестию: называю (праздники их) нечестием потому, что совершаются не в свое время. Было некогда время, когда надлежало соблюдать эти праздники, но теперь - не время. Вот почему то, что некогда было законно, теперь беззаконно.

4. Позвольте мне сказать к этим людям словами Илии. Он, видя, как иудеи поступают нечестиво, и то повинуются Богу, то служат идолам, так говорит к ним: *доколе вы храмлете на обе плесне? Аще есть Господь Бог наш с вами, приидите и идите в след Его: аще же Ваал, то идите за ним* (3 Цар. XVIII, 21). Это же и я теперь скажу к ним: если вы почитаете истинным иудейство, то зачем обременяете собою церковь? Если же истинно христианство, каково оно и есть, то неуклонно следуйте ему. Скажи мне, ты участвуешь в таинствах, поклоняешься Христу, как христианин, у Него спрашиваешь благ, и - празднуешь с Его врагами? С какою же, наконец, совестью приходишь ты в церковь? Но довольно сказали мы против тех, которые говорят о себе, что мыслят по-нашему, и между тем следуют иудейским обычаям. А как я хочу сразиться с иудеями, то позвольте мне предложить более пространное поучение и показать, как иудеи унижают закон, постясь теперь, и попирают заповеди Божии, делая всегда только противное Ему. Вот, когда Он хотел, чтобы иудеи постились, они утучняли себя и расширялись; когда же хочет, чтобы не постились, они упорствуют поститься. Когда хотел, чтобы приносили жертву, они бежали к идолам; а когда не хочет, чтобы они совершали свои праздники, тогда усердствуют праздновать. Поэтому Стефан говорил к ним: *вы присно Святому Духу противитесь* (Деян. VII, 15). Вы, говорит, о том только и старались, как бы сделать противное тому, что Бог заповедовал. Так поступают они и теперь. Откуда это видно? Из самого закона, ибо в отношении к праздникам иудейским закон повелел наблюдать не только время, но и место (празднования). Так, заповедуя им и об этой пасхе, он говорит вот что: *не возможеши жрети пасхи ни в едином от градов твоих, яже Господь Бог твой даст тебе* (Втор. XVI, 5). Напротив, постановив совершать пасху в четырнадцатый день первого месяца, закон также повелел праздновать ее только в Иерусалиме; равно и для празднования пятидесятницы назначил определенное место и время, повелев совершать ее спустя семь недель, и опять прибавив: *в месте, еже избрет Господь Бог твой* (XII, 11).

Точно также (постановлено) и о празднике кушей. Но посмотрим, что из этих двух более необходимо - время или место: то есть, если когда нельзя наблюсти то и другое вместе, должно ли пренебречь местом и наблюсти время, или, пренебрегши временем, наблюсти место? Я хочу сказать вот что: Господь повелел совершать пасху в первый месяц, в Иерусалиме, т. е. в определенное время и в определенном месте. Теперь предложим, что совершают пасху двое: один пусть нарушает место, а соблюдает время; другой пусть соблюдает место, а нарушает время, притом, наблюдающий время, но нарушающий место, пусть совершает пасху в первый месяц и вне Иерусалима, где-нибудь вдали, а наблюдающий место, но престапующий время, совершает пасху в Иерусалиме, не в первый месяц, а во второй. Затем посмотрим, кто из двух этих достоин осуждения, и кто одобрения, преступивший ли время и совершившей пасху в определенном месте, или оставивший место и наблюдавший время? Если приступивший время с тем, чтобы совершить пасху в городе, окажется достойным одобрения, а наблюдавший время, но пренебрегший местом - осуждения и обвинения, как нечестивец; то очевидно, что и иудеи поступают нечестиво, когда не совершают пасхи в своем месте, хотя бы и тысячу раз говорили о себе, что наблюдают время. Откуда же видно это? От самого Моисея. Когда (евреи) совершили пасху вне (Иерусалима), то пришли они к Моисею, говоря: *мы нечисти есмы о души человеци: егда лишимся принести дар Господу во время свое посреде сынов Израилевых, и рече Моисей к ним: станите ту, и услышу, что повелит Господь о вас. И рече Господь к Моисею, глаголя: рцы сыном Израилевым, глаголя: человек иже аще будет нечист о души человеци, иже на пути далече, или в вас, в родех ваших, да сотворит пасху в месяц второй* (Числ. IX, 7-11). Это значит: кто в первый месяц будет на пути, тот пусть не совершает (пасхи) вне города, но пусть совершит во второй месяц, когда придет в Иерусалим; пусть преступит время, только бы не быть вне города. Это показывает, что соблюдение места более необходимо, чем соблюдение времени. Что же могут сказать на это совершающие (пасху) вне Иерусалима? Ведь, когда они опускают более необходимое, их не может оправдать соблюдение менее необходимого. Значит, они, хотя бы тысячу раз уверяли себя, что не нарушают времени, поступают крайне незаконно. И это видно не только отсюда, но и из примера пророков. Известно, что пророки и не приносили жертв, и не воспевали песней, и не соблюдали ни одного такого поста на чужой земле: какое же эти (нынешние иудеи) могут иметь извинение? Те, хотя и ожидали возвращения прежнего устройства, однако оставались в повиновении закону, и исполняли предписания его, как закон того требовал; а эти, не имея никакой надежды на возвращение прежнего устройства (ибо каким местом из пророков могут доказать это?), не хотят успокоиться. Между тем, если бы они даже ожидали, что порядок тот возвратится, и в таком случае им следовало бы подражать святым тем, и не поститься и не делать что либо другое, тому подобное.

5. А для удостоверения, что те (святые) ничего такого не делали, послушай, что они отвечали спрашивавших их. Когда иноплеменники настоятельно и с принуждением заставляли их употребить в дело свои органы, говоря: *воспойте нам песнь Господню*, они, хорошо зная, что закон не позволяет им делать это вне (Иерусалима), отвечали: *како воспоем песнь Господню на земли чуждей* (Пс. CXXXVI, 3, 4)? И опять, три отрока, жившие в Вавилоне, говорили: *несть во время сие князя и пророка, ни места, еже пожрети пред Тобою и обрести милость* (Дан. III, 38, 39). Места, конечно, там было много, но так как не было храма, то они оставались без жертвоприношений. Да и к другим Бог (говорит) чрез Захарию: *се семьдесят лет постом ли поститесь ми* (Зах. VII, 5), разумя здесь лета (вавилонского) плена. Как же ты ныне постишься, скажи мне, когда предки твои и не приносили жертв, и не постились, и не праздновали? Уже и отсюда видно, что они не совершали и пасхи: ибо, где не было жертвы, там не было и праздника, потому что все (праздники) надлежало совершать с жертвоприношениями. Но чтобы представить тебе и доказательство на это, послушай, что говорит Даниил: *в тые дни аз,*

Даниил, бех рыдая три седмицы, хлеба вожделенного не ядох, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастию не помазахся в те седмицы. В день двадесять четвертый первого месяца видех видение (Дан. X, 2-4). Здесь слушайте меня со вниманием; ибо из этих слов видно, что иудеи (в Вавилоне) не совершали пасхи. Как же это, я и скажу теперь. В дни опресноков иудеям не позволялось поститься; а Даниил в течение двадцати одного дня не вкушал ничего. Но из чего, скажешь, видно, что эти двадцать один день были дни опресноков? Из того, что он сказал: *в день двадесять четвертый первого месяца*; а пасха оканчивается в двадцать первый день; ибо, начав четырнадцатым днем первого месяца, и потом празднуя семь дней, иудеи таким образом доходят до двадцать первого дня. Но Даниил, и по прошествии пасхи, продолжал еще не вкушать; потому что начав с третьего дня первого месяца, потом продолжив (пост) двадцать один день, он таким образом провел четырнадцатый день, а за ним еще семь и три дня. Итак, не беззаконно ли и не нечестиво ли поступают иудеи, что, тогда как те святые никаких обрядов не совершали на чужой земле, они по упорству и спорливости делают противное? Ведь, если бы говорили и делали это какие-нибудь беспечные и неблагочестивые люди, то несоблюдение ими (праздников) можно бы приписать их беспечности; но если это были люди благочестивые и боголюбивые, такие, которые и душу свою отдали за заповеди Божии, то явно, что они не соблюдали закона (о праздниках) не по беспечности, но по убеждению из самого закона в том, что ни одного из этих обрядов не должно соблюдать вне Иерусалима. Из этого открывается и другая важнейшая истина, - именно, что соблюдения жертв, суббот, новомесячий, и всего тому подобного требовало тогдашнее (иудейское) устройство не необходимо, и что ни соблюдение их не могло придать ничего особенного добродетели, ни опущение - сделать доброго (человека) худым, или отнять что-либо от душевного любомудрия. Так эти (святые мужи), провождавшие на земле жизнь равную ангельскому любомудрию, хотя и не делали ничего этого, - не приносили жертв, не совершали праздника, не соблюдали такого поста, однако так угодили Богу, что стали выше и самой природы, и тем, что случилось с ними, обратили всю вселенную к Богопознанию. Что может сравниться с Даниилом? Что с тремя отроками, которые так задолго выполнили уже на деле величайшую евангельскую заповедь, - главизну всех благ? Ибо (в Евангелии) сказано: *больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Иоан. XV, 13); а они душу свою положили за Бога. Впрочем, они достойны удивления не по этому только, и потому еще, что делали это не за какую либо награду. Потому-то и говорили, что *есть Бог на небеси, силен изъяти нас. Аще ли ни, ведомо да будет тебе, царю, яко богом твоим не служим* (Дан. III, 17-18). Довольно нам, говорят, и той награды, что умираем за Бога. И это они делали, такую являли доблесть, не соблюдая ничего предписанного в законе (обрядовом).

6. Для чего же, скажете, Бог установил эти (обряды), если не хотел исполнения их? А если бы хотел исполнения, то для чего разрушил ваш город? Если бы Он хотел, чтобы эти обряды соблюдались постоянно, то надлежало бы сделать Ему одно из двух: или не повелевать приносить жертвы на одном только месте, если уже Он хотел рассеять вас по всей вселенной, или, если хотел, чтобы вы приносили жертвы только там (в Иерусалиме), не рассеивать вас по вселенной и не делать для вас недоступным того именно города, в котором одном надлежало приносить жертву. Что же? Бог, скажешь, противоречит самому Себе: повелев приносить жертвы в одном только месте, сам же потом запер это место? Вовсе нет; напротив, Он совершенно верен Себе. Сначала Он и не хотел позволить вам жертвы; свидетелем этого приведу самого пророка, который говорит так: *услышите слово Господне, князи Содомстии: внемлите закону Бога вашего, людие Гоморстии* (Ис. I, 10). А это говорит он не к содомлянам и не к жителям Гоморры, но к иудеям. Называет же их так за то, что они, подражая нечестию тех, вступили в родство с ними. Точно также он называет их и псами (Ис. LVI, 11) и конями женонеистовыми (Иер. V, 8), не потому, чтобы они приняли природу этих животных, но потому, что высказывали их

похотливость. *Что Ми множество жертв ваших, глаголет Господь* (Ис. I, 11). А мы не видим, чтобы жители Содомы когда-нибудь приносили жертвы: значит, слово это обращено к иудеям, и называет их именем тех по указанной мною причине. *Что Ми множество жертв ваших, глаголет Господь, исполнен есмь всесожжений овних, и тука агнцев, и крове юнцев и козлов не хочу. Ниже приходите явитися Ми; кто бо изыска сия из рук ваших?* Слышал ты глас (Божий), весьма ясно говорящий, что сначала Он не требовал от вас этих жертв? Ибо, если бы требовал их, то этим установлениям первыми подчинил бы всех древних, которые еще до них прославились. Для чего же, скажешь, Он позволил после? Снисходя к вашей немощи. Как врач, видя, что больной горячкою человек, своенравный и нетерпеливый, хочет напиться холодной воды, и угрожает, если ему не дадут, накинуть на себя петлю, или броситься со стремнины, для предотвращения большего зла, допускает меньшее, только бы отклонить больного от насильственной смерти; так точно поступил и Бог. Как увидел Он, что (евреи) беснуются, скучают, хотят жертв, готовы, если им не позволят этого, обратиться к идолам, или даже не только готовы обратиться, но уже и обратились, то позволил им жертвы. И что это было причиной, можно видеть из самого времени (позволения). Бог позволил им жертвы уже после того, как они совершили праздник в честь злых демонов, как бы так говоря им: вы беснуетесь и хотите приносить жертвы; так приносите их, по крайней мере, Мне. Впрочем, и позволив это, Он не навсегда дал такое позволение, но, премудрым способом опять отнял его. Как врач (ничто не мешает мне опять употребить тот же пример), уступая прихоти больного, приносит из своего дома сосуд и приказывает ему пить из него одного, а потом, когда больной согласится на это, тайно велит подающим питье разбить этот сосуд, чтобы незаметно и не подавая вида отклонить больного от его прихоти: так поступил и Бог. Позволив иудеям приносить жертвы, Он не позволил делать это ни в каком другом месте, кроме Иерусалима; потом, когда они несколько времени приносили жертвы, разрушил этот город, чтобы, как врач разбитием сосуда, так и Бог разрушением города - отвлечь их, и по неволе, от этого дела. Если бы Он прямо сказал: перестаньте; они не легко бы согласились оставить страсть к жертвам; но теперь по самой необходимости их местопребывания Он незаметно отвел их от этой страсти. Так пусть будет врач - Бог, сосуд - город, больной - упорный народ иудейский, холодное питье - позволение и свобода приносить жертвы. И вот, как врач отводит больного от его неразумного требования, разбивая сосуд; так и Бог отклонил (иудеев) от жертв, разрушив самый город и сделав его для всех недоступным. Если бы Он не это имел в виду, то для чего заключил все богослужение в одном месте, будучи вездесущим и все наполняя? Для чего же Он, соединив богослужение с жертвами, жертвы с местом, место с временем, время с одним городом, потом разрушил этот самый город? И вот что удивительно и странно: вся вселенная открыта иудеям, и нигде на ней не позволено приносить жертв; один Иерусалим недоступен, а в нем только и позволялось им приносить жертвы. Итак, не ясна ли и не очевидна ли, даже для самых несмысленных, причина разрушения Иерусалима? Если домостроитель, положив уже основание, выведши стены, устроив свод и прикрепив его к одному, положенному в середине камню, отнимет этот камень, то разрушит весь состав здания; так и Бог, сделав город как бы связию (иудейского) богослужения, и потом разрушив его, этим самым разрушил и все остальное здание того богослужения.

7. Но перестанем пока бороться с иудеями. Сегодня мы только начали сражение, сказав столько, сколько требовалось для предостережения наших братий, или даже гораздо больше. Нужно наконец убедить и вас, здесь присутствующих, чтобы вы усердно позаботились о наших членах, и не говорили: „какая мне надобность? Зачем мне хлопотать и беспокоиться?" Господь наш умер за нас: а ты не хочешь и слова сказать? Какое же будешь иметь извинение? Какое получишь оправдание? Как, скажи мне, станешь с дерзновением пред судилищем Христовым, показав равнодушие к гибели стольких душ? Если бы мог я знать всех, кто только бежит туда (в синагоги), то не

нуждался бы в вас, но сам весьма скоро исправил бы их. Когда нужно исправить брата, то, хотя бы понадобилось отдать и душу, не откажись; поревнуй своему Владыке; есть у тебя слуга, или жена, удерживай их дома с великою строгостию. Если ты не позволяешь им ходить в театр, тем более не позволяй ходить в синагогу, потому что это преступление больше того: там - грех, а здесь - нечестие. Говорим это не с тем, чтобы вы позволяли им ходить в театр, ибо и это худо; но чтобы гораздо более воспрещали им ходить в синагогу. Что бежишь ты видеть в синагоге богопротивных иудеев, скажи мне? Людей, трубящих в трубы? Но надлежало бы тебе, сидя дома, скорбеть о них и плакать о том, что они противятся заповеди Божией, ликуют вместе с диаволом. Ибо, как я сказал прежде, делаемое вопреки воле Божией, хотя бы и было когда дозволено, после становится беззаконием и влечет за собою множество наказаний. Трубили некогда иудеи, когда были у них жертвы; а теперь им не позволено это делать. Послушай, для чего и получили они трубы? *Сотвори себе*, говорит Бог, *трубы кованы серебряные* (Чис. X, 12); потом, говоря об их употреблении, прибавляет: *вострубите в них на всесожжения ваша и на жертвы спасений ваших* (10). Где же теперь жертвенник? Где кивот? Где скиния и святое святых? Где священник? Где херувимы славы? Где золотая кадильница? Где очистилище? Где чаша? Где сосуды возлияния? Где огонь, свыше ниспосланный? Все оставил ты, и удерживаешь только трубы? Видишь ли, что иудеи скорее играют, чем служат (Богу)? Но если их мы упрекаем за то, что они беззаконничают, тем более - вас за то, что сходитесь с беззаконниками; (упрекаем) не только тех, которые бегут туда, но и тех, которые могли бы удержать их, и не хотят. Не говори мне: „что у меня общего с ним? Он мне чужой и незнакомый". Пока он верный, приобщается одних с тобою таин, и ходит в ту же церковь, дотоле он ближе к тебе и братьев, и знакомых, и родственников, и всех вообще. Следовательно, как подвергаются одинаковому наказанию не только крадущие, но и те, которые могли им помешать и не помешали; так одинаково же наказываются не только сами нечестивцы, но и те, которые могли отклонить их от нечестия, но не хотели по нерадению, или по беспечности. И зарывший талант возвратил его господину в целости; но так как не умножил его, то и наказан. И ты, если даже сам останешься чистым и непорочным, но не умножишь своего таланта, и погибающего брата не обратишь ко спасению, то потерпишь одинаковую с (рабом) тем участь. Многого ли требую от вас, возлюбленные? Пусть каждый из вас обратит ко спасению одного из братьев, пусть позаботится об этом, пусть потрудится, чтобы в следующее собрание нам придти с великим дерзновением, неся дары Богу, дары самые драгоценные, возвращая (к Нему) души заблудших. Пусть даже придется понести обиды, получить удары, потерпеть что либо другое, - все сделаем, только бы возвратить их. Ведь мы сносим же упрямство, оскорбления и брань от больных, не огорчаемся обидами, но желаем только одного, чтобы здоров был тот, кто так безрассудно поступает. И у врача больной часто разрывает одежду, но тот не перестает из-за этого лечить его. Если же заботящиеся о телах показывают столько усердия, то как неуместно предаваться беспечности, когда гибнет столько душ, и не решаться перенести какую-либо неприятность, когда гниют наши члены? Не так поступал Павел; а как? *Кто*, говорил он, *изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Зажги и ты в себе этот огонь; и, если увидишь брата погибающим, пусть он тебя бранит, пусть оскорбляет, пусть бьет, пусть угрожает сделаться твоим врагом, пусть делает что бы то ни было другое: все перенеси благодушно, только бы тебе приобрести его спасение. Пусть он сделается тебе врагом, за то Бог будет твоим другом, и наградит тебя великими благами в тот день (суда). Дай Бог, чтобы молитвами святых, и заблудшие обратились ко спасению, и вы имели успех в этой ловле, и самые те богохульники (иудеи), оставя нечестие, познали Христа, за них распятого, да все мы единым сердцем и едиными устами прославим Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава вместе со Святым Духом во веки веков. Аминь.

СЛОВО ПЯТОЕ.

ОТЧЕГО это у нас сегодня собрание сделалось многочисленнее? Конечно вы собрались для истребления обещанного, пришли получить очищенное огнем серебро, которое я обещал отдать вам. *Словеса Господня*, сказано, *словеса чиста, серебро разжжено, искушено земли* (Псал. XI, 7). Благословен Бог, вложивший в вас такое усердие к слушанию духовного наставления! Как пристрастные к вину и напиткам, каждый день, лишь только встав, разведывают и осведомляются, где напитки, пиры и ужины, праздники и собрания пьющих, сосуды, чаши и стаканы: так и вы каждый день, лишь встанете, осведомляетесь, где увещание и совет, поучение и наставление, и слово во славу Христа. Поэтому и мы тем охотнее беремся за это дело, и со всею готовностью предлагаем, что обещали. Итак, наша борьба с иудеями окончилась, как следует: поставлен и трофей, сплетен нам и венец, получили мы награду уже и за предыдущую беседу. Нашею целию было доказать, что делаемое теперь иудеями есть беззаконие и нечестие, брань и война людей против Бога: это и доказано, при помощи Божией, со всею точностию. Ибо, если бы они и имели надежду опять получить свой город, возвратиться к прежнему устройству и видеть свой храм восстановленным, чего впрочем никогда не будет, то и в таком случае не могли бы ничем оправдать того, что теперь делают. Вот, и три отрока, и Даниил, и все другие, жившие в плену (вавилонском), надеялись опять получить свой город, чрез семьдесят лет увидеть отечественную землю и жить по прежним законам; однако и имея ясное и несомненное обетование, они, до исполнения этого обетования и до возвращения (в Иерусалим), не дерзали сделать что-либо из постановленного (о праздниках), как это делают нынешние иудеи. Так можешь и ты заградить уста иудею. В самом деле, спроси его: почему ты постишься, не имея города? И если он скажет: потому, что надеюсь опять получить город; скажи ему: так оставайся в покое, пока не получишь; ибо те святые, пока не возвратились в свое отечество, не осмеливались делать то, что ты делаешь теперь. Отсюда видно, что ты теперь, если и надеешься, как ты говоришь, опять получить город, поступаешь беззаконно, нарушаешь заветы с Богом, и оказываешь неуважение самому учреждению иудейства. Итак, для обуздания наглости иудеев и обличения их в том, что они поступают беззаконно, достаточно и сказанного вашей любви в предыдущей беседе. Но так как мы поставили себе целию не только, чтобы заградить уста иудеям, но и то, чтобы больше научить церковь собственным догматам; то вот теперь докажем подробно и то еще, что и храм (иерусалимский) уже не будет восстановлен, и иудеи не получают опять прежнего устройства. Таким образом, и вы вернее узнаете апостольские догматы, и они более будут уличены в нечестии. А свидетелем этого представим не ангела, не архангела, но самого Владыку всей вселенной, Господа нашего Иисуса Христа. Вошедши в Иерусалим и увидев храм, Он сказал, что *Иерусалим будет попираем языки многими, дондеже скончаются времена язык многих* (Лук. XXI, 24), то есть, время до скончания мира. Эту же угрозу Он произнес и о храме, сказав ученикам, что *не имать остати камень на камени на месте сем, иже не разорится* (Матф. XXIV, 2); и таким, образом предвозвестил совершенное разрушение и конечное запустение храма. Но иудей, конечно, отвергает это свидетельство и не принимает сказанного (Иисусом Христом). Это сказал, говорит он, мой враг; я распял его, как же приму его свидетельство? Это-то и дивно, иудей, что Тот, Кого ты распял, уже по распятии своем, разрушил твой город, рассеял твой народ и разбросал по всему лицу земли твоё племя; а этим и показал, что Он воскрес и жив и теперь на небесах. Так как ты не захотел познать Его могущество в благодеяниях, то Он дал тебе понять Свою непобедимую и необоримую силу в карах и наказаниях. Но ты и после этого не веришь, и не признаешь Его Богом и Владыкою всей вселенной, но считаешь обыкновенным человеком. Но рассуди (о Нем), даже как о (простом) человеке. А как мы делаем рассмотрение о людях? Когда увидим, что известные люди всегда

говорят правду, и ни в чем никогда не лгут, то хотя бы они были нам и враги, мы, если только у нас есть ум, принимаем их слова; напротив, как увидим, что они лгут, то, хотя бы они о чем-либо сказали и правду, мы не легко принимаем слова их.

2. Теперь посмотрим, каков обычай Христа, каков нрав Его. Он предсказал и предвозвестил не то одно, но много и другого, чему надлежало совершиться спустя долгое время. Представим же эти пророчества, и, если увидишь, что в них Он говорит ложь, не принимай и не считай верным и этого (пророчества о разрушении храма); но если увидишь, что Он всегда говорит правду, что и это пророчество исполнилось, и что неизмеримое время свидетельствует об истине предсказанного, то перестань бесстыдствовать, не спорь против таких дел, которые - яснее солнца. Посмотрим же, что и еще Он предсказал. Приступила к Нему женщина, с алавастровым сосудом драгоценного мира, и возлила (на Него) миро. Вознегодовали на это ученики, говоря: *чесо ради миро сие не продано бысть на трех стех пенязь и дано нищим* (Иоанн. XII, 5). Но (Иисус) укорил их и сказал так: *что труждаете жену? дело бо добро содела. Глаголю вам: идеже аще проповедано будет Евангелие сие во всей земли, речется и еже сотвори сия, в память ее* (Матф. XXVI, 7-13). Что же, солгал Он, или сказал правду? Сбылось пророчество, или нет? Спроси иудея; и, пусть будет он безмерно нагл, не может однако же спорить против этого пророчества. Мы слышим, как о той женщине читается во всех церквах, и слушателями во всех городах стоят консулы, полководцы, мужчины, женщины, благородные, знатные, славные; куда бы ты ни пришел, везде найдешь, что все в глубоком молчании слушают (повествование) о поступке той женщины и нет места во вселенной, в котором бы он был не известен. Сколько было царей, которые оказали много великих благодеяний городам, успешно воевали, воздвигли себе трофеи, спасли народы, построили города, и собрали себе бесчисленные сокровища; однако же о них и о делах их не говорится ни слова. Много было и цариц и великих жен, оказавших бесчисленные благодеяния подчиненным; но и они никому не известны и по имени. А эта бедная женщина возлила только миро, и прославляется по вселенной; столько уже прошло времени, но память о ней не изгладилась, и не изгладится никогда. Между тем и дело ее не важное: ибо что такое возлить миро? И личность она не знатная: ибо она была женщина отверженная; и свидетелей немного: ибо она сделала это при (одних) учениках; и место не открытое: ибо сделала это не на зрелище, но в доме, где было только человек десять. Однако ни незначительность лица, ни малочисленность свидетелей, ни безвестность места, ни другое что не могло истребить памяти о ней: нет, эта женщина теперь славнее всех цариц и всех царей, и такое продолжительное время не предало забвению поступка ее. Отчего, скажи мне? Кто сделал это? Не Бог ли, Которому она тогда послужила, распространил этот слух (о ней) повсюду? Итак, скажи мне, человеческой ли способности свойственно предсказать такое событие? Какой же умный человек скажет это? Чудно и необычайно, когда (Христос) предсказывает о чем-либо таком, что сам Он сделает; но гораздо важнее и удивительнее, когда Он предсказывает еще и о том, что сделают другие, и устраивает так, что это становится для всех достоверным и очевидным. Опять Он предсказал Петру: *на сем камени созижду церковь Мою, и врата адавы не одолеют ей* (Матф. XVI, 18). Что же, скажи мне, иудей, можешь ты возразить против этих слов и доказать, что это пророчество ложно? Но этого не позволит тебе свидетельство самых дел, как бы ты ни усиливался. Сколько браней воздвигалось на церковь! Приготовлялись великие полчища, изошрялись оружия, изобретаемы были все виды казней и мучений, сковороды, оружия расстреливания, котлы, печи, ямы, стремнины, зубы зверей, моря, ссылки и другие бесчисленные истязания, которых нельзя ни изобразить словом, ни перенести на деле; и такие истязания не от чужих только, но и от своих. Все объяла тогда какая то междоусобная война, или даже такая, которая свирепее всякой междоусобной брани; ибо сражались не только граждане с гражданами, но и родные с родными, свои с своими, друзья с друзьями. Однако же ничто не разрушило церкви, не обессилило ее; и

что особенно дивно и необычайно, все это происходило в первое время (существования церкви). Если бы эти бедствия постигли ее тогда, когда проповедь была уже насаждена и укоренена во всей вселенной, не так было бы дивно то, что церковь не разрушилась. Но если столько браней возгоралось в самом начале (христианского) учения, когда семя веры только что было брошено, и умы слушателей были еще очень слабы, а между тем наши дела не только не потерпели никакого ущерба, но еще более усилились: это уже выше всякого чуда. Чтобы ты не говорил, будто теперь церковь стоит твердо по причине мира с царями, Бог попустил ей терпеть гонение тогда, когда она была меньше и казалась слабее, дабы ты убедился из этого, что и нынешняя твердость ее зависит не от мира с царями, но от силы Божией.

3. А что это правда, подумай, сколь многие хотели ввести между еллинами (новое) учение, и установить новый образ жизни, как-то: Зенон, Платон, Сократ, Диагор, Пифагор, и весьма многие другие; однако они так мало имели успеха, что неизвестны народу даже по имени. А Христос не только предписал (новый) образ жизни, но и насадил его во всей вселенной. Сколько говорят о делах Аполлония Тианского? Но дабы ты знал, что все ложь и вымысел, и нет тут ничего истинного, (дело Аполлония) рушилось и покончилось. Пусть никто не считает оскорблением для Христа, что, говоря о Нем, мы упомянули о Пифагоре и Платоне, Зеноне и (Аполлонии) Тианском; это мы делаем не по своему произволу, но снисходя к немощи иудеев, почитающих (Христа) простым человеком. Так поступил и Павел: пришедши в Афины, он говорил афинянам не из пророков и не из евангелий, но начал увещание с жертвенника; не потому, чтобы считал жертвенник более достойным вероятия, нежели Евангелие, и не потому, чтобы сделанная на том жертвеннике надпись была важнее писаний пророческих, но потому, что он говорил с язычниками, которые не веровали ничему нашему; так он уловил их их же учением (Деян. XVII, 23). Вот почему, говорит он, *бых иудеем, яко иудей, беззаконным, яко беззаконен, не сый беззаконник Богу, но законник Христу* (1 Кор. IX, 20-21). Так поступает и Ветхий Завет, когда, беседуя о Боге к иудеям, говорит: *кто подобен Тебе в бозех Господи* (Исх. XV, 11)? Что говоришь, Моисей? Может ли быть какое сравнение между Богом истинным и ложными богами? Я сказал это, говорит он, не потому, чтобы делал сравнение, а потому, что беседую с иудеями, которые имеют высокое понятие о демонах; снисходя к их немощи, употребил я такой образ учения. Так как и у нас речь к иудеям, которые Христа считают простым человеком, и притом нарушителем закона, то посему мы и привели в пример тех, которые особенно уважаются еллинами. Если же хотите (видеть примеры) и таких людей, которые между самыми иудеями покушались на то же, собирали себе учеников, провозглашали себя начальниками и предводителями, и - тотчас исчезли: представим и такие примеры. Так заградил (иудеям) уста и Гамалиил. Когда увидел он, что иудеи беснуются и жаждут пролить кровь учеников (Христовых); то, чтобы обуздать их неукротимую ярость, он, приказав *вне мало что апостолом уступить*, так говорил к ним: *внимайте себе о человецех сих, что хотите сотворити. Пред сими бо денми воста Февда, глаголя быти велика некоего себе, и прилепишася к нему мужей четьреста: иже убиен бысть, и вси, елицы повинушася ему, разыдошася. Посем воста Иуда Галилеанин, и отвлече люди довольны: и той погibe, и ученики его погibli. И ныне глаголю вам: внимайте себе, яко, аще будет от человек дело сие, разорится: аще ли же от Бога есть, не можете разорити то, да не како и богоборцы обрящетеся* (Деян. V, 35-38). Откуда же можем видеть, что если *дело от человек*, то разорится? Имеете, говорит, пример в Иуде и Февде. Так, если и этот (Христос), проповедуемый сими (апостолами), таков же, как и те (Иуда и Февда); если и здесь все делается не божественною силою; то потерпите немного, и самый исход дела уверит вас, по концу увидите ясно, обманщик ли он (Христос) и беззаконник, как говорите вы, или Бог, вся содержащий и неизреченною силою устрояющий наши дела. Так и было; подождали они, и божественная и необоримая сила открылась в самых делах; а та хитрость, выдуманная для обольщения людей, обратилась

на главу диавола. Когда диавол увидел, что Христос пришел, то, стараясь затмить Его пришествие и истинное домостроительство, выслал несколько обманщиков, о которых мы выше сказали, с тем, чтобы и Христа относили к числу их. Что он сделал по отношению к кресту, подготовив двух разбойников к распятию со Христом, то же сделал и по отношению к Его пришествию, - силился примесью лжи помрачить истину: однако же нисколько не успел ни там, ни здесь, напротив, это самое особенно и показало силу Христову. Почему, скажи мне, из трех распятых в одном и том же месте, в одно и то же время, и по определению одних и тех же судей, о тех (двух разбойниках) все молчат, а одному (Христу) поклоняются? Отчего опять, хотя многие старались ввести новый образ жизни и иметь учеников, они неизвестны доселе и по имени, а этому служат по всей вселенной? Дела объясняются особенно чрез сравнение. Сравни же, иудей, и познай превосходство истины. Какой обманщик устроил себе столько церквей по всей вселенной, распространил свою религию от концов до концов земли, всех подчинил себе, и притом не смотря на бесчисленное множество препятствий? Нет ни одного такого. Итак явно, что Христос не обманщик, но Спаситель, Благодетель, Промыслитель и Начальник жизни нашей. Приведу еще одно пророчество (Христово), и затем возвращусь к своему предмету. *Не приидох*, сказал Христос *вовреци мир на землю, но меч* (Матф. X, 34), разумея не то, чтобы Он хотел этого, но то, что таков будет исход самых событий. *Приидох бо*, говорит Он, *разлучити человека на отца своего, и невестку на свекровь свою и дочь на мать свою* (ст. 35). Как бы Он мог предсказать это, скажи мне, если бы был простой, обыкновенный человек? Слова Его имеют такой смысл: так как случилось, что в одном доме был один верный, а другой неверный, и отец увлекал своего сына к нечестию, то, предсказывая это, Христос говорит: сила проповеди будет иметь такую власть, что дети презрят отцов, и дочери - матерей, и родители - детей; верные решатся не только оставить родных, но и отдать свою душу, потерпеть и перенести все, только бы не отречься от благочестия. Как мог Он и узнать и устроить это, если бы был обыкновенный человек? Откуда пришло Ему на мысль, что Он будет и для детей почтеннее родителей, и для родителей приятнее детей, и для жен любезнее мужей? И это не в одном доме, не в двух, или трех, не в десяти, или двадцати, или в сотне, но во всей вселенной, во всех городах и странах, на суше и на море, в местах обитаемых и необитаемых. Нельзя сказать и того, что Он только сказал это, но не привел в исполнение. Ибо в начале и в первые времена (церкви) было много таких, да и теперь еще есть такие, которых ненавидят за благочестие, изгоняют из отеческих домов; однако же они не обращают на это внимания, находя себе достаточное утешение в том, что терпят это за Христа. Какой человек мог когда сделать это, скажи мне? Итак Христос, предсказавший все это, - и о той жене, и о церкви, и об этой борьбе, - предсказал также и то, что храм разрушится, Иерусалим будет взят, и город этот не будет более городом иудеев, как прежде. Если Он в том солгал, если те пророчества не исполнились, не верь и этому; но если видишь, что те блистательно исполнились, и с каждым днем получают новую силу, - что врата адовы не одолели церкви, о поступке жены чрез столько времени проповедуется во всей вселенной, и люди, уверовавшие в Него, предпочли Его и родителям, и женам, и детям своим, то для чего, скажи мне, не веришь одному этому пророчеству, особенно когда свидетельство времени заграждает уста твоей наглости? Когда бы после взятия (Иерусалима) прошло каких-нибудь десять, или двадцать, или тридцать, или пятьдесят лет; то и тогда не следовало бы упорствовать, хотя охотникам спорить и оставался бы еще некоторый предлог к этому. Но вот, не пятьдесят, но сто, дважды и трижды столько, и даже гораздо более лет прошло после разрушения (Иерусалима), а доселе не видно ни следа, ни тени ожидаемой вами перемены: для чего же упорствуешь напрасно и без всякого основания?

4. Достаточно бы и сказанного нами для доказательства, что (иерусалимский) храм никогда не восстановится. Но как у истины весьма обильны средства, то, оставя Евангелие, обращусь к пророкам, которым иудеи, по-видимому, особенно верят, и на них

докажу, что иудеи никогда не получают ни храма, ни города. Для меня собственно и не было никакой нужды доказывать, что (храм) не восстановится, и не мое, а их было бы дело доказать противное, т. е. что будет восстановлен. У меня в самом времени имеется доказательство, которое свидетельствует и стоит за меня; но они, которых опровергают самые события и которые не в состоянии подтвердить слова свои делами, а только хвастаются попусту и без основания, они-то именно и должны представить это свидетельство. То, что я говорю, подтверждается самыми делами; и то, например, что город пал, и то, что он не восстановлен чрез столько времени; а что они говорят, все то заключается в пустых словах. Им следовало бы доказать, что город снова будет восстановлен: и в судебных местах, как видим, доказательства производятся таким же образом. Когда люди спорят между собою о чем-либо, и один из них представляет письменные доказательства слов своих, а другой отвергает показания (соперника), то этот именно и должен уже представить свидетелей и другие опровержения на то, что дело не так было, как гласят письменные показания (противника), а не тот, кто, представляет эти показания. Так надлежало бы сделать теперь и иудеям, представить нам пророка, который бы говорил, что город их непременно будет восстановлен; потому что, если бы настоящему их пленению надлежало окончиться, пророки непременно предсказали бы об этом. Это очевидно для всякого, кто хотя сколько-нибудь вникал в книги пророческие. У иудеев издревле пророки обыкновенно заранее предсказывали обо всем, чему только надлежало случиться с ними хорошего, или худого. Для чего это, и почему? По великому вероломству и бесстыдству (иудеев). Они постоянно забывали о Боге, оказывавшем им благодеяния, а все события приписывали демонам, и их считали виновниками добра. Так, по выходе из Египта, когда разделилось море и совершались другие чудеса, они, забыв Бога, сотворившего эти чудеса, приписали их тем, которые не суть боги, и говорят Аарону: *сотвори нам боги, иже пойдут пред нами* (Исх. XXXII, 1). А к Иеремии являются с такими словами: *слово, еже глагола еси к нам во имя Господне, не послушаем тебе, яко творяще сотворил всякое слово, еже изыдет из уст наших, кадити царице небесней, и возливати ей возлияния, якоже сотворихом мы, и отцы наши, и цари наши, и князи наши: и насытихомся хлебом, и благо нам бысть, и зла не видехом. И егда престахом кадити царице небесней и возливати возлияния, оскудехом хлебы вси мы, и мечем и голодом скончахомся* (Иер. XLIV, 16-18). Итак, чтобы иудеи ни одного события не приписывали идолам, но верили, что и наказания и благодеяния всегда посылаются на них от Бога, - те за их грехи, а эти по человеколюбию (Божью), пророки заранее предсказывали им о будущем. А дабы тебе убедиться, что это было причиной предсказания, послушай, что говорит велегласнейший Исаия к народу иудейскому: *вем, яко жесток еси, и жила железна*, т. е. непреклонна, *вые твоя, и чело твое медяно*, т. е. бесстыдно (Иса. XLVIII, 4). Так и мы часто имеем обыкновение бесстыдных людей называть меднолобыми. *И возвестих ти*, говорит пророк, *яже имут приити на тя, прежде неже быти им, и слышана тебе сотвори*х (ст. 5). Потом, изъясняя причину предсказания, прибавил: *да не когда речеши, яко идоли мне сия сотвориша, и изваянная и слиянная заповедаша мне*. Притом, так как были люди, которые по своему упорству и лживости, даже после самого исполнения (пророчеств) нагло противоречили, как будто бы и не слышали (предсказания); то пророки не только предсказывали о будущем, но еще брали на это свидетелей. Так тот же Исаия говорит: *и свидетели мне сотвори верны человеки, Урию иерея и Захарию сына Варахиина* (Иса. VIII, 2). Мало этого; (Исаия) записал еще свое пророчество в новую книгу, чтобы, по исполнении его, самые письмены свидетельствовали против иудеев, что это наперед и задолго предсказано им. Поэтому пророк и пишет, не просто в книге, но в новой книге, которая могла бы сохраниться долго, не так легко бы повредилась, но осталась бы целою до исполнения того, что в ней написано. И что это правда, что Бог предсказывал иудеям обо всем будущем, докажу не только отсюда, но и из самых событий иудейских, как бедственных, так и счастливых.

5. Три рабства, самые тяжкие, испытали иудеи, и ни одного Бог не навел на них без предсказания, напротив о всех предвозвестил им, предсказав с точностью и место, и время, и лице, и вид бедствия, и избавление от него, и все прочее. Прежде всего скажу о египетском рабстве. - Беседуя с Авраамом, (Господь) так говорит: *ведый увеси, яко пресельно будет семя твое в земли не своей: и поработят я, и озлобят я лет четыриста. Языку же, емуже поработают, сужду аз*, сказал Бог: *в четвертом же роде возвратятся семо со имением многим* (Быт. XV, 13, 14, 16). Видишь, как Бог сказал и о числе лет - *четыриста лет*, и о качестве рабства, потому что не просто *поработят*, но и *озлобят*. Послушай же, как впоследствии Моисей повествует об этом озлоблении: *плев не дают рабом твоим, и плинфы нам глаголют творити* (Исх. V, 16). Притом, каждый день бичевали их. Вот что значит: *поработят и озлобят. Языку же, емуже поработают, сужду аз* (говорит Бог), и этим указывает на потопление египтян в Черном море. А Моисей, описывая это в песнях, так говорит: *коня и всадника вверже в море* (Исх. XV, 1). Потом сказано и об образе возвращения (иудеев из Египта), - что они возвратятся с множеством сосудов: *да испросит кийждо от соседы и подруги своя сосуды сребряны и златы* (Исх. III, 22). Так как иудеи проработали долго и не получили платы, то Бог заставил египтян и заплатить им. И восклицает пророк: *и изведе я сребром и золотом, и не бе в коленах их боляй* (Пс. CIV, 37). Так вот одно рабство предсказано со всюю подробностью! Теперь обратим речь и к другому. К какому же? К вавилонскому. И о нем с точностью предсказал Иеремия, говоря: *яко тако рече Господь: егда исполнятся в Вавилоне семьдесят лет, посету вас, и уставлю словеса моя на вас добра, еже возвратити на место сие. И обращу плен ваш, и соберу вас от всех язык и от всех стран, в няже изгнах вас, глаголет Господь: и возвращу вас на место, откуда превести вас повелех* (Иер. XXIX, 10, 14). Видишь, как Бог и здесь опять указал и город, и число лет, и то, откуда хотел собрать их, и куда собрать? Поэтому Даниил не прежде стал и молиться за них, как когда увидел, что семьдесят лет уже исполнилось. Кто же об этом говорит? Сам Даниил так: *аз, Даниил, творях дела царева, и почудихся видению, и не бяхе разумевающего* (Дан. VIII, 27). *И разумех в книгах число лет, как бысть слово Господне ко Иеремии пророку, на скончание опустения Иерусалимля семьдесят лет. И дах лице мое ко Господу Богу, еже взыскати молитвы и прошения в посте и во вретищи и в пепеле* (IX, 2, 3). Слышал ты, как и это рабство предсказано, и как пророк не осмелился, ранее определенного времени, вознести молитву и прошение к Богу, чтобы не молиться напрасно и без пользы, чтобы не услышать того же, что услышал Иеремия: *не молися о людех сих, и не проси о них, яко не услышу тебе* (Иер. VII, 16)? Но когда (Даниил) увидел, что (Божие) определение исполнилось, и уже наступило время возвращения (из плена); тогда начинает молиться, и не просто, но *в посте и во вретищи и в пепле*. По отношению к Богу он поступил так, как обыкновенно бывает между людьми. И мы, когда увидим, что какие-нибудь (господа), за большие и частые проступки, посадили своих слуг в тюрьму, не сейчас, не сразу, не в самом начале наказания просим (за виновных), но, дав им в течение нескольких дней образумиться, потом уже приступаем к господам с просьбою, имея подмогу себе и в самом времени. Так поступил и пророк: когда иудеи потерпели уже наказание, хотя и не соразмерное с их преступлениями, но потерпели вполне, тогда он и приходит к Богу помолиться за них. Если хотите, выслушаем и самую молитву. *Исповедахся, говорит пророк, и рех: Господи, Боже великий и чудный, храняй завет Твой и милость Твою любящим Тя, и хранящим заповеди Твоя* (Дан. IX, 4). Что делаешь ты, Даниил? Ходатайствуя за людей, согрешивших и оскорбивших (Бога), упоминаешь о тех, которые хранят Его законы? Ужели заслуживает прощения преступающие заповеди Его? Не ради этих говорю это, отвечает пророк, но ради древних праотцев, ради Авраама, ради Исаака, ради Иакова. Им, говорит, Бог обещал (милость Свою), им, которые сохранили заповеди Его. Так как эти (потомки) не имеют никакого права на спасение, поэтому я и упомянул о предках. И дабы ты не подумал, что пророк это говорит об этих (потомках), он, после слов: *храняй завет Твой и милость Твою любящим Тя и хранящим заповеди Твоя*,

тотчас присовокупил: *согрешихом, беззаконновахом, нечествовахом, отступихом, уклонихомся от заповедей Твоих и от судов Твоих, и не послушахом раб Твоих пророков* (Дан. IX, 5-6). Грешникам, после грехов, остается одно оправдание, - исповедание своих грехов. А ты обрати здесь внимание и на добродетель праведника, и на нечестие иудеев. Тот, не зная за собою ничего худого, весьма строго осуждает себя, говоря: *согрешихом, беззаконновахом, нечествовахом*; а эти, виновные в бесчисленных грехах, поступали напротив, говоря: *сохранихом хранения его: и ныне мы блажим чуждых, и созидаются вси творящии беззаконная* (Малах. III, 14, 15). Ибо, как праведным обычно смиряться и после добрых дел, так злым - тщеславиться после грехов. Ничего не знавший за собою говорил: *нечествовахом и уклонихомся от заповедей Твоих*; а те, у которых было на совести бесчисленное множество грехов, говорили: *сохранихом заповеди Твоя!* Это говорю для того, чтобы мы этого (тщеславия) избегали, а тому (смирению) подражали.

6. Обличив беззаконие иудеев, пророк говорит затем и о наказании, которое они потерпели, стараясь и этим преклонить Бога на милость: *и прииде на ны*, говорит, *клятва, вписанная в законе Моисея раба Божия, яко согрешихом* (Дан. IX, 11). Какая эта клятва? Хотите, прочтем ее? *Аще не послужите*, говорит Моисей, *Господу Богу вашему, и наведет Господь на вас язык бесстуден, егоже не услышаши гласа..., и останетесь в числе малом* (Втор. XXVIII, 15, 49, 50, 62). На это самое указывали и три отрока; и они, показывая, что такое наказание постигло их за их дела, и исповедуясь пред Богом в общих грехах (народа), говорили: *предал еси нас в руки врагов беззаконных, мерзких отступников, и царю неправедну и лукавейшу паче вся земли* (Дан. III, 32). Видишь, как исполнилась та клятва, гласившая: *останетесь в числе малом*; и еще: *наведу на вы язык бесстуден*. На это же самое указывает Даниил и здесь, говоря: *и приидоша на ны злая, яковых не бысть под всем небесем, по бывшим во израили* (IX, 12). Какое же это зло? Матери ели своих детей. Моисей предсказывает об этом, а Иеремия говорит, как уже о случившемся. Тот говорит, что *юная в вас и млада зело, ееже не обыче нога ее ходити по земли юности ради и младости, приступит к нечестивой трапезе и снесет своя чада* (Втор. XXVIII, 56, 57). А Иеремия, показывая, что это случилось, говорил: *руце жен милосердых свариша дети своя* (Плач. IV, 10). Но и сказав о грехах, которые иудеи сделали, и представив наказание, которое они потерпели, (Даниил) еще не считает их поэтому достойными помилования. Смотри, какой это добросовестный раб! Показав, что иудеи еще не потерпели столько, сколько заслужили грехами, и своими страданиями не загладили беззаконий, он прибегает наконец к благоутробию и человеколюбию Божию, говоря: *и ныне, Господи Боже наш, иже извел еси люди твоя от земли египетския, и сотворил еси себе самому имя, якоже день сей, согрешихом, беззаконновахом* (Дан. IX, 15). Как их Ты спас не за добрые дела их, но потому, что увидел (их) скорбь и тесноту, и услышал вопль их, так и нас освободи от настоящих бедствий по единому Твоему человеколюбию; другого права на спасение нет у нас. Сказав это, и поплавав довольно, Даниил представляет наконец город, как некую пленную жену, и говорит: *яви лице Твое на святилище Твое, приклони ухо Твое, Боже мой, и услыши, отверзи очи Твои, и виждь потребление наше, и града Твоего, в немже призвася имя Твое на него* (Дан. IX, 17, 18). Так как, пересмотрев людей, он не увидел между ними ни одного, который бы мог умиловить Бога; то обращается к зданиям, выставляет на вид самый город, указывает на его запустение, и заключив этим слово (молитвы), умилировал Бога, как это видно из последующего. Но о чем говорил я? Нужно опять возвратиться к самому предмету слова; впрочем и это ввел я не напрасно и не без намерения, но чтобы дать несколько отдохнуть вашему уму, утомленному беспрестанными прениями. Итак возвратимся к тому, с чего началось это отступление, и покажем, что имевшие постигнуть иудеев бедствия заранее были предсказаны со всею точностью. Рассуждение о двух рабствах доказало, что они постигли иудеев после пророчеств, а не внезапно и неожиданно. Остается, наконец, представить и третье рабство, а потом уже сказать и о настоящем, в котором они находятся теперь, и ясно показать, как

ни один пророк не обещал, что они получают избавление и освобождение от нынешних своих бедствий. Какое же третье рабство? То, которое было при Антиохе Епифане. Когда Александр, царь македонский, низвергнув Дария, царя персидского, и подчинив себе владения его, умер, ему преемствовали четыре царя. От одного из них произошел, спустя много времени, Антиох: он-то сожг храм, опустошил святое святых, истребил жертвы, поработил иудеев и ниспроверг все общественное их устройство.

7. И все это, со всею точностию, даже до единого дня, предсказано Даниилом, - предсказано, и когда будет, и как, и от кого, и каким образом, и где кончится, и на что переменится. Но вы яснее увидите это, когда выслушаете о самом видении, которое пророк изложил нам в притче, назвав персидского царя Дария овном, греческого царя, т. е. Александра Македонского, козлом, восставших после него царей четырьмя рогами, а самого Антиоха последним рогом. Впрочем, лучше выслушать самое видение. *Видех в видении*, говорит пророк, *и бех на увале* (так он называет на персидском языке одно место): *и воздвигох очи мои и видех: и се овен един стоя пред увалом, емуже роги, роги же высоки: един же выше другого и вышший восхождаше последи. И видех овна, бодуща на море, и на север, и юг, и вси зверие не станут пред ним, и не бе избавляюща из руки его, и сотвори по воли своей и возвеличился; аз же бех размышляя* (Дан, VIII, 2-5). Это он говорит о персидском могуществе и господстве, которое простиралось на всю землю. Потом, рассказывая об Александре Македонском, говорит: *и се козел от коз идяше от Лива* (от запада) *на лице всея земли: и не бе прикасаяся земли: и козлу тому рог видим между очима его* (ст. 5). Далее говорит о нападении Александра на Дария и о решительной победе его над ним: *и прииде козел до овна, имущего рога, и расщире и порази овна, - можно сократить рассказ, - и сокруши оба рога его, и не бе избавляя овна от руки его* (ст. 6, 7). Затем, упомянув о смерти Александра, говорит о появлении после него четырех царей: *и вегда укрепися, сокрушися рог его великий: и въздоша друзии четири рога под ним, по четырем ветром небесным* (ст. 8). Наконец, отселе перешедши к царствованию Антиоха, и показывая, что этот Антиох произошел от одного из тех четырех царей, так говорит: *и от единого их възде род един крепок, и возвеличился вельми к югу и востоку* (ст. 9). Далее показывает, что и Антиох разрушил иудейское царство, говоря: *и его ради жертва смятется грехом и благопоспешися ему, и святое опустеет, и дадеся на жертву грех*. Действительно, по ниспровержении алтаря и попрании святыни, Антиох поставил внутри храма идола, и заказал незаконные жертвы демонам. *И повержеса правда на землю: и сотвори, и благопоспешися* (ст. 11, 12). Потом говоря в другой раз об этом самом царствовании Антиоха, о пленении и взятии (Иерусалима) и опустошении храма, пророк определяет и самое время. Именно, начав с царствования Александра и к концу книги рассказав об всем, что случилось в течение этого времени, что сделали, во взаимной борьбе, Птолемеи и Селевкиды и их полководцы, о кознях и победах, о походах и войнах на море и на суше, и дошедши до Антиоха, пророк оканчивает этот рассказ так: *и мышцы от него восстанут и осквернят святыню и преставят всегдашнее* (XI, 31), разумея под *всегдашним* постоянные ежедневные жертвоприношения; *и дадят мерзость запустения, и незаконнующи завет*, то есть иудеев, нарушающих закон, *наведут с прелестию*, возьмут с собою и преселят; *людие же ведуще Бога своего премогут*, разумея здесь подвиги Маккавеев, совершенные Иудой Симоном и Иоанном. *И смыслинии людие уразумеют много, и изнемогут в мечи, и в пламени*, - это говорится опять о сожжении города, - *и в пленении, и в разграблении дней. И егда изнемогут, поможется им помощию малою*: этими словами пророк дает разуметь, что среди самых тех бедствий (иудеи) получают возможность отдохнуть и освободиться от постигших их зол. *И приложатся к ним мнози с прелестию и от смысливших изнемогут*: этими словами пророк показывает, что многие из стоявших падут. Потом высказывает и причину, по которой Бог попустил иудеям впасть в такие бедствия. Какая же это причина? *Еже разжещи я*, говорит, *и избрати, и еже открыти даже до конца времени*. То есть,

Бог для того попустил это, чтобы очистить их и показать верных между ними. Затем, рассказывая о могуществе того же самого царя (Антиоха), пророк говорит: *и сотворит по воли своей, и возвысится и возвеличится*. А указывая на богохульные замыслы его, пророк прибавляет, что он *на Бога богов возглаголет тяжкая, и управит дондеже скончает гнев*, и этим дает разуть, что Антиох так усилился не по собственной воле, но по гневу Божию на иудеев. Наконец, еще с большею подробностью сказав о том, сколько зла причинит (Антиох) Египту и Палестине, как возвратится, и по чьему зову, и по какой побудительной причине, Даниил говорит и о перемене обстоятельств, - о том, что иудеи, пережив все это, получают помощь, именно к ним на помощь послан будет ангел: *и во время оно, встанет Михаил, князь великий, стояй о сынех людей твоих: и будет время скорби, скорбь, яко не бысть, отнележе создася язык на земли, даже до времени оногo: и в то время спасутся людие твои вси, обретишися вписани в книзе* (XXII, 1), т. е. достойные спасения.

8. Однако же вопрос наш доселе еще не решен. В чем же он состоит? В том, что Бог определил, сколько иудеям провести времени и в этом рабстве, подобно как в первом четыреста, а во втором семьдесят лет. И так посмотрим, не означает ли и здесь какое-нибудь время. Но где можно найти это? В дальнейшем повествовании (пророка Даниила). Когда он услышал о многих и тяжких бедствиях, о сожжении (Иерусалима), ниспровержении государства (иудейского), пленении своих единоплеменников, то захотел узнать, будет ли конец этим бедствиям. И сказал он, вопрошая об этом: *Господи, что последняя сих? И рече: гряди Данииле, яко заграждена словеса и запечатана* (указывая этим на неясность слов) *даже до конца времени*. Потом открывает причину поущения бедствий: *доколе не избрани будут, и не убелятся, и огнем искусятся мнози: и собезаконняют беззаконницы, и не уразумеют вси нечестивии, но умнии уразумеют* (Дан. XII, 9, 10). Затем, предсказывая и самое время, в продолжение которого будут тяготеть над ними эти бедствия, говорит: *от времени пременения жертвы всегдашня*. Всегдашнюю называлась ежедневная жертва потому, что была постоянная и непрерывная. У иудеев был обычай приносить жертву Богу вечером и утром каждого дня: отчего и жертву ту пророк называл всегдашнею. И так как Антиох, пришедши, уничтожил этот обычай и прекратил его, то ангел и говорил, что *от времени пременения всегдашней жертвы*, т. е. со времени прекращения этой жертвы, *дней тысяща двести девяносто*, то есть, три года с половиною, и несколько более. Потом, открывая, что будет конец и прекращение этим бедствиям, он присовокупил: *блажен терпий и достигнуый до дней тысящи трех сот тридцати пяти*, приложив, т. е. к тысяче двумстам и девяносто сорок пять дней; потому что один месяц с половиною продолжалась война, которая кончилась (для иудеев) блистательною победою, и вместе совершенным освобождением от тяготивших (над иудеями) бедствий. Итак словами: *блажен терпий и достигнуый до дней тысящи трех сот тридцати пяти*, ангел предрек освобождение (от бедствий); впрочем, сказал он не просто: *достигнуый*, но *терпий и достигнуый*. Многие и из нечестивых увидели перемену обстоятельств, но не ублажает ангел без разбора, а только тех, которые пострадали во время бедствий, не изменили благочестию и потом уже достигли покоя. Вот почему он не просто сказал: *достигнуый*, но *терпий и достигнуый*. Что может быть яснее этого? Видишь, как пророк предсказал и о плене, и об освобождении от плена со всею точностию, не только до последнего года и месяца, но до последнего дня. А в подтверждение, что я говорю это не по своей только догадке, приведу вам и другого свидетеля, которого иудеи почитают заслуживающим особенного вероятия, - разумею Иосифа, который и описал трогательно бедствия их, и подробно изложил весь Ветхий Завет. Живя уже после пришествия Христа и поговорив о предсказанном Им пленении (иудеев римлянами), Иосиф рассказал и об этом, бывшем (при Антиохе Епифане) пленении, причем и истолковал видение пророка об овне, козле, четырех рогах и о последнем, явившемся за ними, роге. И чтобы не стал кто подозревать слов наших, вот

мы предложим подлинные его слова. Восхвалив Даниила до чрезмерности и поставив его выше всех других пророков, Иосиф обращается и к этому видению и говорит так [1]: "он (Даниил) оставил писания, в которых предложил нам точное и достоверное описание своего пророчества. Он говорит, что в Сузах, столице Персии, вышел он в поле с некоторыми из своих, и, как случилось внезапное землетрясение, друзья его убежали, и он остался один. Тогда он пал на лице, опершись на обе руки; и, как некто прикоснулся к нему и велел встать и посмотреть, чему надлежало, после многих поколений, случиться с его соотечественниками, он встал, и ему показался великий овен, у которого выросло много рогов, но последний из них был выше других. Потом, взглянув на запад, увидел несущегося по воздуху козла, который сразился с овном, дважды ударил его рогами, повалил на землю и истоптал. После этого увидел, что козел стал выше, и на лбу у него вырос преобладающий рог; когда этот рог был сломан, выросли другие четыре, обращенные к каждому из (четырех) ветров; а из них вышел другой меньший (рог), который потом вырос. Показав это (Даниилу), Бог сказал, что народ его будет побежден, город взят силою, храм разграблен, жертва прекращена; и это продолжится до тысячи двухсот девяносто дней. Вот что видел Даниил, как сам он написал, на поле в Сузах, а изъяснение видения, говорит он, дал ему Бог, Который сказал, что овен означает царство персидское и мидийское, а рога - будущих царей; последний рог означает последнего царя, который превзойдет всех богатством и славою. Козел означает, что от греков произойдет царь, который, дважды напад на персидского царя, победит его на войне и совсем лишит власти. Большой (первый) рог на лбу козла означает первого царя; а четыре другие, выросшие по сокрушении его и обращенные к четырем странам света, указывают на преемников первого царя и на разделение между ними царства; ибо ни дети, ни родственники его не будут, в течение многих лет, властвовать над вселенною. От этих-то (преемников) произойдет один царь, который завоюет (иудеев), отменит и законы и постановления их, разграбит храм, и запретит на три года жертвоприношения. И все это довелось потерпеть нашему народу от Антиоха Епифана, как предсказал и записал Даниил за много лето, до самого события".

9. Что может быть яснее этого? Пора теперь, Впрочем, если только мы не утомили вас, обратиться к главному предмету, т. е. к настоящему пленению, к нынешнему рабству (иудеев), из-за которого мы и сказали все это. Будьте же внимательны, ибо у нас дело идет не о маловажных предметах. Сидящие на олимпийских играх с полуночи до полудня ждут увидеть, кому достанется венок; принимают на обнаженную главу раскаленные лучи солнца, и оставляют зрелище не прежде, как когда произнесен будет суд о подвигах борцов; так неуместно теперь и нам и жаловаться на утомление, когда борьба идет даже не за подобный венок, но за нетленный венец. Итак, мы достаточно уже доказали, что было предсказано о трех пленениях, из коих одно продолжалось четыреста лет, другое семьдесят, а третье три с половиною года. Скажем теперь и о нынешнем. А что и о нем предвозвестил пророк, свидетелем представляю опять того же самого Иосифа, их (иудеев) единомысленника. После того, как он сказал о вышеписанном, послушай, что говорит далее: "подобным образом Даниил написал и о владычестве римлян, и о том, что Иерусалим будет ими взят и храм опустошен". Здесь прими во внимание то, что написавший это, хотя был и иудей, однако же не решился подражать вам в страсти к препирательствам. Ибо сказав, что Иерусалим будет взят, он не осмелился прибавить, что (этот город) снова будет восстановлен, и указать определенное для этого время; но, так как знал, что пророк не назначил времени, то, хотя выше, относительно победы Антиоха и произведенного им опустошения, сказал, сколько дней и лет будет продолжаться пленение, однако касательно владычества римлян ничего этого не прибавил; написал только, что Иерусалим и храм будут опустошены, а будет ли когда конец произведенному ими опустошению, этого не прибавил, потому что видел, что и пророк не прибавил этого. „Когда же все это, говорит (Иосиф), Бог показал Даниилу, он записал и оставил нам,

чтобы мы, читая пророчества его и видя их исполнение, дивились той чести, какой Бог удостоил Даниила". Итак посмотрим, где Даниил сказал, что храм будет опустошен? После того, как он сотворил вышесказанную молитву во вретище и в пепле, пришел к нему Гавриил и сказал: *седьдесят седмин сократишася* о народе твоём, *и о граде святем* (Дан. IX, 24). Вот здесь, скажете, указано и время? Да, время, только не (окончания) плена, а время, после которого должен случиться плен. Ибо иное дело сказать, сколько времени будет продолжаться плен, иное - чрез сколько времени он должен последовать и настать. *Седьдесят седмин*, говорит, *сократишася о народе твоём*; не сказал: о народе моём, хотя пророк и говорил: *яви лице твое народу твоёму*; нет, Бог уже чуждается (народа иудейского) за будущий его грех. Потом указывает и причину: *яко да обетшает согрешение и скончается грех*. Что значит: *яко да скончается грех*? Много, говорит, грешат они (иудеи), но верх их беззаконий будет тогда, когда они умертвят своего Владыку. Об этом говорит и Христос: *и вы исполните меру отец ваших* (Матф. XXIII, 32). Вы, говорит, убили рабов: прибавьте уже и кровь Владыки. Смотри, какое согласие в мыслях. Христос сказал: *исполните*; пророк говорит: *скончается грех, и запечатаются греси*. Что значит: *запечатываются*? То, что уже не останется ничего (сделать иудеям столь беззаконного). *И приведется правда вечная*. Какая же это вечная правда, если не та, которая дарована Христом? *И запечатается видение и пророк, и помажется святой святых*, т. е. прекратится наконец пророчество, - ибо это значит запечатать, - прекратится помазание, прекратится видение. Посему то Христос сказал: *закони пророцы до Иоанна* (Матф. XI, 11). Видишь, как Бог угрожает здесь иудеям совершенным опустошением и возмездием за грехи и нечестия? Не (обещает) простить, но угрожает наказать их за грехи!

10. Когда же это сбылось? Когда пророчества совсем прекратились? Когда уничтожилось помазание так, что никогда уже не восстановится? Если мы умолчим, то камни возопиют: так ясно говорить события! Да и не можем мы указать на какое либо другое время, в которое бы это исполнилось, кроме настоящего, которое столько уже продолжается и еще более продолжится. Далее Бог, еще точнее, говорит: *и увеси и уразумеши, от исхода словесе, еже отвецати, и еже соградити Иерусалим даже до Христа старейшины седмин седмь и седмин шестьдесят две* (Дан. IX, 25). Теперь слушайте меня со вниманием: ибо здесь заключается весь вопрос. Семь седмин и шестьдесят две седмины составляют четыреста восемьдесят три года: седмины здесь разумеются не дней или месяцев, но годов. Но от Кира до Антиоха Епифана и (бывшего при нем) пленения прошло (только) триста девяносто четыре года. Итак (Бог) дает разуметь, что Он говорит не о том опустошении храма (от Антиоха Епифана), но о бывшем после него от Помпея, Веспасиана и Тита; и таким образом проводит время далее. Затем, чтобы показать нам, откуда должно вести счисление, говорит, что (считать надобно) не со дня возвращения, а откуда? *От исхода словесе, еже отвецати, и еже соградити Иерусалим*; но он был выстроен не при Кире, а при Артаксерксе Лонгимане. Ибо по смерти (Кира) восшел на (престол) Камбиз, за ним Маги, после них Дарий Истасп, потом Ксеркс, сын Дария, после него Артабан; после Артабана царствовал в Персии Артаксеркс Лонгиман, и в его-то царствование, в двадцатый год его правления, Неемия, возвратившись (из плена), восстановил город. Об этом подробно рассказал нам Ездра. Итак, если мы отсюда начнем считать четыреста восемьдесят три года, то верно дойдем до времени этого (последнего) разрушения (храма). Поэтому говорит (Бог): *соградится стогна и забрала*. Так с того времени, говорит, как (город) восстанет (из развалин) и получит свой вид, считай семьдесят седмин, и увидишь, что еще не кончается настоящее пленение. И чтобы еще яснее показать это, т. е., что бедствия, которые тяготеют над иудеями, не будут иметь конца, Он говорит так: *и по седминам шестидесяти двух потребится помазание, и суд не будет в нем: град же и святое рассыплется со старейшиною грядущим, и потребятся аки в потопе*, так что не будет уже ни останка, ни корня, который бы вновь пустил росток;

и до конца рати сокращенные чином погибельми. И опять об этом же плене говорит: *отыметса жертва и возлияние, и сверх того во святилище мерзость запустения и даже до скончания времеи скончание дастся на опустение* (IX, 26-27). А когда слышишь ты, иудей, *о скончании*, то чего тебе еще ожидать? *И сверх того*: что значит это *сверх того*? Значит, что к этому, о чем сказано, к отнятию жертвы и возлияния присоединится еще новое большее зло. Какое же? *Во святилищи мерзость запустения*; святилищем называется здесь храм, а мерзостью запустения статуя, которую разрушитель города поставил в храме. *И даже до скончания*, говорит он, *запустение*. Поэтому и Христос, во плоти пришедший уже после Антиоха Епифана, предсказывая о предстоявшем пленении (иудеев), и показывая, что об этом-то пленении пророчествовал Даниил, говорит: *егда узрите мерзость запустения, реченную Даниилом пророком, стоящу на месте святе: иже чет да разумеет* (Матф. XXIV, 15). Так как у иудеев всякий идол и всякое извращение человеческое почиталось мерзостью; то Христос, таинственно указав на ту статую, предсказал вдруг, и когда, и от кого произойдет пленение. А что это сказано о римлянах, засвидетельствовал и Иосиф, как мы показали выше. Итак, что нам остается еще сказать, когда пророки о других пленениях предсказали с назначением времени (продолжения их), а для нынешнего не только не назначили никакого времени, но еще прибавили противное, что *даже до скончания будет запустение*? И что сказанное - не ложь, на это мы представим и свидетельство самого опыта. Если бы (иудеи) не покушались построить храм, то могли бы говорить, что когда бы мы захотели приступить и приняться за постройку, так наверно успели бы в этом. Но вот я покажу, что они не раз, не два, но даже три раза покушались и были отражены как это (бывает с бойцами) на олимпийских играх, так что венец (победы) бесспорно принадлежит церкви.

11. Когда же покушались они, эти всегда противящиеся Святому Духу, затейливые и мятежные иудеи? После опустошения, произведенного при Веспасиане и Тите, возмущившись при Адриане, они усиливались восстановить у себя прежнее государство, а того не знали, что идут против определения Божия, положившего, чтобы город их навсегда оставался в запустении, и что, воюя против Бога, невозможно победить. Итак, восстав против (римского) царя, они только заставили его опустошить (город) в конец. Ибо он, поразив и усмирив их, и уничтожив все, что еще оставалось (в Иерусалиме), чтобы они вперед не могли уже поступать дерзко, поставил (там) свою статую; потом размыслив, что она от времени может когда-нибудь разрушиться, и желая наложить на иудеев неизгладимое пятно поражения и обличительный знак их мятежности, остаткам города (Иерусалима) дал свое имя. Так как сам он назывался Элием-Адрианом, то так же повелел именоваться и городу: от этого (Иерусалим) и доселе называется Элиею, по имени того, кто его взял и разрушил. Видишь первое покушение бесстыдных иудеев? Посмотри и на бывшее после него. При Константине они опять покушались на то же; но царь (в наказание им) обрезал им уши, и положив на их теле знак их возмущения, водил их всюду, как беглецов и негодяев, таким искажением тела делая их приметными для всех, и вразумляя живших повсюду (иудеев) не отваживаться на подобные дела. Но все это (скажете) старое и было давно; однако и о нем знают еще ваши старики; а вот, что я скажу сейчас, то известно и самым молодым; ибо случилось не при Адриане и Константине, но при царе, который жил только за двадцать лет, на нашем веку. Когда Юлиан, превзошедший нечестием всех царей, сперва приглашал (иудеев) к идолослужению и склонял к собственному нечестию, потом предлагал (восстановить) древнее (иудейское) богослужение, говоря, что и предки-де ваши так служили Богу; тогда они и по неволе исповедали то самое, что мы доказывали теперь, т. е. что им не позволено приносить жертвы вне города, и что те поступают незаконно, которые совершают (священные) обряды на чужой земле. Итак, говорили они (Юлиану), если хочешь, чтобы мы приносили жертвы, возврати нам город, восстанови храм, открой нам святая святых, возобнови алтарь, и мы - будем приносить жертвы и теперь так же, как и прежде. И не стыдились,

негодные и бесстыдные, просить об этом царя нечестивого и язычника, и приглашать скверные руки его к созиданию святыни; не чувствовали, что они покушаются на невозможное, и не постигали, что если бы человек разрушил эту святыню, то человек же мог бы и восстановить ее, но когда Бог разрушил их город, человеческая сила никогда не может переменить положенного определением Божиим. *Яже бо Бог святыи совети, кто разорит? и руку Его высокую кто отвратит* (Иса. XIV, 27)? Что Он восставит и захочет, чтобы было твердо, того людям не возможно разрушить; равно, что Он разорит и хочет, чтобы навсегда оставалось разоренным, того восстановить также не возможно. Допустим однако же, иудеи, что царь возвратил бы вам храм и восстановил алтарь, чего вы напрасно ожидаете: но мог ли бы он низвести вам свыше и огонь небесный? А без него ваша жертва была бы и нечиста и нечестива. Дети Аароновы за то и погибли, что внесли чуждый огонь. Но, слепые для всего этого, они упростили и умолили его соединиться с ними и приступить к созиданию храма. А он назначил и деньги на издержки, послал и смотрителей за работами, вызвал отовсюду и художников, все делал, все приводил в движение, чтобы постепенно и мало-помалу довести их до принесения жертв, думая, что от этого они легко перейдут и к идолослужению, и вместе надеясь, умоисступленный и безумный, уничтожить определение Христово, что не будет восстановлен храм их. Но *запинаяй премудрым в коварстве их* (1 Кор. III, 19) тотчас показал на деле, что Божии определения сильнее всего и могущественны действия словес Божиих. Ибо, как только иудеи взялись за это незаконное дело, и начали расчищать основание, и вытаскали не мало земли, и уже хотели приступить к постройке, вдруг вышедший из земли огонь сожег многих людей, и даже камни, бывшие на том месте, и остановил эту неблаговременную дерзость, так что не только принявшиеся за работу, но многие и иудеи, видевшие это, приведены были в изумление и стыд. Услышав об этом, царь Юлиан, хотя и имел столь безумную ревность к этому делу, однако же убоялся, чтобы, продолжив его далее, не привлечь огня на свою голову, и прекратил работу, побежденный таким образом со всем язычеством. И вот, если бы ты пошел в Иерусалим, то увидишь только одни основания; а если бы спросил о причине, то не услышишь никакой другой, кроме этой (о которой мы сказали). Свидетели этого все мы, ибо это случилось при нас, не так давно. Смотри же, как знаменита победа. Случилось это не при благочестивых царях, дабы не сказал кто, что христиане напали и помешали иудеям; нет, когда вера наша была гонима, когда все мы опасались за свою жизнь и лишены были всякой свободы, а язычество процветало; когда одни из верных скрывались в домах, другие переселялись в пустыни и бежали из городов, тогда и случилось это, чтобы иудеям не осталось никакого предлога к бесстыдному упорству.

12. Итак еще ли ты упорствуешь, иудей, когда видишь, что против тебя свидетельствуют и предсказание Христово, и доказательство, заимствованное из пророков и из самых событий? Но и не удивительно: таков уже ваш народ, искони бесстыдный, сварливый, привыкший всегда спорить против очевидного. Хочешь ли, вооружу против тебя и других пророков, которые ясно говорят то же, что ваше (иудейское) прекратится, а наше (христианство) будет процветать, что проповедь Христова распространится по всей вселенной, и введена будет иная жертва, с уничтожением ваших жертв? Послушай же Малахию, который пришел уже после других пророков: не привожу пока свидетельства ни из Исаии, ни из Иеремии, ни из других пророков, живших до пленения, чтобы ты не сказал, что эти бедствия, о которых они предсказывали, случились во время пленения (вавилонского); нет, привожу пророка, который жил уже по возвращении вашем из Вавилона и по восстановлении города, и - ясно предсказал о судьбе вашей. В самом деле, после того, как иудеи уже возвратились (из плена) и вновь построили город, создали храм, и начали приносить жертвы, Малахия, предсказывая о настоящем пленении и уничтожении жертв, так говорит от лица Божия: *аще прииму от вас лица ваша? глаголет Господь Вседержитель. Зане от восток и до запад имя Мое прославися во языцех, и на всяком месте фимиам приносится имени Моему, и жертва чиста: вы же скверните е*

(Мал. I, 9, 10). Когда случилось это, иудей? Когда стал приноситься на всяком месте фимиам Богу? Когда жертва чистая? Не можешь указать ни на какое другое время, кроме того, которое настало после пришествия Христова; потому что если пророк предсказывает не об этом времени, не о нашей жертве, но об иудейской, то его пророчество будет противозаконно. Так как Моисей не позволил приносить жертв ни в каком другом месте, но только в том, которое изберет Сам Господь Бог, и так как Он привязал иудейские жертвы к одному месту; то пророк, говоря, что фимиам и жертва чистая будут приноситься на всяком месте, восстал и пошел бы против Моисея. Но противоречия и разногласия нет: потому что об иной жертве говорил Моисей, и об иной после него пророчествовал Малахия. Из чего это видно? И из того, что уже сказано, и из других весьма многих признаков. И во-первых - из места: ибо Малахия предсказал, что богослужение будет совершаться не в одном городе, как у иудеев, но *от восток солнца до запад*; потом из самой жертвы: ибо назвал ее *чистою*; этим показал он, о какой жертве он говорит; наконец - из лиц приносящих ее; ибо не сказал: во Израили, но *во языцех*. И дабы ты не подумал, что это богослужение будет учреждено в одном, или двух, или трех городах, он не просто сказал: *на всяком месте*, но *от восток солнца до запад*, показывая, что всю землю, какую только освещает солнце, обнимет и проповедь (Христова). А жертву называет *чистою* потому, что прежняя была нечиста, не по своей природе, но от расположения приносящих. Потому и сказал: *кадило Ми мерзость есть* (Ис. I, 1). Впрочем, если сравнить и самую жертву (ветхозаветную с новозаветною), то найдем между ними великое и неизмеримое расстояние, так что, при таком сравнении, одну только эту жертву (новозаветную) по преимуществу и должно назвать чистою. И что сказал Павел о законе и благодати, что *не прославился прославленное за превосходящую славу* (2 Кор. III, 10); то же и мы можем смело сказать здесь, - что эта жертва в сравнении с тою (древнею) одна только может быть названа чистою: ибо приносится не с дымом и испарениями, не с кровию и выкупом, но с благодатию Духа. Послушай, как и другой пророк предсказывает о том же и говорит, что служение Богу не будет заключено в одном месте, но все люди наконец познают Его. Вот что говорит Софония: *явится Господь на вся языки, и потребит вся боги языков: и поклонятся Ему кийждо от места своего* (Соф. III, 11); между тем Моисей не позволил этого, но повелел служить (Богу) в одном месте. Итак, когда слышишь, как пророки предсказывают и предвозвещают, что люди уже не будут принуждены собираться отовсюду в один город и в одно место, но каждый будет служить Богу, сидя дома; то к какому другому времени можешь отнести это, как не к настоящему? Послушай, как и евангелие и апостол согласны с этим пророком (Софониею). Пророк сказал: *явится Господь*; апостол говорит: *явится благодать Божия, спасительная всем человеком, наказующи нас* (Тит. II, 11). Тот сказал: *на языки*; этот говорит: *всем человеком*. Тот сказал: *потребит боги их*; этот: *наказующи нас, да отвергшиеся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно проживем*. Опять, Христос говорит жене самарянке: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалиме поклонитесь Отцу. Дух есть Бог: и иже кланяется Ему духом и истиною достоин кланяться* (Иоан. IV, 21, 24). Этими словами Он уничтожает уже необходимость наблюдения места, и вводит Богослужение возвышеннейшее и более духовное. Можно бы, вместе с этим, доказать еще и то, что у иудеев не будет уже ни жертвы, ни священства, ни царя. Конечно, все это ясно доказано самым разрушением города; но можно бы привести пророков, которые прямо говорят об этом же. Но я вижу, что вы утомились продолжительностию беседы, и боюсь, чтобы мне, напрасно и без пользы не обременить вас. Посему, обещая сказать вам об этом в другое время, теперь прошу вас вот о чем: спасите ваших братьев, избавьте от заблуждения, возвратите к истине. Ибо нет никакой пользы от слушания поучений, когда слова не доказываются делами. Да и то, что сказано, сказано не для вас, а для тех немощных, чтобы они, узнав это от вас, и оставив худую привычку, обнаружили в себе чистое и истинное христианство, и избегали вредных собраний и синагог иудейских, как в городе, так и в предместий

бывающих, - этих вертепов разбойничьих, этих жилищ демонских. Итак, не пренебрегите их спасением, но, разведав и отыскав больных, приведите их опять ко Христу, чтобы нам и в настоящей и в будущей жизни, получить награду свыше заслуг, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с которым слава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

[1] Josephi Flavii Antiqu. Jud. lib. X, cap. XI, 7.

"Произнеся раньше длинную беседу против иудеев и получив горловую болезнь от продолжительности речи, (Златоуст) сказал теперь это (слово)".

СЛОВО ШЕСТОЕ.

ЗВЕРИ, пока живут в лесах и не вступают в борьбу с людьми, бывают довольно смирны и кротки. Но как скоро охотники, поймав их, приведут в город, и, заперев в клетку, возбуждают к бою с людьми, и они, напав (на людей), отведают мяса и испьют крови человеческой; то уже не так легко могут отстать от этого лакомства, но с великою жадностью бросаются на такую добычу. Это же случилось и с нами. И мы, как вступили в борьбу и, напав на бесстыдные их возражения, ниспровергли их замыслы и *всякое возношение, взимающееся на разум Божий*, и умствования пленили *в послушание Христово* (2 Кор. X, 5), то возымели еще большую охоту воевать с ними. Но что мне делать? Видите, что голос у меня ослабел и не может выдержать еще такой же продолжительной беседы, и мне кажется, что со мною случилось теперь то же, что с воином, который, изрубив несколько неприятелей, и с великою яростию напав на вражеский отряд и повергнув многих врагов, переломил свой меч, и с прискорбием возвращается к своим. Наше горе даже еще тяжелее. Воину, переломившему меч, можно выхватить другой у кого-нибудь из стоящих, и воспользовавшись (воинским) жаром, выказать великую храбрость; но когда спал голос, у другого нельзя взять голоса. Что же? Воротиться и нам? Но не позволяет сила вашей любви. Стыжусь и присутствия отца нашего, стыжусь и вашего усердия. Потому, поручив себя вполне его молитвам и вашей любви, попытаюсь взяться и за то, что выше сил моих. И никто из вас да не укоряет слово наше в неблаговременности за то, что сегодня, когда созвали нас мученики, мы, оставив сказание об их подвигах, выступаем против иудеев: и для них (мучеников) это слово приятнее. От наших похвал они нисколько не сделаются славнее. В самом деле, какая нужда в наших словах тем, которых и подвиги выше смертной природы, и награды выше силы и понятия (человеческого)? Они пренебрегли настоящею жизнью, попрали пытки и мучения, презрели смерть, воспарили к небу, освободились от волнения житейских забот, достигли тихой пристани, неся с собою не золото и серебро и драгоценные одежды, но сокровища некрадомые - терпение, мужество и любовь. Они востекают теперь в общение с Павлом, окрыляясь, еще до (получения) венцов, ожиданием венцов, и избегая наконец неизвестности будущего. Какая же им нужда в наших словах? И вот почему им приятнее настоящий предмет. От наших похвал, как я сказал выше, ничего не прибудет к их славе; а от наших ратований против иудеев будет им великое удовольствие, и они охотно выслушают особенно слова, высказываемые в защиту славы Божией. Мученики особенно не любят иудеев, потому что сильно возлюбили Того, Которого те распяли. Те говорили: *кровь Его на нас и на чадех наших*

(Матф. XXVII, 25); а эти пролили и свою кровь за Того, Кого те убили. Так они с удовольствием выслушают эти слова.

2. Итак мы достаточно доказали, что, если бы настоящее рабство иудеев должно было окончиться, то пророки и об этом предсказали бы и не умолчали; (мы доказали это), показав, что все пленения - египетское, вавилонское и бывшее при Антиохе Епифане, постигли иудеев по предсказанию. Мы доказали божественным Писанием, что для каждого из этих пленений предвозвещено и место, и время, а настоящему ни один пророк не назначил времени (продолжения). Что оно настанет, все приведет в запустение, изменит общественное устройство (иудеев), также, чрез сколько времени по возвращении из Вавилона случится, - об этом предсказал Даниил; но что оно будет иметь конец, и что эти бедствия когда-нибудь прекратятся, этого ни этот, ни другой пророк не открыл: напротив, Даниил предсказал еще, что это рабство будет тяготеть над ними до скончания века. Самое время подтверждает слова наши: столько протекло его с тех пор, а доселе не видно ни следа, ни начала полезной для них перемены, хотя они и многократно покушались восстановить храм. Да, они покушались и раз, и два, и три, при Адриане, Константине и Юлиане, но всякий раз были останавливаемы, - сперва воинами, а после огнем, вышедшим из оснований и прекратившим их безвременную попытку. А мне хотелось бы наконец спросить их: отчего это, скажи мне, прожив столько времени в Египте, вы опять получили свое отечество; потом, отведенные в Вавилон, также возвратились в Иерусалим; опять, потерпев столько бедствий при Антиохе, снова пришли в прежнее положение, снова получили, с прежним достоинством, и жертвы, и жертвенник, и святое святых, и все прочее? А теперь ничего этого не случилось; нет, вот уже прошло сто лет, дважды, трижды, четыре раза столько, и даже гораздо более: ибо с того времени (от Антиоха) до нашего прошло уже пятьсот лет; а мы не видим, чтобы где-нибудь показался хотя намек на такую перемену, напротив дела их расстроились в конец, и даже во сне не представляют такой надежды, какую - прежде. Если они укажут на свои грехи и скажут: так мы согрешили пред Богом и оскорбили Его, за это и не получаем родной земли; если эти люди, которые без стыда слышали постоянные обличения пророков, и не сознавались, когда те сильно упрекали их в убийствах, если они теперь исповедуют и сознают грехи свои, то я еще спрошу каждого из них: так за грехи свои, иудей, ты живешь столько времени вне Иерусалима? Что же здесь нового и необычайного? Разве вы теперь только живете во грехах, а прежде жили праведно и добродетельно? Разве вы не искони и не изначала пребывали в бесчисленных беззакониях? Разве не обличал вас в бесчисленных (злых делах) пророк Иезекииль, когда представил двух блудниц - Олу и Оливу и сказал, что вы соделали блуд в Египте, безумствовали с иноплемениками, и служили чуждым богам (Иез. XXIII)? Что же? Когда разделялось море, расторгались камни, и столько чудес совершалось в пустыне, разве тогда вы не поклонялись тельцу? Разве вы не часто покушались убить Моисея, то бросая в него камни, то изгоняя его, то нанося ему другие бесчисленные оскорбления? Разве не часто произносили хулу на Бога? Разве не служили Веельфегору? Разве не приносили сынов своих и дочерей своих в жертву демонам? Разве не совершали всякого рода нечестия и грехи? Разве не говорил вам пророк от лица Божия: *четыредесят лет негодовах рода того, и рех: присно заблуждают сердцем* (Пс. XCIV, 10)? Как же Бог тогда не отвратился от вас, но и после детоубийств, после идолослужения, после великого нечестия, после невыразимой неблагодарности, позволил еще быть у нас пророку - великому Моисею, и совершал дивные и необычайные знамения? И чего не было ни с кем из людей, то случилось с вами, - облако простерлось над вами вместо покрова, столп путеводил вас вместо светильника, враги добровольно покорялись вам, города сдавались почти от одного только звука голоса. Вам не было нужды в оружии, ни в войске, ни в сражении: вы только протрубили, и стены рушились сами собою. У вас была новая и необычайная пища, так что пророк восклицает: *хлеб небесный даде им, хлеб ангельский яде человек: брашно посла им до*

сытости (Пс. LXXVII, 25). Отчего же, скажи мне, вы тогда, хотя и жили нечестиво, служили идолам, убивали детей, побивали камнями пророков, совершали бесчисленные преступления, однако пользовались таким благоволением, таким покровительством Божиим; а теперь, хотя и не служите идолам, не умерщвляете детей, не побиваете камнями пророков, однако живете все в рабстве? Разве тогда был один Бог, а теперь другой? Разве не один и тот же (Бог) и тогдашние дела устроил и нынешние совершает? Отчего же, скажи мне, когда больше были грехи (ваши), тогда велика была честь вам у Бога, а когда теперь меньше беззаконствуете, Он совершенно отвратился от вас и предал вас постоянному бесчестью? Ведь если теперь Он отвращается от вас за грехи, тем более надлежало (Ему отвращаться) тогда; если же Он тогда снисходил к вам, хотя и жили вы нечестиво, тем более надлежало бы снизить теперь, когда вы не делаете таких преступлений. За что же Он не оказал снисхождения? Если вы стыдитесь сказать причину, скажу прямо я, или вернее - не я, но сама действительная истина: за то, что вы убили Христа; за то, что подняли руки на Владыку; за то, что пролили драгоценную кровь; вот за что нет вам облегчения, нет наконец прощения, нет извинения. Тогда вы оскорбляли рабов, - Моисея, и Исаию, и Иеремию; тогда, хотя и совершалось нечестие, но еще не было сделано главное зло. А теперь вы затмили все прежние (беззакония), и после злодейства против Христа для вас не остается уже никакого большего беззакония. Вот почему вы и наказываетесь теперь больше. Иначе, если не в этом причина вашего настоящего унижения, почему Бог терпел вас тогда, когда вы убивали детей, а теперь, когда ничего такого не делаете, отвращается? Ясно, что, убив Христа, вы сделали более великое и тяжкое преступление, чем детоубийство и всякое другое беззаконие.

3. Итак ужели вы, скажите мне, осмелитесь после этого называть Его обманщиком и беззаконником? Не убежите ли, напротив, и не скроетесь ли, вместо того, чтобы противоречить столь ясной истине событий? Если бы Иисус был, как вы говорите, обманщик и беззаконник, то вам следовало бы еще прославиться тем, что вы убили Его. Если Финеес, умертвив одного кого-то, совершенно прекратил этим гнев (Божий) на (иудейский) народ: *ста*, сказано, *Финеес, и умилистави, и преста сечь* (Пс. CV, 31); если он поражением одного беззаконника избавил от гнева Божия такое множество людей виновных в нечестии; тем более так должно бы случиться с вами, если бы Распятый вами был беззаконник. Отчего же Финеес, умертвив беззаконника, оправдан и почтен священством; а вы, распяв, как говорите, какого-то обманщика и противника Богу, не только не заслужили похвалы и чести, но еще подверглись большим бедствиям, чем в то время, когда закалили собственных сыновей? Не очевидно ли для самых малоумных, что вы терпите такое наказание за то, что поступили беззаконно со Спасителем и Владыкою вселенной? Теперь вы удерживаетесь и от преступного кровопролития (детей) и соблюдаете субботы, а тогда нарушали и этот день. И Бог обещал чрез Иеремию пощадить ваш город, если перестанете носить тяжести в субботу (Иер. XVII, 21); но вот теперь вы так и делаете, не носите тяжестей в субботу, и однако же Он не примиряется с вами, потому что этот ваш грех (против Христа) больше всех грехов. Значит, вы напрасно указываете на нынешние грехи свои (как на причину настоящих бедствий ваших). Нет, не за другие дела ваши, но за то именно (величайшее) беззаконие вы терпите такие бедствия, - так что, если бы его не было, Бог не отвращался бы столь долго от вас, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов. Это видно как из всего сказанного, так и из того, о чем я намерен теперь сказать. Что же это такое? Мы слышали, как Бог часто говорил чрез пророков вашим отцам, что вы достойны были бесчисленных бедствий, „но Я, говорит, творю (милость) ради имени Моего, чтобы оно не обеславилося у язычников". И опять: *не вас ради Аз творю, доме Израилев, но имене Моего ради* (Иезек. XXXVI, 22, 32). Это значит: вы заслуживали еще более тяжкого наказания и мучения, но дабы кто не сказал, что Бог, по слабости и неимению сил спасти, предал иудеев в руки врагов, я заступаюсь и помогаю вам. Значит, если бы Христос, которого вы распяли, был

беззаконник, то, хотя бы вы сделали бесчисленное множество грехов, даже более тяжких, чем прежние, Бог наверно спас бы вас для того, чтобы имя Его не обеславилося, чтобы Того (Христа) не почитали великим, и не сказали, что вы это потерпели за Него. Ибо, если (Бог) ради Своей славы, по-видимому, пренебрегает вашими грехами; тем более Он поступил бы так теперь, одобрил бы это убийство и изгладил бы множество ваших грехов. Но когда Он показывает совершенное отвращение к вам, то, очевидно, этим своим гневом и совершенным оставлением вас, вразумляет и самых упорных, что убитый вами был не беззаконник, но сам Законодатель и виновник бесчисленных благ. Вот почему вы, поступившие с Ним нечестиво, находитесь в угнетении и бесчестии, а мы, поклоняющиеся Ему, прежде бывшие бесчестнее всех вас, теперь по благодати Божией, славнее и почтеннее всех вас. - Но откуда, скажете, видно, что Бог отвратился от нас? Нужно ли еще словами доказывать это, скажи мне? Когда самые дела вопиют и издают звук громче трубы, - разрушением города, опустошением храма и всем прочим, что только случилось с вами, - ужели еще нужно вам словесное доказательство? Но на нас, скажете, навели эти бедствия люди, а не Бог. Напротив, это сделал именно Бог. Если же ты приписываешь свои несчастья людям, то возьми в рассмотрение то, что люди, сколько бы ни покушались на это, не могли бы исполнить своего предприятия, если бы оно было негодно Богу. Когда варвар напал (на Иудею), ведя за собою всю Персию, надеялся этим набегом захватить всех, и запер всех в городе, как в сетях и тенетах; тогда, так как Бог был милостивее к вам, (враг) и без войны, без сражения, без боя, бежал от вас, оставив сто восемьдесят пять тысяч убитых воинов, и считая за счастье, что хоть сам спасся. И множество других войн часто так же решал Бог. Значит, и теперь если бы Он не оставил вас вовсе, люди не могли бы разрушить ваш город и опустошить храм, запустение не продолжалось бы доселе, и столь многочисленные ваши попытки (восстановить его) не остались бы безуспешными.

4. Но кроме этого постараюсь и иначе доказать вам, что римские цари сделали вам все это не своею силою, но потому, что Бог прогневался на вас и оставил вас. Если бы это было дело человеческое, то надлежало бы вашим бедствиям ограничиться только пленением и вашему унижению не простирались далее. Пусть будет по вашему, что люди разорили стены, разрушили город и ниспровергли жертвенник: но ужели люди же прекратили и (ряд) пророков? Ужели они отняли (у вас) благодать Духа? Ужели они же разрушили и прочие святыни ваши, как то: глас от очистилища, силу помазания и *явление* (Исх. XXVIII, 30) на камнях (одежды) священника? Начала устройства иудейского не все были земные, но большинство и самые важные из них были свыше, с небес. Например, Бог позволил приносить жертвы; жертвенник, конечно, был на земле, также и дрова, и нож, и священник; но огонь, долженствовавший сходить в то святилище и поядать жертвы, имел начало свыше. Ибо не человек вносил огонь в храм, но свыше сходило пламя и исполняло службу при жертве. Также, если когда надобно было узнать что-либо, то исходил голос изнутри херувимов от очистилища, и предвозвещал будущее. Опять на камнях, которые были на груди первосвященника, было некоторое сияние, или так называемое *явление*, и чрез него открывалось будущее. Кроме этого, когда нужно было совершать над кем-нибудь помазание, ниспосылалась благодать Духа и нисходила на елей: пророки совершали эти действия и часто облако и дым покрывали святилище. Итак, чтобы иудеи не упорствовали и не приписывали своего порабощения людям, Бог попустил не только пасть городу и разрушиться храму, но прекратиться и тому, что имело свое начало с неба, как-то: огню, гласу, сиянию камней и т. п. Посему, когда иудей станет говорить тебе: люди восстали на нас, люди сделали зло, скажи ему, что люди не восстали бы, если бы Бог не попустил этого. Пусть люди разрушили твою стену: но ужели человек запретил нисходить огню свыше? Ужели человек возбранил голосу, который постоянно слышался от очистилища? Ужели и откровение на камнях, и священное помазание, и все прочее уничтожил человек? Не Бог ли истребил это? Всякому понятно. Почему же Он истребил?

Не очевидно ли, что по гневу и совершенному отвращению к вам? - Нет, скажете, но, так как у нас нет столицы, то нет и этого. А отчего у вас нет столицы? Не оттого ли, что Бог оставил вас? Впрочем, чтобы совершенно заградить бесстыдные уста иудеев, докажем из самого Писания и то, что причиною прекращения пророчества было не разрушение храма, но гнев Божий, и что они теперь раздражают Его враждою на Христа гораздо более, чем тогда, когда поклонялись тельцу. Когда пророчествовал Моисей, тогда не было ни храма, ни жертвенника, и однако же, хотя они делали бесчисленное множество нечестивых дел, помазание пророческое не отнималось у них; напротив были тогда как этот великий и доблестный муж, так и другие, кроме его, семьдесят пророков. Да не только тогда (были у них пророки), но и после, когда дан был храм и весь чин богослужения. Потом, когда (храм) был сожжен и все иудеи отведены были в Вавилон, и тогда Иезекииль и Даниил, хотя и не видели святого святых, не стояли пред жертвенником, а находились в земле иноплеменной, среди беззаконных и нечистых людей, однако же исполнялись Духа, предсказывали будущее, даже говорили о более многочисленных и дивных предметах, чем прежние (пророки), и видели божественное видение, насколько им возможно было видеть его. Отчего же, скажи мне, теперь нет у вас пророков? Не оттого ли, очевидно, что Бог отвратился от вас? За что же Он отвратился от вас? Очевидно также, что за Распятого и за (совершенное над Ним) беззаконное дело. Из чего это видно, скажешь? Из того, что вы прежде, хотя и жили нечестиво, однако же имели все; а теперь, после креста, хотя живете, по-видимому, лучше, терпите однако же большее наказание и ничего прежнего не имеете.

5. Но, чтобы вам узнать причину настоящих бедствий и от самих пророков, которые ясно и подробно возвещали об этом, послушайте, что говорит Исаия, как предсказывает и о будущих всем благодеяниях Христовых, и о вашей неблагодарности. *Язвою Его мы исцелехом*, говорит Он, предсказывая о спасении всех крестом. Потом, изъясняя, кто таковы мы, прибавил: *вси яко овцы заблудихом, человек в пути своем заблуди*. А изъясняя крестные страдания, так говорит: *яко овца на заколение ведеса, и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих: во смирении Его суд Его взятся* (Иса. LIII, 5-8). А где можно видеть это исполнившимся? В беззаконном судилище Пилата. Ибо, после того, как было столько свидетелей против Иисуса, Он, говорит (евангелие), ничего не отвечал им. И когда правитель сказал ему: *не слышиши ли, колика на Тя свидетельствуют* (Матф. XXVII, 13), Он ничего не отвечал, но стоял молча. Об этом-то и сказал пророк задолго прежде: *яко овца на заколение ведеса, и яко агнец пред стригущим его безгласен*. Потом, показывая, какое беззаконие совершилось тогда в судилище, он говорит: *во смирении Его суд Его взятся*. Ибо тогда никто не произносил праведного суда над Ним, но приняли ложные свидетельства против Него. Причиною же было то, что Он не хотел защищаться: ибо, если бы захотел, то все бы поколебал и потряс. Если уже, будучи на кресте, Он расторг камни, помрачил вселенную, отвратил солнечные лучи, из дня сделал ночь по всей земле; то, конечно, мог сделать то же самое и в судилище. Но Он не восхотел этого, чтобы показать Свою кротость и смирение. Поэтому и говорит пророк: *во смирении Его суд Его взятся*. Потом, показывая, что Он не был из числа обыкновенных людей, пророк присовокупил: *род же Его кто исповестъ?* В самом деле, о ком это говорит пророк, что *вземлется от земли живот Его?* Поэтому и Павел говорит: *живот наш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда Христос явится, живот наш, тогда и вы с Ним явитесь во славе* (Кол. III, 3, 4). Но так как я предположил сказать и доказать, что за Него именно иудеи терпят настоящие бедствия, то время уже привести слова Исаии. Где же он говорит об этом? Сказав о судилище, об убийстве, о принятии Им на Себя (наших грехов), сказав, *яко вземлется от земли живот Его*, пророк присовокупил: *и дам лукавые вместо погребения Его, и богатые вместо смерти Его* (Иса. LIII, 9). Не просто сказал: иудеев, но *лукавых*. Ибо кто может быть лукавее тех, которые, после стольких благодеяний, убили своего Благодетеля? Если бы не произошло этого,

если бы вы не опозорили себя теперь, и не лишились всего отеческого; если бы храм ваш не обратился в развалины, и ваша судьба не была плачевна свыше всякого описания, ты мог бы еще не верить, иудей; но, если вопиют дела и пророчество сбылось, то для чего напрасно и попусту упорствуешь? Ибо где теперь ваша святыня? Где первосвященник? Где одежда, и слово судное (Исх. XXVII, 15), и явление (ст. 30)? Не говори мне о (нынешних ваших) патриархах, - корчемниках, торгашах, исполненных всякого беззакония. Какой тут священник, скажи мне, когда нет того древнего помазания, ни всей прочей святыни? Какой священник, скажи мне, когда нет ни жертвы, ни алтаря, ни богослужения? Хочешь, расскажу тебе законы о священстве, по которым в древности были поставляемы (первосвященники), дабы ты знал, что нынешние, так называемые вами, патриархи не священники, но только носят личину священников, и играют как бы на сцене, или даже, не могут выдержать и личины, - так далеки они, не только от истины, но даже от ее подобия. Итак вспомни, как тогда Аарон поставлен был священником, сколько Моисей принес о нем жертв, сколько заклал животных, как омыл его, как помазал у него край уха, правую руку, правую ногу, потом приказал ему пребыть внутри (скинии) назначенное число дней. Но лучше выслушать и самые слова Писания. *Сие, сказано, помазание Аароне, и помазание сынов его* (Лев. VII, 35). *И рече Господь к Моисею, глаголя: пойми Аарона и сыны его, и ризы их, и елей помазания, и телца, иже за грех, и овна, и сонм собери пред двери Скинии свидения. И рече Моисей к сонму: сие есть слово, еже завета Господь. И потом приведе их - изложим сокращенно - измы я водою, облече в срачицу, и опояса поясом, облече в исподнюю ризу, возвече верхнюю ризу, опояса его и стисне, и возложи слово, и на слово явление и истину, и увяло на главу его, и на увяло дицицу златую; потом взяв от еля, воскропи от него на олтарь, и освяти его и сосуды и умывальницу и стояло, и освяти я, и возлия от него на главу Аарону; то же сделал и с сынами его, и приведе телца. И как заклал его, то, по возложении рук Аарона и сынов его, взял от крове и возложи на роги олтаря и очисти олтарь, и кровь пролия на стояло олтаря и освяти его, еже молитися у него.* Потом, сжегши некоторые части тельца, одни внутри, другие вне скинии, привел еще овна и принес его во всесожжение. Далее, привел другого овна - совершения, и, по возложении на него рук Аарона и сынов его, заклал его, и взяв от крови его, возложи на край уха Аарона десного и на край руки его десные и на край ноги его десные; то же сделал и с сыновьями его. Потом, взяв некоторые части жертвы, положил на руки Аарона и сынов его, и так принес (Богу). И опять взяв крови и от еля, воскропи на Аарона, и на ризы его, и на сыны его, и на ризы сынов его. И освятил их, и повелел сварить мясо во дворе скинии и там съесть его. *И из дверей скинии свидения да не изыдите*, сказал он, *седьмь дний, дондеже день скончается, день совершения вашего. В седьмь бо дний совершите руки ваша* (Лев. VIII, 1 и сл.). Итак, когда (Писание) говорит, что Аарон таким образом поставлен, таким образом очищен, таким образом освящен, таким образом умилиствовал Бога, а теперь ничего этого не бывает, - ни жертвы, ни всесожжения, ни возлияния крови, ни помазания елеем; когда нет и скинии свидения, и нынешний священник иудейский не пребывает определенного числа дней в святилище; то очевидно, что он и не совершен, и не чист, и беззаконен, и скверен, и прогневляет Бога. Ибо, если священник не иначе мог быть поставлен, как таким образом, то очевидно, что у них нет священства, когда нет этих обрядов. Видишь, я справедливо сказал, что они далеко уклонились не только от истины, но и от самого подобия ее.

6. Впрочем, не только из этого, но и из другого еще можно узнать, как почтенно было достоинство священства. Так, когда некоторые нечестивые и зловредные люди восстали против Аарона, покушаясь лишить его начальства, и оспаривая у него честь, кротчайший Моисей, желая вразумить их самым делом, что он не потому возвел Аарона в его достоинство, что он ему брат, родной и свой человек, но что вручил ему священство, повинувшись определению Божию, - повелел принести по жезлу каждому колену, а также и Аарону. Когда принесли, он взяв все жезлы, положил их в скинии, и, положив там,

повелел ожидать Божия решения чрез эти жезлы. И вот, когда все жезлы остались в том же виде, один Ааронов вдруг прозяб, покрылся листьями и плодами, дабы познали, что Владыка природы опять рукоположил (Аарона), употребив листья вместо письмен. Ибо, кто сказал в начале: *да произрастит земля былие травное*, и возбудил силу ее к плодоношению, Тот заставил прозябнуть и это древо, сухое и бесплодное, без земли и корня. И был уже тот жезл обличением и свидетельством как злобы тех людей, так и суда Божия, не издавая голоса, но самым видом сильнее трубы вразумляя всех чтобы впредь не покушались на подобные дела. И не только этим, но и другим еще образом Бог рукоположил Аарона. Когда многие, возмутившись, захотели Аароновой чести (власти, как-то домогаются и желают многие), - Моисей опять повелел им принести кадиланицы, положить в них фимиама, и ждать решения свыше. И когда они воскурили фимиам, земля разверзлась, поглотила всех соучастников их, а взявших кадиланицы сожег небесный огонь. А чтобы это с течением времени не забылось и потомки знали о дивном решении Божиим, Моисей повелел кадиланицы те повесить около жертвенника, дабы как жезл и без голоса говорил своим видом, так и эти дщицы всем потомкам говорили, внушали и советовали не подражать в безумии предкам, чтобы не потерпеть одинакового с ними наказания. Видишь, как в древности рукополагались священники? А теперь у иудеев все детские игрушки, все смех, и срам, и корчемничество, все исполнено неисчислимого беззакония. Так неужели им-то последуешь ты, скажи мне, им, которые всегда усиливаются и делать и говорить только противное законам Божиим? В их-то синагоги бежишь? И не боишься, что упадет с неба молния и сожжет твою голову? Разве не знаешь, что, хотя бы кто и не разбойничал, но только оказался в вертепе разбойников, подвергается одинаковому с ними наказанию? И что говорить о разбойниках? Вы все, конечно, знаете и помните, что, когда некоторые негодяи и обманщики низвергли у нас (царские) статуи, то не только эти преступники, но и все, кто только оказался при этом, были схвачены вместе с ними, отведены в судилище, и потерпели жестокое наказание? А ты торопишься, скажи мне, бежать туда, где оскорбляется Отец, хулится и Сын, где уничивается Свитый и Животворящий Дух? И не боишься, не трепещешь, входя в эти мерзкие и нечистые места? Какое же будешь иметь оправдание, скажи мне, какое извинение, когда сам добровольно толкаешь себя в бездну и бросаешься в пропасть? Не говори мне, что там лежит закон и книги пророков: этого не довольно для освящения места. Что важнее, то ли, когда (священные) книги лежат в (известном) месте, или то, когда (люди) говорят о том, что содержится в этих книгах? Очевидно то, когда и говорят и размышляют о содержащемся в книгах? Что же, скажи мне, когда диавол говорил от Писания, не ужели освятились уста его? Нельзя, сказать этого: он остался тем, чем был, диаволом. А демоны? И они проповедовали и говорили: *сии человецы рабы Бога Вышнего суть, иже возвещают вам путь спасения* (Деян. XVI, 17): ужели поэтому поставим их в ряду апостолов? Никак; напротив, мы также (как и прежде) отвращаемся их и ненавидим. Так даже произношение (священных) слов не освящает; а книги тем, что лежат, освящают? Как же это возможно? За то-то особенно и ненавижу синагогу, что в ней лежат закон и пророки, и ненавижу теперь более, чем когда бы в ней не было их. А почему? Потому, что это служит сильною приманкою, большим соблазном для простых душ. Потому-то и Павел скорее изгнал демона, когда он заговорил, чем когда бы он молчал: *стужив же си*, сказано, *духови рече: изыди из нея* (ст. 18). За что? За то, что кричал: *сии человецы рабы Бога Вышнего суть*. Храня молчание, (демоны) не так бы прельщали; но, говоря, они увлекали бы многих слабых людей, и заставляли бы слушать себя и в других случаях. Чтобы отворить дверь своим обманам и придать лжи больше благовидности, демоны примешали к ней несколько и истины, подобно тому, как приготовляющие ядовитые составы, обмазывая края сосуда медом, достигают того, что вредное зелье легко принимается. Вот почему особенно Павел не стерпел и поспешил заградить им уста, что они присвоили себе не принадлежавшее им достоинство. И я за то ненавижу иудеев, что они имеют закон, но нарушают его, и тем стараются обольстить простодушных. Они не

были бы так виновны, если бы отвергали Христа потому, что не верили бы пророкам. А теперь они лишили себя всякого извинения, говоря о себе, что верят пророкам, и однако же понося Того, о Ком те пророчествовали.

7. Наконец, если ты считаешь место святым от того, что там лежат закон и книги пророческие, то тебе уже придется считать святыми и идолов и храмы идольские. Случилась некогда у иудеев война; азотяне, победив их, взяли ковчег и внесли его в свое святилище (1 Цар. V). Так ужели их храм стал свят от того, что в нем был ковчег? Нет, он остался мерзким и нечистым, и это тотчас оказалось на деле. Чтобы враги узнали, что победа их произошла не от слабости Бога, но от нечестия служивших Ему, ковчег, и взятый в плен, в чужой земле показал свою силу, дважды повергши идола на землю так, что он разбился. Ковчег не только не освятил места, но еще противоборствовал этому месту. Притом же, какой теперь ковчег у иудеев, когда у них нет ни очистилища, ни помазания, ни скрижалей завета, ни святого святых, ни завесы, ни архиерея, ни фимиама, ни всесожжения и жертвы, ни всего другого, что делало тогда ковчег досточтимым? Мне кажется, этот (нынешний) ковчег их ничем не лучше, и даже гораздо хуже тех сундуков, которые продаются на площади: эти нисколько не могут вредить подходящим, а тот каждодневно наносит великий вред приближающимся к нему. *Братие, не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте* (1 Кор. XVI, 20); и тех, кто питает страх к этим вещам, освобождайте от этого неуместного страха, и вразумите, что должно страшиться и бояться, - не ковчега этого, но того, чтобы не разрушить храм Божий хождением в синагогу, привязанностью к иудейству, этим безвременным соблюдением (иудейских обрядов). Ибо сказано: *иже законом оправдастеся, от благодати отпадете* (Гал. V, 4). Вот чего нужно бояться, как бы вам в тот день не услышать от Того, Кто будет судить вас: *отступите, не вем вас* (Лук. XIII, 27); потому что вы общались с распявшими Меня, вопреки Моей воле, восстанавливали праздники, которые Я отменил, и бегали в синагоги иудеев, которые беззаконно поступили со Мною. Я разрушил их храм, превратил в развалины это святилище, содержащее в себе страшные вещи; а вы оказывали почтение таким храминам, которые ничем не лучше корчемниц и разбойничьих вертепов. Если уже тогда, когда были херувимы, когда был ковчег еще, когда обитала (в храме иудейском) благодать Духа, Господь говорил, в одном месте: *вы сотвористе и вертеп разбойником* (Матф. XXI, 13), в другом: *дом купли* (Иоан. II, 16), (и назвал его так) за беззакония и убийства иудеев; то теперь, когда оставила их благодать Духа и уничтожена вся их святость, а они между тем, вопреки воле Божией, совершают свое беззаконное служение, чем назвать (их) синагоги, как найти достойное их имя? Если (храм) был вертепом разбойников уже тогда, когда еще содержал свой устав; то теперь, назовешь ли его любодейным домом, местом ли беззакония, жилищем ли демонов, крепостью ли диавола, губителем ли душ, пропастью ли и рвом совершенной гибели, или как бы то ни было, все не назовешь так, как он заслуживает. Желаете видеть храм? Не беги в синагогу, но будь сам храмом. Бог разрушил один храм в Иерусалиме, и воздвиг тысячи храмов, которые гораздо досточтимее того: *вы есте храм Бога Живаго*, сказано (2 Кор. VI, 16). Укрась этот дом, изгони (из себя) всякий злой помысл, чтобы тебе соделаться почетным членом Христовым, чтобы быть храмом Духа; сделай и других такими же. Видя бедных, вы не хотите пройти мимо их; так, и видя бегущего в синагогу, не пропускай его, но удержи словом, как бы уздою, и приведи в церковь. Эта милостыня больше той и прибыль от нее больше десяти тысяч талантов. И что говорю - десяти тысяч талантов? (Больше) всего видимого мира, так как и человек дороже всего мира: для него созданы и небо, и земля, и море, и солнце, и звезды. Подумай же о достоинстве того, кого можешь спасти, и не оставь попечись о нем. Хотя бы кто роздал тысячи денег, он сделает не столько, сколько тот, кто спасает душу, отводит от заблуждения и руководит к благочестию. Подавший убогому утолит голод, а исправивший иудействующего прекратит нечестие; тот облегчит бедность, этот остановит беззаконие; тот избавит тело от муки; этот исхитит

и душу из геенны. Я показал сокровище, не потеряйте прибыли. Здесь нельзя жаловаться на бедность, нельзя ссылаться на нищету: вся трата в словах, вся издержка в речах. Так не поленимся, но со всем усердием и ревностью будем уловлять наших братьев, и, привлеки их - даже против воли - в свои дома, предложим им обед и сегодня же разделим с ними трапезу, чтобы, они, у нас же на виду разрешив пост, и дав нам достаточное свидетельство и удостоверение в своей перемене на лучшее, сделались виновниками вечных благ для себя и для нас, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, вместе со Святым Духом, ныне и всегда, и во веки веков. Аминь.

СЛОВО СЕДЬМОЕ.

НЕ ПРЕСЫТИЛИСЬ ли вы уже борьбою с иудеями? Или хотите, чтобы и сегодня занялись мы тем же предметом? Хотя много уже сказано и прежде, однако вы, кажется мне, желаете еще слышать о том же предмете; ибо, кто не пресыщается любовью ко Христу, тот никогда не пресытится и войною с врагами Его. Кроме того, это (против иудеев) слово необходимо для нас и по другой причине: еще есть остатки их праздников. Как трубы их были незаконнее позорищных, и посты бесчестнее пьянства и всякого пирования, так и кущи, которые они теперь строят, несколько не лучше корчемниц, в которых водятся женщины распутные и играющие на флейте. И пусть никто не считает этих слов за дерзость: напротив, было бы крайнею дерзостью и нечестьем иначе думать об этом. В самом деле, как не произнести (об иудеях) такого приговора, когда они упорствуют против Бога и противятся Св. Духу? Праздник этот был некогда досточтим, когда совершался по закону и по Божию повелению, а теперь уже не то: все достоинство его уничтожено тем, что он совершается вопреки воле Божией. И однако же те, которые наиболее нарушают и закон и древние праздники, те думают о себе, что они теперь лучше всех соблюдают их; тогда как более всех почитаем закон мы, которые оставляем его в покое, как старца, не влечем его на старости на поле битвы и не принуждаем сражаться не вовремя. А как мы достаточно уже доказали и прежде, что теперь не время закона и древнего порядка вещей, то сегодня рассмотрим и остальное. Довольно уже на основании всех пророков доказано, что совершать такие праздники вне Иерусалима есть беззаконие и нечестье; ибо, если бы и справедливо было то, о чем всегда с хвастовством толкуют (иудеи), т. е., что они снова получают город, и тогда они не могли бы быть свободными от обвинения в нарушении закона. Но мы вполне доказали и то, что город их никогда не будет восстановлен и они уже не получают опять своего (древнего) устройства. А когда это доказано, то очевидно стало и все прочее, то есть, что не может стоять никакой вид жертвы, ни всесожжение, ни сила закона, ни что-либо другое из того (древнего) учреждения. Во-первых, закон повелевал всякому человеку мужеского пола приходить во храм трижды в год; но это уже не возможно, когда храм разрушен. Затем, он повелевал, чтобы семеноточивый, прокаженный, жена в месячной (болезни) и родильница приносили жертвы: и это также не возможно, когда нет места и не существует жертвенника. Повелевал он петь священные песни; но мы прежде уже доказали, что и это ограничено местом и что пророки осуждают (иудеев) за то, что они читали закон и произносили исповедание вне (Иерусалима). Итак, если нельзя было даже читать закон вне города, то как же можно исполнять его вне города? Посему-то Господь и говорил в угрозу им: *и не присещу на дочери ваша, егда соблюдают, и на невесты ваша, егда возлюбоделят* (Ос. IX, 14). Что же это значит? Постараюсь объяснить, прочитав вам древний закон. Какой же это закон? *Мужа, аще преступит жена его, и презирающе презрит его, и будет кто с нею ложе семене, и утаится от очю мужа ее, и свидетеля не будет на ню, и сия несть ята, и придет на него дух ревнования, она же осквернена есть* (Числ. V, 12-14). Эти

слова (закона) вот что значат: если жена совершит любодеяние и муж станет подозревать ее в прелюбодеянии, или если она и не совершит любодеяния, но он будет подозревать ее в том, между тем не будет ни свидетеля, ни беременности, которая бы изобличала ее; тогда *да приведет ее к жрецу, сказано, и да принесет дар за ню - муки ячные* (Числ. V, 15). Отчего же не крупчатой и не пшеничной, а ячменной? Так как дело идет о неприятности, обвинении и подозрении в худом поступке; то и наружный вид жертвы согласовался с домашним несчастьем. Поэтому (закон) говорит: *да не возлиет на ню елеа, ниже да возложит на ню ливана*: Потом (скажем короче) *приведет ю жрец, и возмет воду чисту в сосуде глиняне, и от персти на земли сушие взем, да всыпет в воду: и да поставит жену и заклнет ю, и речет: аще неси преступила осквернитися под мужем твоим, невинна (здрава) буди от воды обличения. Аще же преступила и осквернена еси, и аде кто тебе ложе свое, кроме мужа твоего: даде даст тя Господь в клятву и проклятие среди людей твоих*. Что значит: *в клятву и проклятие*? То, что станут говорить: о, если бы со мною не случилось того, что случилось о этой женой! *Внегда дати Господу чреву твоему рассестися: и внидет вода клятвенная, еже расторгнути утробу твою: и отвещает жена: буди, буди. И будет, аще есть осквернена, и внидет вода обличения, и надмет чрево ее, и будет жена, в проклятие в людех своих. Аще же не будет осквернена жена, невинна будет и плодствовать будет семя* (Числ. V, 15 и след.). Итак, поелику с того времени, как (иудеи) отведены были в плен, ничего этого быть не могло, потому что не было ни храма, ни жертвенника, ни скинии, ни жертвоприношения, то Господь и угрожал им такими словами: *не присещу на дщери ваша, егда соблюдают, и на невесты ваша, егда возлюбодуют* (Ос. IV, 14).

2. Видишь ли, что закон заимствует силу от места? А отсюда видно уже и то, что не может быть и священника, когда нет города. Как нельзя быть царю, когда нет ни войска, ни диадимы, ни порфиры, ни других принадлежностей царской власти; так не возможно быть и священнику, когда упразднена жертва, возбранено приношение, разрушено святилище, уничтожен весь чин (богослужения); ибо священство во всем этом и состояло. Таким образом, как я сказал выше, для доказательства, что не восстановятся ни жертвы вообще, ни всесожжения, ни прочие (жертвы) очищения, ни другое что либо из иудейского устройства, достаточно уже было показать, что храм (иерусалимский) не будет восстановлен. Ибо, как теперь, когда его нет, все уничтожено, и если что, по-видимому, бывает, то делается незаконно; так, когда словом доказано, что (храм) никогда не будет восстановлен в (прежний) свой вид, вместе с этим доказано и то, что и остальное служение не придет опять в прежнее положение, не будет (у иудеев) ни священника, ни царя. Если уже никому из племени их, даже частному человеку, не позволялось служить иноземцам, тем более самому царю не позволительно подчиняться чужим. Но так как цель нашего труда и заботы состоит не в том только, чтобы заградить уста иудеям, но и вразумить вашу любовь; то вот мы еще иначе докажешь то же самое, т. е. что их жертвы и священство прекратились, и уже не будут восстановлены в прежнее состояние. Кто говорит об этом? Дивный и великий пророк Давид. Желая показать, что одна жертва имеет быть отменена, а введется другая, он сказал так: *много сотворил еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя, и помышлением Твоим несть кто уподобится Тебе. Возвестих и глаголах* (Пс. XXXIX, 6). Замечай мудрость пророка. Сказав: *многа сотворил еси Ты Господи Боже мой, чудеса Твоя*, и изумившись чудным делам Божиим, он ничего не говорит нам ни о видимой твари, - о небе и земле, о море, воде и огне, ни о дивных чудесах, совершившихся в Египте, ни о других подобных знамениях, но что называет дивным? *Жертвы и приношения не восхотел еси* (ст. 7). Что говоришь, скажи мне; это ли дивно и чудно? Никак, говорит. Просвещенный свыше, он пророческими очами видел не это одно, но и обращение (к вере Христовой) язычников, - как они, преданные (ложным) богам, поклонявшиеся камням и бывшие хуже бессловесных, вдруг прозрели и познали Владыку всех, и, оставив скверное служение демонам, стали совершать чистое и

бескровное служение Богу; видел еще, что не только язычники, но и иудеи, из более простодушных, оставив жертвы и всесожжения и прочие чувственные обряды, обратились к нашему любомудрию; и размыслив о неизреченном человеколюбии Божиим, превосходящем всякий ум, и изумившись тому, какая произошла перемена в делах и как Бог преобразил все, как людей из демонов сделал ангелами и ввел (между ними) образ жизни достойный неба (а все это сбылось тогда, когда была отменена древняя жертва и введена другая жертва тела Христова), - изумившись и удивившись этому, (пророк) сказал: *многа сотворил еси Ты, Господи Боже мой, чудеса Твоя*. А (чтобы показать), что он произнес все это пророчество от лица Христова, Давид к словам: *жертвы и приношения не восхотел еси*, прибавил: *тело же совершил ми еси*, разумея тело Владычнее, общую за вселенную жертву, которая очистила наши души, разрешила грехи, уничтожила смерть, отверзла небеса, показала нам многие и великие надежды и все прочее устроила. Видя это, и Павел воскликнул так: *о глубина богатства и премудрости и разума Божия! яко неиспытани судове Его и неисследовани путие Его* (Римл. XI, 33). Провидя все это (Давид) и сказал: *многа сотворил еси Ты Господи Боже мой, чудеса Твоя*. Потом, сказав от лица Христова: *всесожжений (и жертвы) о гресе не взыскал еси*, он присовокупил: *тогда рех: се прииду* (Пс. XXXIX, 7, 8). *Тогда* - когда же? Когда наступит время совершеннейшего учения; ибо менее совершенному (люди) должны были научиться от рабов Его, а возвышеннейшему и превышающему природу человеческую от Самого Законодателя. Посему-то и Павел сказал: *многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех, в последок дний сих глагола нам в Сыне, егоже положи наследника всем, имже и века сотвори* (Евр. I, 1, 2). И Иоанн также: *закон Моисеем дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Иоан. I, 17). Значит, величайшая заслуга закона и в том, что он приготовил природу человеческую для этого Учителя. Потом, дабы ты не подумал, будто (Христос) есть новый Бог и вводит какое-нибудь новшество, вот что говорит: *в главизне книжне писано есть о Мне* (ст. 8). То есть, пророки издревле предвозвестили Мое пришествие, и в самом начале священных книг открыли людям познание о Моем Божестве.

3. Так, когда Бог говорит в начале творения: *сотворим человека по образу нашему и по подобию* (Быт. I, 26), то гадательно открывает нам Божество Сына, к Которому он обращает речь. Потом, желая показать, что новое не противно прежнему учреждению, но что была воля Божия и на то, чтобы та жертва прекратилась и на место ее введена была эта (тут было в самом деле стремление к улучшению, а не противоречие и не борьба), Давид к словам: *в главизне книжне писано есть о Мне*, присовокупил: *еже сотворити волю Твою, Боже мой, восхотех и закон Твой посреде чрева моего*. Затем, чтобы изъяснить, в чем состоит воля Божия, он, не упоминая о жертвах, всесожжениях и приношениях, о трудах и тяжких подвигах, говорит: *благовестих правду в Церкви велицей* (ст. 10). Что значит: *благовестих правду*? Не сказал он просто: я дал, но: *благовестих*. Что же это значит? То, что (Христос) оправдал род наш, не за добрые дела, не за труды, не за удовлетворение (правосудию Божию), но единою благодатью. Это-то объясняя, и Павел сказал: *ныне же кроме закона правда Божия явися* (Рим. III, 2): правда же Божия (достигается) верою Иисуса Христа, а не какими либо трудами и усилиями. Эти же слова (Давида) приводит он в свидетельство, когда говорит, *сень бо имый закон грядущих благ, а не самый образ вещей, на всякое лето теми же жертвами, ихже приносят выну, никогда же может приступающих совершити. Темже входя в мир, глаголет: жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил ми еси* (Евр. X, 1, 5), разумея здесь пришествие Единородного в мир, домостроительство воплощения. Ибо Он пришел к нам не так, чтобы переменил одно место на другое (как сказать это о вездесущем и все наполняющем?), но так, что явился нам во плоти. Но так как у нас борьба не с иудеями только, но и с язычниками и многими из еретиков, то раскроем вам глубже, какой здесь смысл, и исследуем, почему Павел, имея тьмы свидетельств, доказывающих упразднение

закона и древнего учреждения, упомянул именно об этом. Не просто же и не случайно он сделал это, но по какой-нибудь неизреченной мудрости и основанию. А что он мог, если бы захотел, привести и другие более обширные и разительные свидетельства о том же предмете, в этом все будут согласны. Вот и Исаия говорит: *несть воля Моя в вас; исполнен есмь всесожжений овних, и тука агнец и крове юнцев и козлов не хошу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сия из рук ваших? и аще принесете Ми семидал всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Иса. I, 11-13). Он же в другом месте: *Не ныне призвах тебе, Иакове, ниже трудитися сотворих тя, Израилю. Ни в жертвах твоих прославил Мя еси, и не послужил Мне в дарах твоих, ниже утруждена сотворих тя в Ливане: не купил еси Мне на серебро фимиама* (Иса. XLIII, 22, 23). И Иеремия: *Вскую Мне кадило от Савы приносите и кинамон от земли дальняя; всесожжения ваша не суть приятна* (Иер. VI, 20); он же: *всесожжения ваша соберите со жертвами вашими, и изъядите мяса* (VII, 21). Другой пророк так сказал: *отстави от мене глас песней твоих, и песни органов твоих не послушаю* (Амос. V, 23). И еще в другом месте, когда иудеи говорили: *егда приимет Господь во всесожжениях, дам ли первенцы моя о нечестии моем, плод утробы моя за грехи души моя* (Мих. VI, 7), пророк укоряя их, сказал: *возвестися тебе, человеце, что добро, или чесого Господь ищет от тебе, разве еже творити суд и правду, и любити милость, и готову быти еже ходити с Господом Богом твоим* (ст. 8). И Давид так говорил: *не прииму от дому твоего телцов, ниже от стад твоих козлов* (Пс. XLIX, 9). Почему же, имея возможность указать на столь многие свидетельства, в которых Бог видимо отвергает оные (иудейские) жертвы, новомесечия, субботы, праздники, (апостол), оставив все те свидетельства, упомянул об этом одном? Не без причины и не случайно, но вот почему. Многие из неверных, и даже из самых иудеев, ратуя против нас, говорят, что древняя религия отменена не по несовершенству своему, и не потому, что введена лучшая наша (христианская) религия, но по развращению тех, которые приносили тогда жертвы. Так Исаия говорит: *егда прострете руки ваша, отвращу очи Мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас* (Ис. I, 15). Потом представляя причину, присовокупляет: *руки бо ваша исполнены крове*. Здесь не жертвы обвиняются, но обличается нечестие приносящих; и Бог потому не принимал жертв, что (иудеи) приносили их нечистыми руками. И Давид, сказав: *не прииму от дому твоего телцов, ниже от стад твоих козлов*, прибавил: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя, и восприемлещи завет Мой усты твоими? Ты же возненавидел еси наказание, и отверг еси словеса Моя всячь. Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси. Уста твоя умножиша злобу, и язык твой сплеташе лщения: сидя на брата твоего клеветал еси, и на сына матери твоея полагал еси соблазн* (Пс. XLIX, 16-20). Отсюда видно, что Бог здесь отверг жертвы не без причины, но потому, что иудеи прелюбодействовали, крали, строили ковы братьям. Да и каждый, говорят, из пророков, обвиняя приносящих жертвы, дает знать, что за это-то Бог и отверг оные.

4. Так говорят наши противники, но Павел нанес им сильный удар, и достаточно заградил бесстыдные уста их этим свидетельством. Желая доказать, что Бог отверг и упразднил иудейскую религию, как несовершенную, он воспользовался этим именно свидетельством, в котором нет обвинения на приносящих жертвы, а открывается в наготу несовершенство самой религии. Ибо пророк, не обвинив иудеев ни в чем, просто говорит: *жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил ми еси, всесожжений и о гресе не благоволил еси*. А Павел, изъясняя это, сказал: *отъемлет первое, да второе поставит* (Евр. X, 9). Если бы он, сказав: *жертвы и приношения не восхотел еси*, замолчал, такая речь давала бы (противникам) некоторую возможность к оправданию; но теперь он, сказав: *тело же совершил ми еси*, и указав на введение другой жертвы, не подал уже никакой надежды на восстановление прежней. Это самое изъясняя, Павел сказал: *сим принесением освящени есмы, о воле Христовой* (Евр. X, 10). *Аще бо кровь козлия и телчая,*

и пепел юнчий кропящий оскверненные освящает к плотстей чистоте: колми паче кровь Христова, иже Духом святым себе принесе непорочна, очистит совесть нашу от мертвых дел (Евр. IX, 13,14). Итак этим достаточно доказано, что иудейские жертвы прекращены и никогда уже не восстановятся, а на место их введена другая жертва. Теперь, наконец, прямо и ясно покажем из самого Писания то, что давно мы старались доказать, (то есть), что прежнего священства и нет уже, и не будет опять. Сначала предположим некоторое предисловие, чтобы сделать понятнее изъяснение того, о чем будет речь. Авраам, возвратившись из Персии, родил Исаака, потом этот - Иакова; Иаков - двенадцать патриархов, от которых произошли двенадцать, или вернее тринадцать колен, потому что вместо Иосифа сделались начальниками колен дети его, Ефрем и Манассия. И как по имени каждого из сынов Иакова назывались колена: Рувимовым, Симеоновым, Левиным, Иудовым, Неффалимовым, Гадовым, Асировым, Вениаминовым; так и по именам детей Иосифовых, Ефрема и Манассии, названы были два колена, одно Ефремовым, а другое - Манассиным. Из этих тринадцати колен все другие владели полями и большими доходами, все возделывали землю, и исправляли другие житейские работы; одно колено Левино, почтенное священством, было освобождено от житейских дел, и не обрабатывало земли, не занималось ремеслами и ничем подобным, но прилежало одному священству и получало от всего народа десятину и вина, и пшеницы, и ячменя, и всех прочих плодов; все давали (левитам) десятину, и в этом заключался их доход. Не позволялось священнику быть ни из какого другого колена. Ибо из этого колена, то есть, из Левиина, был Аарон, и потомки его по преемству принимали священство, а из других колен никогда не было ни одного священника. Итак эти левиты получали от тех (прочих колен) десятины и этим питались. Но еще до Иакова и Исаака, при Аврааме, когда не было ни Моисея, ни писанного закона, когда не явилось еще священства левитского, не было ни скинии, ни храма, ни отдельных колен, когда не видно было Иерусалима, и никто еще не получил власти править иудейскими делами, был некто Мелхиседек, священник Бога Вышнего. Этот Мелхиседек был вместе и царь и священник: ему надлежало быть образом Христа, и Писание ясно упоминает о нем. Когда Авраам, напав на персов, и отняв из их рук племянника своего Лота, и взяв с собою всю добычу, возвращался после совершенной над ними победы, то (по этому случаю) Писание так говорит о Мелхиседеке: *И Мелхиседек, царь салимский, изнесе хлебы и вино: бяше же священник Бога Вышнего. И благослови Авраама и рече: благословен Авраам Богом Вышним иже созда небо и землю. И благословен Бог вышний, иже предаде враги твоя под руки тебе: и даде ему десятину Авраам от всего* (Быт. XIV, 18-20). Итак, если явится какой либо пророк и скажет, что после Аарона и его священства, после этих (иудейских) жертв и приношений, восстанет иной священник, не из того (Левиина) колена, но из другого, из которого никогда не бывало священника, не по чину Ааронову, но по чину Мелхиседекову; то будет очевидно, что древнее священство прекратилось, а на место его введено другое новое; потому что, если бы древнее священство должно было оставаться в силе, ему следовало бы именоваться не по чину Мелхиседекову, но по чину Ааронову. Кто же об этом говорит? Тот самый, кто говорил о жертвах; он же в другом месте, беседуя о Христе, вот что говорит: *рече Господь Господеву моему: седи одесную мене* (Пс. CIX, 1).

5. Дабы не подумал кто, будто это говорится о каком-нибудь обыкновенном человеке, говорит это не Исаия, не Иеремия, и не другой какой-либо пророк из частных людей, но сам царь; а царь (ты знаешь) никого не может назвать своим Господом, как только Бога. Если бы это был частный человек, то иной бесстыдный мог бы сказать, что (Давид) говорит о человеке; но теперь, будучи царем, он конечно не назвал бы своим Господом человека. Если бы Давид говорил это о каком-нибудь простом человеке, то как бы он сказал что (этот человек) сел одесную великой и неизреченной славы (Господа)? Это невозможно. А он об этом (лице) говорит: *рече Господь Господеву моему: седи одесную мене, дондеже положу враги твоя подножие ног Твоих*. Потом, чтобы ты не подумал, что

будто (это лице) слабое и бессильное, Давид присовокупил: *с Тобою начало в день силы Твоея* (ст. 3). А чтобы показать это еще яснее, сказал: *из чрева прежде денницы родих Тя*. Но прежде денницы не родился ни один человек. *Ты Иерей во век по чину Мелхиседекову* (ст. 4). Не сказал: по чину Ааронову. Спроси же иудея: если древнее священство не должно было уничтожиться, то почему (Бог) ввел другого Священника - по чину Мелхиседекову? До этого-то места дошедши Павел, смотри, как объяснил его. Сказав о Христе, что *якоже и инде глаголет: Ты иерей во век по чину Мелхиседекову*, он присоединил: *о немже многое нам слово и не удобь сказанное глаголати* (Евр. V, 11); потом, укорив учеников, - скажем сокращенно, - он говорит, кто такой Мелхиседек, и приводит вот какую историю о нем: *иже срете Авраама возвращающа от сеча царей, и благослови его, ему же и десятину от всех отдели Авраам*. Затем, раскрывая значение этого образа, говорит: *видите же, елик сей, емуже и десятину дал есть Авраам, патриарх от избранных* (Евр. VII, 1, 2, 4). Это сказал он не просто, но с тем, чтобы показать, что наше священство гораздо важнее иудейского. И это превосходство наперед уже открывается из самых образов вещей. Авраам был отец Исаака, дед Иакова и прадед Левия; ибо у Иакова был сын Левий. От Левия получило свое начало иудейское священство. Но этот-то Авраам, прародитель левитов и священников иудейских, пред Мелхиседеком, который был образом нашего священства, стал на месте мирянина, и показал это двояким образом: тем, что дал ему десятину, ибо миряне давали священникам десятину; и тем, что получил от него благословение, ибо миряне же получают благословение от священников. Так смотри, сколь велико превосходство нашего священства, когда Авраам, патриарх иудеев, прародитель левитов, благословляется Мелхиседеком и дает ему десятину. О том и другом рассказывает Ветхий Завет, т. е. и о том, что Мелхиседек благословил Авраама, и о том, что Авраам дал ему десятину (Быт. XIV, 19, 20). Это-то самое поставив на вид, Павел сказал: *видите, елик сей*. Кто? *Мелхиседек, говорит, емуже и десятину дал есть Авраам патриарх от избранных* (Евр. VII, 4). *И приемлющии убо священство от сынов левии, заповедь имут, одесятствовати люди по закону, сиречь братию свою, аще и от чресл Авраамовых изшедшую* (ст. 5). Это значит: левиты, иудейские священники, имели право по закону получать десятину от других иудеев. Хотя все произошли от Авраама, как левиты, так и остальной народ, но, не смотря на то, левиты получают десятину от братьев своих. А Мелхиседек, *не причитаемый родом к ним* (ибо произошел не от Авраама, и не от колена левитского, но от другого рода), *одесятствова Авраама*, т. е. взял от него десятину. Но кроме этого он сделал еще и нечто другое. Что же такое? *И имущего обетования Авраама благослови* (ст. 6). Что же, скажешь, это значит? То, что Авраам гораздо меньше Мелхиседека. Как это? *Без всякого прекословия меньшее от большего благословляется* (Евр. VII, 7). Значит, если бы Авраам, прародитель левитов, не был меньше Мелхиседека, то этот не благословил бы того, и тот не дал бы ему десятину. Потом, желая показать, что с Мелхиседеком так и было, Павел прибавил: *и да сице реку, Авраамом и Левий, приемляй десятины, десятины дал есть* (ст. 9). Что же это значит? То, что сам Левий, еще не родившись, дал уже десятину Мелхиседеку в лице отца своего. *Еще бо, говорит, во чреслах отчих бяше, егда срете его Мелхиседек* (ст. 10). Поэтому-то Павел и сказал наперед: *да сице реку*. И чтобы показать, для чего он говорил об этом, делает вон какой вывод: *аще убо совершенство Левитским священством было: люди бо на нем законени быша: кая аще потреба, по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися* (ст. 11)? Что же это значит? Если иудейские обряды были совершенны и закон не был тению будущих благ, но сам всему давал совершенство и не должен был уступить (своего места) другому; если прежнее священство не должно прекратиться и на его место быть введено новое; то почему пророк сказал: *Ты иерей во век по чину Мелхиседекову* (Пс. CIX, 4)? Надлежало бы сказать: *по чину Ааронову*. Вот почему Павел говорит: *аще убо совершенство Левитским священством было: кая потреба по чину Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися*? Из этого видно, что то

священство кончилось и на его место введено новое, гораздо лучшее и возвышеннейшее. Если же это справедливо, то справедливо и то, что введется и другое устройство жизни, сообразное с (новым) священством, и законодательство лучшее, именно наше. Это-то доказывая, Павел и говорит: *прелагаему бо священству, по нужди и закону пременение бывает, содетель же сих есть един* (ст. 12; II, 11). Так как большая часть постановлений закона касалась обязанностей священства, а прежнее священство было отменено; то очевидно, что, со введением другого священства, надлежало ввести и лучшее законодательство. Далее, объясняя, о ком это говорится, апостол продолжает: *о немже бо глаголются сия, колену иному причастися, от негоже никтоже приступи к олтарю. Яве бо, яко от колена Иудова воссия Господь наш, о немже колена Моисей о священстве ничесоже глагола* (Евр. VII, 13, 14). Таким образом, когда показано, что Христос происходит от этого колена, т. е. Иудова, и есть священник по чину Мелхиседекову, а Мелхиседек гораздо выше Авраама, вместе с этим уже вполне доказано и то, что и другое священство, вводимое вновь, гораздо выше первого. Ибо, если образ (Мелхиседек) был так велик и гораздо славнее иудейского священства, тем более самая истина. Это-то доказывая, Павел и сказал: *и лишше аще яве есть, яко по подобию Мелхиседекову востает священник ин, иже не по закону заповеди плотския бысть, но по силе живота неразрушаемаго* (ст. 15, 16). Что это значит: не по закону заповеди плотские бысть, но по силе живота неразрушаемого? То, что ни одна из (Христовых) заповедей не была плотскою: Он повелел не овец и тельцов закалать, но служить Богу душевною добродетелию, и в награду за это предложил нам жизнь, никогда непрестающую. И опять, Он Своим пришествием воскресил нас, умерших от грехов, и оживотворил, разрушив двоякую смерть, смерть греха и смерть плоти. Так, поелику Он принес нам столь великие блага, поэтому Павел говорит: *не по закону заповеди плотския, но по силе живота неразрушаемаго*.

6. Итак этим доказано уже и то, что с переменою священства необходимо надлежало быть перемене и закона. Впрочем, можно бы это же самое доказать и прямо, и привести еще в свидетели пророков, которые говорят, что закон переменится, общественное устройство получит лучший вид, и что у иудеев никогда уже не будет царя. Но так как надобно говорить столько, сколько может принять слушатель, а не все за один раз и вдруг; то, отложив это до другого времени, здесь теперь окончим слово, с советом вашей любви помнить, что (теперь) сказано, и присоединить это к прежде сказанному. И теперь опять попросим о том же, о чем и прежде просили мы вас: обратите ваших братьев ко спасению, и усердно позаботьтесь о пренебреженных членах. Мы не для того поднимаем такой труд, чтобы только говорить, или слышать рукоплескания и шум, но для того, чтобы уклонившихся возвратить на путь истины. И никто не говори мне: „у меня нет ничего общего с ним; дай Бог мне исправить свои собственные дела“. Никто не может исправить своих дел, не любя ближнего и не заботясь о его спасении. Поэтому и Павел говорит: *никтоже своего си да ищет, но еже ближнего кийждо* (1 Кор. X, 24), зная, что собственная польза каждого соединена с пользою ближнего. Ты здоров, но брат твой болен. Итак, если у тебя доброе сердце, ты сильно поболелзуешь о страждущем и станешь подражать в этом блаженному (Павлу), который говорил: *кто изнемогает, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)? Если мы радуемся, когда подадим кому-нибудь две мелкие монеты и издержим на бедных несколько серебра; то какое получим удовольствие, если успеем спасти души ближних? Какой удостоимся награды в будущем веке? Ибо и здесь мы, сколько раз ни будем встречаться с ними, всегда будем чувствовать от этой встречи великое удовольствие, припоминая об оказанном им добре; и там - на страшном судилище, увидев их, получим великое дерзновение. Как люди несправедливые и любостыжательные, похищающие чужое и делающие своим ближним множество зла, когда отойдут туда (в вечную жизнь) и увидят обиженных ими (а увидят их непременно, как показывает история о богатом и Лазаре), то

не в состоянии будут ни уста открыть, ни сказать что-нибудь в свое оправдание, но покрытые стыдом и бесчестьем, от лица тех (обиженных) отведены будут в реки огня; так, напротив, те, которые в здешней жизни учат и наставляют (ближних), когда увидят там, что спасенные ими ходатайствуют за них, исполнятся великого дерзновения. Объясняя это, Павел сказал: *похваление вам есмь, якоже и вы нам* (2 Кор. I, 14). Когда? Скажи. *В день Господа нашего Иисуса Христа*. И Христос убеждает к этому, говоря: *сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, примут вы в вечные кровы* (Лук. XVI, 9). Видишь, какое великое дерзновение будет нам от благодетельствованных нами теперь? Если же такие венцы, такая награда, такое воздаяние только за издержку денег; то не большие ли и не важнейшие ли блага будут (даны) нам за помощь, оказанную душе? Если Тавифа возвращена от смерти к жизни за то, что одевала вдовиц и помогала бедным; если слезы благодетельствованных ею снова ввели в тело ее отшедшую душу, когда еще не настало воскресение; то чего не сделают слезы тех, которые спасены тобою? Как эту, вдовицу, окружив, возвратили от смерти к жизни, так и тебя тогда окружают спасенные тобою, исходатайствуют тебе великое человеколюбие (Судии), и исхитят тебя из гееннского огня. Зная это, будем пламенны и усердны не до настоящего только часа но, вышедши отсюда, воспламените огонь, который теперь в вас, и устройте спасение всего города; а если не знаете, кто болен, постарайтесь отыскать таковых. Тогда и мы будем беседовать с вами охотнее, узнав по самому опыту, что посеяли не на камень; и вы сами будете усерднее к добродетели. Как в денежных делах, получивший прибыли две златницы воспламеняется большим желанием собрать и скопить еще десять и двадцать; так бывает и с добродетелию: кто сделает одно доброе дело и подвиг, тот от этого самого подвига получает побуждение и поощрение к предпрятию других (подвигов). Итак, чтобы нам и братьев спасти, и себе предуготовить прощение во грехах, а особенно великое дерзновение (к Богу), и, прежде всего другого, содействовать прославлению имени Божия, выйдем, вместе с женами, детьми и домочадцами, на эту ловлю, исхитим из сетей диавола плененных им в его волю, и не отстанем, пока не сделаем все возможное для нас, будут ли они слушаться нас, или нет. Впрочем невозможно, чтобы они - христиане не послушались. А чтобы не было у вас и этой отговорки, скажу вот что: когда ты, истощив много слов и исполнив все зависящее от тебя, увидишь, что ближний упорствует, отведи его к священникам; они, конечно, при помощи Божией благодати, поймут добычу; а успех весь будет принадлежать тебе, как приведшему его. Об этом говорите мужья с женами, жены с мужьями, отцы с детьми, и друзья с друзьями. Пусть иудеи и те, которые кажутся единомысленными нам, но (на самом деле) держатся их образа мыслей, пусть узнают, что мы стараемся, заботимся и неусыпно печемся о наших братьях, которые убегают к ним. И, наверно, прежде нас, они прогонят от себя тех, которые от нас убегают к ним. А скорее - никто уже и не осмелится от нас перебежать к ним, напротив, тело церкви будет чисто. Бог же, *иже хочет всем человеком спастися и в разум истины прийти* (1 Тим. II, 4), и вас да укрепит на эту ловитву, и их да изведет из этого заблуждения и, спасши всех вообще, да соделает достойными царства небесного, - во славу Свою, ибо Ему подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

СЛОВО ВОСЬМОЕ.

ПРОШЕЛ пост иудейский, а вернее сказать - пьянство иудейское. Можно ведь и без вина упиваться, можно и в трезвом состоянии быть пьяным и неистовствовать от упоения. Если бы нельзя было упиваться без вина, то пророк не сказал бы: *горе упивающимся не вином* (Иса. XXIX, 9). Если бы нельзя было упиваться без вина, Павел не сказал бы: *не упивайтесь вином* (Еф. V, 18). Так как можно упиваться и иным чем-то, поэтому он и сказал: не упивайтесь вином. Можно, действительно можно упиваться и гневом, и

нечистою похотию, и сребролюбием, и тщеславием, и бесчисленным множеством других страстей. Ибо упоение есть не иное что, как потеря здравых понятий, умоисступление, расстройство душевного здоровья. Итак, не только о том, кто выпил много вина, но и о том, кто питает в душе другую страсть, можно сказать, что он сильно опьянел. Опьянен, напр., тот, кто любит чужую жену и живет с блудницами. Как выпивший много вина и обессиленный им произносит неприличные слова и видит одно вместо другого; так и объятый нечистою похотию, как бы вином каким, не произносит ни одного здравого слова, а (говорит) только срамные, развратные, низкие и смеха достойные (слова), и видит одно вместо другого; слеп ко всему, что пред глазами, а везде только и видит ту, к которой питает страсть, и, подобно помешанному и безумному, в собраниях и на пиршествах, во всякое время и на всяком месте, о чем кто бы ни говорил ему, не слышит, кажется, ничего, но о ней только и думает, о грехе только и мечтает; все подозревает, всего боится, и ничем не лучше какого-нибудь животного, пораженного стрелою. Опьянен так же и одержимый гневом, у него и лице раздувается, и голос делается хриплым, и глаза наполняются кровию, и ум помрачается, и смысл теряется, и язык трясется, и взор блуждает, и уши слышат одно вместо другого, потому что гнев сильнее всякого вина ударяет в мозг и производит в нем бурю и неукротимое волнение. Если же опьянен всякий одержимый похотию и гневом, тем более опьянен и безумен человек нечестивый, оскорбляющий Бога, противящийся Его законам и никак не желающий оставить это неразумное упорство; он хуже и неистовых, и умоисступленных, хотя сам, кажется, и не чувствует этого. Опьянению особенно и свойственно то, что человек, поступая бесчинно, нисколько не чувствует этого, так как и несчастье сумасшествия заключается особенно в том, что больные не сознают даже и того, что они больны. Так и иудеи, пьянствуя теперь, не чувствуют этого. Итак их пост, позорнейший всякого пьянства, прошел; но мы, однако же, не прекратим попечения о наших братьях, и не будем думать, будто не время уже заботиться о них, но поступим, как поступают воины. По окончании сражения обратив врагов в бегство, они, возвращаясь от преследования, не тотчас бегут в палатки, но наперед идут на место сражения, отбирают падших своих товарищей, и - умерших зарывают в землю, а если кого найдут между трупами еще дышащим и неубитым до смерти, того, подняв, уносят в палатки со всю бережливостью, извлекают из него стрелы, и, позвав врачей и отерев кровь, дают ему лекарства, и, употребив все другие пособия, возвращают ему здоровье. Так и мы, как уже прогнали, по милости Божией, иудеев, вооружив против них пророков, теперь, возвращаясь, посмотрим во все стороны, не пал ли кто из наших братьев, не увлекся ли кто этим постом, не участвовал ли кто в празднике иудейском; погребению-то не предадим никого, а всех поднимем и вылечим. На внешних сражениях воин, который раз пал и отдал душу, не может уже восстать и возвратиться к жизни; а на этой войне и брани, хотя кто и получит смертельную рану, мы можем, если захотим, при содействии благодати Божией, возвратить его к жизни. Здесь смерть не по природе, как там, но по свободе и произволению; а умершую волю можно воскресить, мертвую душу можно заставить возвратиться к своей жизни и познать своего Господа.

2. Не поленимся же, братие, не ослабеем, не потеряем бодрости. Никто не говори мне таких слов, что надобно-де было предостеречь и сделать все еще до поста (иудейского), а теперь, как пост уже окончился, как грех сделан, как беззаконие совершено, какая будет польза (от вразумления)? Кто знает, что такое попечение о братьях, тот знает и то, что теперь-то особенно и должно позаботиться и показать все усердие. Должно не только предостерегать прежде греха, но после падения подать руку. Если бы и Бог из начала поступал так, если бы т. е. предостерегал только прежде греха, а после греха, отвергал (человека) и оставлял навсегда лежать в падении, в таком случае никто из нас не спасся бы никогда. Но Он, человеколюбивый и милостивый, и более всего желающий нашего спасения, не делает этого, но и после грехов (наших) показывает (о нас) великое попечение. Так Он и Адама предостерег еще до греха, и сказал ему: *от всякого древа еже*

в раи, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесете от него: а в онъже аще день снесете, смертию умрете (Быт. II, 16, 17). Вот (Бог) предостерегал и легкостью закона, и обилием дозволенных (плодов) и строгостью угрожаемого наказания, и скоростию его последования (ибо не сказал: спустя один, или два, или три дня, но: в тот самый день, *в онъже снесете, смертию умрете*), и всяким способом, каким только надлежало предостеречь человека. Однако же, когда человек, и после такого попечения, научения, вразумления и облагодетельствования, пал и не послушал повеления, Бог не сказал: „чего еще ожидать больше добра? Какой пользы? (Человек) вкусил, пал, преступил закон, поверил диаволу, не почтил Моей заповеди, получил удар, сделался мертвым, предался смерти, подпал осуждению; к чему еще говорить с ним?" Ничего такого не сказал Он; напротив, тотчас пришел к нему, беседовал с ним, утешал его, и дал ему еще врачевство - труд и пот, и дотоле не переставал употреблять все меры и средства, пока восстановил падшую природу, освободил от смерти, возвел на небо, и дал ей блага большие потерянных, самым делом показав диаволу, что он ничего не выиграл своим наветом; напротив, изгнав людей из рая, увидит их, спустя немного, на небе вместе с ангелами. Так же (Бог) поступил и с Каином. И его остерегал и вразумлял еще до греха, говоря: *согрешил еси, умолкни: к тебе обращение его, и ты тем* (Авелем) *обладати будеши* (Быт. IV, 7). Смотри, сколько премудрости и разума! Ты боишься, говорит Бог, чтобы брат твой, Мною почтенный, не отнял у тебя преимущества, принадлежащего первородным, чтобы не похитил принадлежащего тебе первенства (ибо первородным надлежало пользоваться большею честью, нежели родившимся после них). Будь благонадежен, не бойся, и не беспокойся об этом: *к тебе обращение его, и ты тем обладати будеши*. То есть, оставайся при чести первородного, будь брату прибежищем, покровом и защитою, и обладай и господствуй над ним; только не вдайся в убийство, не дойди до законного поражения (брата). Однако же, Каин и после этого не послушал и не успокоился, но совершил гнусное то убийство, и погрузил правую руку свою в братнюю выю. Что же? Сказал ли Бог: „оставим его наконец, какого еще ожидать добра? Он совершил убийство, умертвил брата, пренебрег Моим вразумлением, дерзнул на неисправимое и непростительное смертоубийство, после того, как столько пользовался таким попечением, наставлением и увещанием; все это выбросил из ума, ни на что не обратил внимания. Так пусть же будет он наконец оставлен и брошен, и не удостоится никакого с Моей стороны попечения". Ничего такого Бог не сказал, не сделал; напротив, еще приходит к нему в другой раз, исправляет этого человека, и говорит: *где есть Авель брат твой?* (ст. 9). Не оставляет его и тогда, когда он отрекается; напротив доводит его, и против воли, до сознания в преступлении; и когда (Каин) ответил: *не вею, - глас*, сказал (Бог), *крове брата твоего вопиет ко Мне* (ст. 10); самое дело, говорит, возвещает о смертоубийстве. Что же Каин? *Вящия вина моя, еже оставитися ми. Аще изгониши мя от земли, и от лица Твоего скрююся* (ст. 13 и 14). Это значит: я согрешил так тяжко, что не заслуживаю извинения, ни прощения, ни оставления вины; но если бы Ты захотел отмстить мне за содеянное, то я, лишенный Твоей защиты, да буду подлежать всем (желающим убить меня). Что же Бог? *Не тако: всяк, убивый Каина, седмижды отмстится* (ст. 15). Не бойся этого, говорит; ты будешь долго жить, и кто убьет тебя, тот подвергнется многим наказаниям (число семь в Писании означает неопределенное множество). Так как Каин обречен был многим наказаниям, - беспокойству, трясению, стенаниям, унынию и расслаблению тела; то умертвивший тебя (Каина), говорит Бог, и освободивший от этих наказаний, сам навлечет на себя казнь. Слова эти кажутся тяжелыми и невыносимыми, однако же показывают великую попечительность. Желая вразумить потомков, Бог изобрел такой способ наказания, который мог и самого Каина очистить от греха. Если бы Он тотчас умертвил Каина, этот умер бы, скрыв свой грех, и не был бы известен потомкам. Но теперь, оставленный жить долгое время в трясении том, он сделался учителем для всех, с кем ни встречался, самым видом своим и трясением тела убеждал всех не покушаться на подобные дела, чтобы не потерпеть таких же и наказаний.

С другой стороны, и сам он делался лучшим: ибо трепет и страх, постоянное беспокойство и расслабление тела удерживали его, как бы какую узду, и не позволяли ему опять впасть в другое такое же преступление, непрестанно напоминали о прежнем грехе, и таким образом душу его делали более смиренною.

3. Но между тем, как я говорил это, мне пришло на мысль предложить вопрос: почему Каин, хотя исповедал свой грех, осудил свой поступок, и сказал о себе, что согрешил непрослительно и совершенно не заслуживает извинения, однако же не мог очиститься от греха (тогда как пророк говорит: *глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишиися* (Иса. XLIII, 26), напротив - еще осужден? Потому что не сказал, как повелел пророк. Пророк сказал не просто: *Глаголи ты беззакония твоя*, но как? *Глаголи ты прежде беззакония твоя*. Главное вот в чем: не просто сказать, но сказать первому, не выжидать обличителя и обвинителя. А Каин не сказал первый, но выждал обличения от Бога, да и тогда, как Бог обличал его, отрицался. Наконец, и сознался в грехе уже тогда, когда дело решительно обнаружилось, а это уже не исповедь. Так и ты, возлюбленный, когда согрешишь, не выжидай обличения от другого, но прежде, нежели будешь обличен и обвинен, сам осуждай свои поступки; потому что, если уже обличит тебя другой, твоя исповедь будет не твоим делом, но плодом стороннего обличения. Вот почему и другой некто говорит: *праведный себе самого оглагольник в первословии* (Притч. XVIII, 17). Значит, главное дело не в том, чтобы обвинять себя, но в том, чтобы обвинять себя первому, а не выжидать обличения от других. Вот и Петр, так как после тяжкого своего отречения (от Христа) сам тотчас вспомнил о своем грехе и исповедал свою вину без всякого обличителя, - и *плакся горько* (Матф. XXVI, 75); то омыл свое отречение так, что сделался даже первым между апостолами, и ему вверена была вся вселенная. Но надобно возвратиться к предмету. Сказанное достаточно показало нам, что падающих братьев не должно оставлять без попечения и в небрежении; что надобно и предостерегать их от греха, и много заботиться о них после греха. Так делают и врачи: и здоровым людям говорят, что может сохранить их здоровье и отогнать всякую болезнь, и не бросают пренебрегших их приказаниями и впадших в болезнь, но тогда-то особенно и показывают великую заботливость о том, чтобы освободить их от болезни. Так поступил и Павел: не бросил блудника после того тяжкого беззакония, которого не обретается и между язычниками, но и тогда, как он отвергал узду, не хотел принять врачевства, скакал и отбивался, довел его до излечения, и довел так, что опять соединил с телом Церкви. И не сказал сам себе: какого ожидать успеха, какого добра? Он соблюл, сделал грех, и не хочет отстать от разврата, но еще надмился, гордится и делает рану неизлечимую; так оставим его и бросим. Ничего такого не сказал; напротив, по этому-то самому и показал особенную заботливость, что видел его повергшимся в ужасный разврат, и не переставал утрашать, грозить и наказывать, употреблять все меры и средства, и сам и чрез многих других, пока не привел его к сознанию греха, к ощущению беззакония, и не очистил совершенно от всякой скверны. Так сделай и ты; поревнуй тому евангельскому самарянину, который показал столько заботливости о раненом. Там шел мимо и левит, шел и фарисей; и ни тот, ни другой не наклонился к лежащему, но оба без жалости и сострадания оставили его и ушли. Некий же самарянин, нисколько не близкий к нему, не прошел мимо, но, остановившись над ним, сжалился, и возлил на него масло и вино; посадил его на осла, привез в гостиницу, и одну часть денег отдал, а другую обещал за излечение совершенно чужого ему человека (Лук. X, 30-35). И не сказал сам себе: какая мне нужда заботиться об нем? Я самарянин, у меня нет ничего общего с ним; мы вдали от города, а он не может идти. Что, если он не в состоянии будет вынести дальности пути? Мне придется привести его мертвым, могут заподозрить меня в убийстве, обвинять в смерти его? Ведь многие, когда, идя по дороге, увидят раненых и едва дышащих людей, проходят мимо не потому, чтобы им тяжело было поднять (лежащих), или жалко было денег, но по страху, чтобы самих их не повлекли в суд, как виновных в убийстве. Но тот

добрый и человеколюбивый (самарянин) ничего этого не побоялся, но, пренебрегши всем, посадил (раненого) на осла и привез в гостиницу; не страшился он ничего: ни опасности, ни траты денег, ни другого чего. Если же самарянин был так сострадателен и добр к незнакомому человеку, то мы чем извиним свое небрежение о наших братьях, подвергшихся гораздо большему бедствию? Ведь и эти (христиане), постившиеся ныне, впали в руки разбойников - иудеев, которые даже свирепее всех разбойников, и делают больше зла тем, кто им попался. Не одежду они разодрали у них, не тело изранили, как те (разбойники), но изъязвили душу, и, нанеся ей тысячу ран, ушли, а их оставили лежать во рве нечестия.

4. Не оставим же без внимания такое бедствие, не пройдем без жалости мимо столь жалкого зрелища, но, хотя бы другие так сделали, ты не делай так; не скажи сам себе: я человек мирской, имею жену и детей, это дело священников, дело монахов. Ведь самарянин тот не сказал: где теперь священники? Где теперь фарисеи? Где учителя иудейские? - Нет, он, как будто нашедши самую великую ловитву, так и схватился за добычу. И ты, когда увидишь, что кто-либо нуждается во врачестве для тела или для души, не говори себе: почему не помог ему такой-то и такой-то? Нет, избавь (страждущего) от болезни, и не обвиняй других в беспечности. Если бы ты, скажи мне, нашел лежащее золото, то неужели сказал бы себе: почему такой-то и такой-то не подняли его? Напротив, не поспешишь ли унести его прежде других? Так рассуждай и на счет падших братьев, и попечение о них почитай находкою сокровища. Ибо, если ты на падшего возлиешь, как бы масло, слово учительное, если обвяжешь его кротостию, если исцелишь терпением; он обогатит тебя более всякого сокровища. *Аще изведеши*, говорит Господь, *честное от недостойного, яко уста Моя будещи* (Иерем. XV, 19). Что может сравниться с этим? Чего не может сделать ни пост, ни лежание на земле, ни всенощные бдения, ни другое что-либо, то делает спасение брата. Подумай, сколько раз согрешали уста твои, сколько произнесли срамных слов, сколько извергли богохульств, сколько ругательств; и все это ты можешь возместить попечением о падшем, потому что одним этим добрым делом можешь очистить всю эту скверну. И что говорю очистить? Ты сделаешь свои уста устами Божиими. Что может сравниться с этою честию? Не я обещаю это; сам Бог сказал, что если хоть одного кого изведешь, уста твои будут, как Его уста, чисты, святы. Итак, не вознерадим о братьях, и не будем, хотя везде, говорить о том, сколь многие постились, сколь многие обольщены; но лучше позаботимся о них. Хотя бы многие и постились, ты, возлюбленный, не разглашай и не выставляй на показ это несчастье церкви, но постарайся исправить его. И, если кто скажет, что постились многие, загради ему уста, чтобы этот слух не распространился; и скажи ему: я же никого не знаю; ты, друг, обманулся и говоришь неправду; увидел ты двух или трех обольстившихся, и говоришь, что их много. Так и разглашателю загради уста, да и обольщенных не оставь без внимания, чтобы церкви была великая польза и от того, что не распространяется этот слух, и от того, что и сами увлеченные (в синагоги) опять приходят к священному стаду. Не будем же, ходя повсюду, разглашать, кто согрешил; но постараемся о том, как бы только нам исправить согрешивших. Дурная, истинно дурная привычка - только поносить братьев, но не заботиться о них; только разглашать о страданиях больных, но не врачевать их. Искореним же, возлюбленные, эту дурную привычку; потому что она причиняет не малый вред, и вот именно как. Кто-нибудь услышал от тебя, что многие постились с иудеями и, ничего не разведав, передал эту весть другому; тот, опять не разведав ничего, пересказал об этом другому: таким образом, эта худая молва мало-помалу распространяется, и с тем вместе более и более бесславится церковь, а погибшим не бывает никакой пользы, напротив - еще (бывает) вред и им, и многим другим. Хотя бы их было и немного, но мы, множеством рассказов, умножаем их, и тех, которые еще стоят, ослабляем, а близких к падению толкаем. Брат, услышав, что многие постились, и сам будет беспечнее; равно и слабый, услышав о том же, побежит ко множеству падших.

Итак, хотя бы было и много согрешивших, не станем злорадствовать этому несчастью так, чтобы разглашать о них и говорить, что их много; но будем удерживать от этого (и других) и заграждать им уста. Не говори мне, что многие постились, но исправь этих многих. Я не для того потратил столько слов, чтобы ты поносил многих, но чтобы многих-то сделал немногими или даже и этих самых немногих спас. Итак не разглашай о грехах, но врачуй их. Разглашающие, и только этим одним занятые, делают то, что, хоть согрешивших и немного, однако же считается много: напротив, возбраняющие и заграждающие уста разглашателям, и притом пекущиеся о падших, хотя бы этих было и много, легко исправляют и их самих, и никому другому не дают потерпеть вред от молвы об их падении. Не слышал ли ты, что говорил Давид, оплакивая Саула? *Како падоша сильнии? Не возвещайте в Гефе, ниже поведайте на исходящих Аскалоних, да не возвеселятся дщери иноплеменничи, ни да возрадуются дщери необрезанных* (2 Цар. I, 19, 20). Если же Давид не хотел, чтобы разглашалось дело явное, дабы не радовались неприятели; тем более не должно доводить об этом (грехе христиан) до слуха не только чужих, но даже и наших, чтобы и враги, слыша о том, не радовались, и свои, узнавая, не падали; напротив, должно возбранять и всячески удерживать (от разглашения). Не говори мне: я сказал лишь такому-то; удержи слово у себя, потому что как ты не вытерпел смолчать, так и он не сдержит себя.

5. Говорю это не только о настоящем посте, но и о других бесчисленных грехах. Не на то только будем смотреть, многие ли увлеклись (ко греху), но на то посмотрим, как бы отвести их (от греха). Не станем возвышать дела врагов и унижать наши; не будем выказывать врагов сильными, а свои дела слабыми: но поступим совершенно наоборот. Молва часто и подавляет и возбуждает душу; внушает ревность, которой дотоле не было, и погашает ту, которая была. Поэтому убеждаю распространять ту молву, которая возвышает наши дела и придает им важность, а не ту, которая покрывает бесславием общество братьев. Таким образом, если услышим что доброе, сообщим о нем всем; а если что худое и дурное, скроем это у себя и всячески постараемся искоренить. И теперь вот обойдем везде, разведем, посмотрим, кто пал; и, хотя бы надобно было войти в дом, не поленимся. Если же падший будет тебе незнакомый и совсем чужой человек, разведай и разузнай, кто ему друг и приятель, кому он больше всего доверяет, и, взяв этого человека, войди в дом; не стыдись, не красней. Если бы ты пришел просить денег и получить от него какой-нибудь подарок, тогда следовало бы стыдиться; но если ты идешь для его спасения, эта причина твоего прихода освобождает тебя от всех нареканий. Сядь же и поговори с ним, начав, впрочем, с другого чего-либо, чтобы не (вдруг) было заметно твое желание исправить его. Хвалишь ты, скажи мне, иудеев за то, что они распяли Христа, и теперь хулят Его, и называют беззаконником? Конечно, он не решится, если только он христианин, хотя бы и тысячу раз иудействовал, не решится сказать: хвалю; напротив, зажмет уши и скажет тебе: нет, друг, говори о чем-нибудь другом. Потом, как получишь его согласие, опять начни и скажи: как же ты общаешься с ними? Зачем участвуешь в их празднике? Зачем постишься вместе с ними? Затем, осуди их нечестие, укажи все беззаконие, которое я изложил вашей любви в предшедшие дни, и которое обличается и местом, и временем, и храмом, и предсказаниями пророков; покажи, что они напрасно и попусту все делают, никогда не получают прежнего (общественного) устройства, и что им не позволено совершать вне Иерусалима ничего такого. А сверх этого, напomini о геенне, о страшном судилище Господнем, о тамошних истязаниях, и о том, что за все это мы дадим ответ, и отваживающихся на это ожидает немалое наказание. Напomini и о Павле, который говорит: *иже законом оправдаетесь, от благодати отпадосте* (Гал. V, 4), и опять угрожает: *яко аще обрезаетесь, Христос вас ничтоже пользует* (ст. 2). Скажи еще, что, как обрезание, так и пост иудейский постящегося лишает небес, хотя бы у него была тысяча других добрых дел. Скажи, что мы для того и называемся христианами, чтобы нам повиноваться Христу, а не для того, чтобы бегать к

этим врагам. Если же он укажет на какие-нибудь врачевания, и скажет тебе, что (иудеи) обещают вылечить, и поэтому-то он и бежит к ним: раскрой их хитрости, чары, привески, снадобья. Они не иначе и лечивают, как этим способом; впрочем только кажется, что лечивают, а на самом деле и не лечивают, - совсем нет. Я пойду еще далее, и скажу вот что: если иудеи и точно лечивают, то лучше умереть, нежели прибегнуть к врагам Божиим, и чрез них получить исцеление. Какая, в самом деле, польза вылечить тело, когда гибнет душа? Какая выгода здесь (на земле) получить некоторое облегчение, а там быть отосланным в огонь не угасающий? А чтобы не указывали на эти исцеления, послушай, что говорит Бог: *еще возстанет в тебе пророк, или видяй соние, и даст знамение и чудо, и придет знамение и чудо, еже рече*, и скажет: *идем и послужим богом иным: да не послушаете пророка того: яко искушает Господь Бог вас, еще любите Господа Бога вашего всем сердцем вашим и всею душею вашею* (Второз. XIII, 1-3). Это значит: если какой пророк скажет: могу воскресить мертвеца, или исцелить слепого, только послушайте меня, и поклонимся демонам, или послужим идолам; затем, если бы даже говорящий это исцелил слепого, или воскресил мертвого, не слушай его и после этого. Почему? Потому что Бог, искушая тебя, попустил ему сделать это, не от того, чтобы сам Он не знал расположения души твоей, но для того, чтобы дать тебе случай доказать, точно ли ты любишь Бога. А любящему свойственно не оставлять любимого, хотя бы старающиеся отвлечь нас от него воскрешали и мертвых. Если же Бог так говорил иудеям, тем более - нам, которых Он привел к высшему любомудрию, которым отворил дверь воскресения, которым повелевает не привязываться к настоящему, но все надежды устремлять к жизни будущей.

6. Но что говоришь ты? Что тебя мучит и терзает болезнь телесная? Но ты еще не потерпел столько, сколько блаженный Иов, (не потерпел) даже и малейшей части (страданий) его. У него после того, как вдруг погибли стада овец и волов и все прочее (имущество), похищены были и все дети; и все это случилось в один день, чтобы не только свойством искушений, но и непрерывным следованием их подавить подвижника. А после всех этих потерь, он, получив неисцельные язвы на теле, видел, как из тела его выползали черви, нагой сидел на куче навозной, и представлял для всех зрелище бедственности - он, *человек праведен, истинен, богочестив, удаляйся от всякия лукавые вещи* (Иов. I, 1). Но бедствия не остановились и на этом, нет; присовокупились болезни дневные и ночные, и мучил его какой-то странный и необыкновенный голод. *Смрад бо зрю*, говорил он, *брашна моя* (Иов. VI, 7). Далее ежедневные поношения, ругательства, брань, смех. Слуги мои, говорил он, и *сыны подложниц моих* восстали на меня (XIX, 16-18); потом ужасы в сонных видениях, какое-то непрерывное волнение в мыслях (VII, 14). И от всех этих бедствий жена обещала ему избавление, говоря так: *рцы некий глагол ко Господу, и умри* (II, 9), произнеси, то есть, хулу на Бога, и освободишься от тяготеющих над тобою бедствий. Что же? Этот совет поколебал ли святого мужа? Напротив, только более укрепил его, так что он еще укорил жену свою. Он хотел лучше скорбеть, бедствовать и терпеть бесчисленные несчастья, нежели богохульством приобрести избавление от столь многих бедствий. Так и находившийся в болезни тридцать восемь лет (расслабленный) ежегодно приходил к купели, и всякий раз уходил, не получив исцеления; видел ежегодно, что другие, имея много прислужников, исцелялись, а он постоянно оставался в расслаблении, за неимением, кто бы помог ему. И не смотря на это, он не прибег к волшебникам, не пошел к чародеям, не навязал на себя перевязок, но ожидал помощи от Бога; поэтому и получил наконец чудесное и необычайное исцеление (Иоан. V, 5-9). А Лазарь постоянно томился голодом, болезнью и одиночеством, не тридцать восемь только лет, но целую жизнь: так он умер, лежа у ворот богатого, терпя презрение и насмешки, терзаемый голодом, брошенный как бы на съедение псам, потому что тело его так расслабело, что он не мог отгонять и собак, которые прибегали и лизали гной на нем. И однако, он не искал волхвователя, не обвешивал себя привесками, не

прибегал к волшебству, не приглашал к себе чародеев и не делал вообще чего-либо запрещенного, но решился лучше умереть в этих бедствиях, нежели хоть сколько-нибудь изменить благочестию (Лук. XVI, 20, 21). Чем же извинимся мы, если в то время, как эти люди терпеливо перенесли столько несчастий, мы либо из-за лихорадки, либо из-за ран, бежим в синагоги и приглашаем в свои дома чародеев и волшебников? Не слышал ли ты, что говорит Писание? *Чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу твою во искушение: управи сердце твое, и потерпи: в болезни и бедности на него уповая буди. Яко во огни искушается злато, тако человек приятен в печи смирения* (Сирах. II, 1-5). Если ты побьешь своего слугу, а он, получив тридцать или пятьдесят ударов, тотчас с воплем потребует освобождения, или оставит тебя, своего господина, и уйдет к другому кому-либо из числа твоих недругов, и этим раздражит (тебя): может ли он, скажи мне, получить прощение? Может ли кто заступиться за него? Никак. Почему же? Потому что господин имеет право наказывать слугу; да и не поэтому только, но и потому, что, если уже надобно было (слуге) прибегнуть (к кому-нибудь), так не к врагам, не к ненавистникам, но к искренним друзьям (господина). И ты, как увидишь, что Бог наказывает тебя, прибегай не к врагам Его - иудеям, чтобы не раздражить Его еще более, но к друзьям Его - мученикам, святым угодникам Его, которые имеют к Нему великое дерзновение. Но что говорить о слугах и господах? Сын не может сделать этого из-за побоев от отца, и отказаться от родства с ним. И естественные, и самими людьми установленные законы повелевают (сыну) благодушно переносить все: бьет ли его (отец), лишает ли стола, выгоняет ли из дому, наказывает ли каким бы то ни было образом; и если (сын) не покоряется и не сносит (наказания), его не прощает никто. Нет, сколько бы побитый сын ни жаловался, все говорят ему такие слова: „тебя побил отец и господин, который властен сделать все, что ему угодно; и должно (тебе) все переносить с кротостию". Так слуги переносят от господ и сыновья от отцов часто даже и тогда, как они наказывают их несправедливо; а ты не потерпишь наказания от Бога, Который и выше (всех) господ, и любит тебя больше (всех) отцов, Который все предпринимает и делает не по гневу, но для (твоей) пользы? Напротив, лишь случится какая-нибудь легкая болезнь, тотчас уклоняешься от Его владычества, бежишь к демонам, и спешишь в синагоги?! Можешь ли получить наконец прощение? Как будешь в состоянии опять призвать Его? Может ли кто и другой, хотя бы имел дерзновение Моисеево, попросить за тебя? Никто. Разве не слышишь, что Бог говорит Иеремии об иудеях? *Не молися о людех сих, яко, аще станут Моисей и Самуил, не услышу их* (Иер. VII, 16; XV, 1). Так есть грехи, которые выше всякого прощения и не могут быть оставлены. Не будем же навлекать на себя столь великого гнева (Божия). Притом иудеи, хотя бы, по-видимому, и прекращали горячку (в теле) своими чарами, - на самом-то деле они не прекращают, - за то вводят в совесть другую жесточайшую горячку, так как мысль каждый день будет уязвлять тебя, совесть - мучить и говорить: „ты поступил нечестиво, совершил беззаконие, нарушил завет со Христом, из-за легкого недуга изменил благочестию. Разве ты один подвергся этому? Не гораздо ли более тебя потерпели другие? Однако же никто из них не отважился на подобное (твоему) дело: а ты, слабый и изнеженный, сгубил душу свою. Как ответишь Христу? Как призовешь Его в молитвах? С какою совестью наконец войдешь в церковь? Какими глазами будешь смотреть на священника? Какою рукою прикоснешься к священной трапезе? Какими ушами станешь слушать читаемое там Писание"?

7. Вот что будет ежедневно говорить тебе терзающая мысль и мучающая совесть. Какое же это здоровье, когда внутри у нас столько обвинителей? Но если потерпишь немного, если отвергнешь и с великим бесчестием выведешь из своего дома тех, кто захотел бы или наговорить тебе какое-либо чарование, или обвязать тело какою либо перевязкою: сейчас получишь росу (успокоения) от совести. Пусть горячка жжет, сколько угодно: твоя душа доставит тебе прохладу лучше и спасительнее всякой росы, всякой влаги. Как по принятии волшебного снадобья ты, если и выздоровеешь, будешь чувствовать себя хуже

больных горячкою, от мысли о грехе; так и теперь, отвергши тех нечестивцев, хоть и будешь страдать горячкою и терпеть множество бедствий, почувствуешь себя лучше всякого здорового, от того, что мысль твоя будет светла, душа весела и радостна, совесть станет тебя хвалить, одобрять, и говорить: „хорошо, хорошо, друг мой, раб Христов, верный муж, подвижник благочестия, готовый лучше умереть бедственно, нежели изменить вверенному (тебе) благочестию; в тот день (суда) ты станешь с мучениками". Они порешили терпеть бичевания и пытки, чтобы получить честь (от Бога): и ты сегодня порешил терпеть удары и муки от горячки и ран, только бы не принять нечестивых чарований и перевязок; и, питаемый этими надеждами (на вечные награды), ты не будешь и чувствовать тяжких болезней. Если не унесет тебя эта горячка, то унесет, конечно, другая; если не умрем теперь, умрем после. Тленное получили мы тело, не для того, чтобы из-за его болезней увлекаться к нечестию, а для того, чтобы его болезнями утверждаться в благочестии. Самая тленность и смертность тела послужит нам, если только будем благоразумны, основанием славы и доставит в день (судный) великое дерзновение, и не только в тот день, но и в настоящей жизни. Ибо, когда ты выгонишь волшебников из дому с великим бесчестьем, все, услышав об этом, похвалят тебя, подивятся, и скажут друг другу: такой-то, в болезни и недуге, хотя некоторые просили его, убеждали и уговаривали воспользоваться какими-то волшебными снадобьями, не принял их, но сказал: лучше умереть так, чем изменить благочестию. Затем последуют многие рукоплескания от слушателей, которые все будут изумляться, прославлять Бога. А это скольких статуй будет для тебя почетнее, скольких картин славнее, какой чести знаменитее? Все (и тебя) похвалят, ублажат и увенчают; и сами будут лучше, поревнуют и станут подражать твоему мужеству. Если и другой сделает то же (что ты), награду получишь именно ты, как сделавший почин к этой ревности. Впрочем, последствием твоего доброго дела будут не одни только похвалы, но и самое скорое прекращение болезни, потому что и самая доблестная решимость твоя подвигнет Бога к большему благоволению, и все святые будут сорадоваться твоему усердию и из глубины сердца молиться о тебе. Если же здесь такие награды за это мужество, то подумай, сколько венцов получишь там, когда Христос, в присутствии всех ангелов и архангелов, придет и, взяв тебя за руку, выведет на средину того зрелища, и в слух всем скажет: „этот человек, обьятый некогда огневицею, когда весьма многие убеждали его излечиться от болезни, ради Моего имени и страха, чтобы не оскорбить Меня как-нибудь, отверг и презрел обещавших вылечить его (волшебными) средствами, и порешил лучше умереть от болезни, нежели изменить любви ко Мне". В самом деле, если (Христос) выводит на среду (прославляет) тех, которые напоили Его, одели и напители, тем более тех, которые ради Его порешили потерпеть мучения огневицы. Не все равно, дать ли хлеб и одежду, или вытерпеть продолжительную болезнь; нет, последнее гораздо труднее первого. А чем больше труд, тем блистательнее будет и венец. Об этом-то будем и сами размышлять, и здоровые и больные, и с другими говорить; и как увидим себя когда либо в тяжелой горячке, скажем себе вот что: "а что, если бы кто взвел на нас обвинение, затем повлекли бы нас в суд, а там схватили бы и начали бить по бокам, не пришлось ли бы нам, и по неволе, вытерпеть все, и притом без всякой пользы и награды?" Так будем рассуждать и теперь; будем притом представлять себе и награду за терпение, которая может ободрить и впавшую (в уныние) душу. Но если горячка жестока? Так сопоставь с этой горячкой огонь гееннский, которого ты наверно избежнешь, если порешишь терпеливо вынести эту болезнь. Вспомни об апостолах, сколько они страдали; вспомни о праведниках, как они постоянно были в скорбях. Вспомни о блаженном Тимофее, - он никогда не имел покоя от болезни, но жил в постоянном недуге. На это-то указывая, Павел говорил: *мало вина приемли стомаха ради твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. V, 23). Если же такой праведник и святой, которому вверено было управление вселенною, который воскрешал мертвых, изгонял демонов и исцелял других от бесчисленных болезней, если он страдал так тяжело; то какое извинение будешь иметь ты, который и в кратковременных болезнях смущаешься и

ропщешь? Не слышал ли ты, как Писание говорит, что *егоже любит Господь, наказует, бьет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. XII, 6)? Как многие и сколько раз хотели получить мученический венец? Вот это (терпение в болезни) настоящий мученический венец! Мучеником бывает не тот только, кто, получив повеление (от мучителя) привести жертву (языческим богам), порешил лучше умереть, чем принести эту жертву; нет, мученичество очевидно есть и то, когда человек вообще соблюдает (ради Христа) что-либо такое, чем может навлечь на себя смерть.

8. А чтобы увериться тебе, что это точно так, вспомни, как умер Иоанн (Креститель), отчего и почему, - и как Авель. Ни тот, ни другой, из них не видел ни горящего жертвенника (идольского), ни стоящего идола, и не был принуждаем принести жертву демонам; но один усечен в голову за то только, что обличил Ирода, а другой убит за то, что принес Богу лучшую жертву, нежели брат его. Ужели же они не получили мученических венцов? Кто осмелится сказать это? Самый род смерти их может удостоверить всех, что они стоят в лике первых мучеников. Если же ты хочешь видеть и Божие о том определение, послушай, что говорит Павел; а что вещает он, то, очевидно, есть (вещание) Духа: *мнюся бо и аз*, говорит он о себе, *Духа Божия имети* (1 Кор. VII, 40). Что же говорит Павел? - Начав с Авеля, и сказав, что он *множайшую жертву паче Каина принес* Богу, и *тою умерый еще глаголет* (Евр. XI, 4), затем перешедши к пророкам, дошедши до Иоанна, и сказав: *убийством меча умроша, друзии же искушени быша* (ст. 37), и упомянув о множестве различных смертей, Павел заключил так: *темже убо и мы, толик имущи облачающ нас облак свидетелей* (мучеников), *гордость всяку отложше, терпением да течем* (XII, 1). Видишь, что он мучениками назвал и Авеля, и Ноя, и Авраама, и Исаака, и Иакова. Ибо и они так же умерли ради Бога, как и Павел говорит о себе: *по вся дни умираю* (1 Кор. XV, 31), хотя он не умирал на самом деле, но только готовностью (умереть) терпел смерть. Так и ты, если отвергнешь волхвования, чары и ворожбы, и умрешь от болезни, будешь совершенный мученик, потому что, когда обещали тебе выздоровление посредством нечестия, ты порешил лучше умереть с благочестием. Это сказано нами к тем, которые хвалятся и говорят, что демоны исцеляют. А чтобы тебе увериться, что и это неправда, послушай, что Христос говорит о диаволе: *он человекоубийца бе искони* (Иоан. VIII, 44). Бог говорит: *човекоубийца*, а ты бежишь, как к врачу? Какой же, скажи мне, дашь ответ на обвинение в том, что обманам этих людей веришь более, нежели изречению Христа? Если Бог говорит, что (диавол) *човекоубийца*, а эти люди, вопреки Божью решению, говорят, что он может врачевать болезни, и ты принимаешь их чары и волшебные лекарства, то таким поступком своим ты показываешь, что им веришь более, нежели Христу, хотя и не высказываешь этого словами. А если диавол - *човекоубийца*, то, очевидно, таковы же и служители его - демоны. Это Христос показал тебе на самом деле: когда Он позволил им войти в свиное стадо, они все это стадо потопили в море (Лук. VIII, 33), дабы ты знал, что они то же сделали бы и с людьми, и тотчас погубили бы их, если бы Бог позволил им. Но вот Он удержал и обуздал их, и не позволил им делать что-либо такое: это и доказали они, когда получили власть над свиньями. Ибо, если они не пощадили свиней, тем более не пощадили бы нас. Итак, возлюбленный, не увлекайся их обольщениями, но будь тверд в страхе Божиим. Как войдешь ты в синагогу? Если запечатлеешь лице свое (крестным знамением), тотчас убежит вся вражия сила, обитающая в синагоге; а если не запечатлеешь, то уже при самом входе ты бросишь свое оружие, и тогда диавол, нашедши тебя беззащитным и безоружным, причинит тебе множество зла. Но к чему нам говорить об этом? Что и сам ты считаешь величайшим грехом идти в нечистое то место (синагогу), это видно из того, как ты отправляешься туда. Ты стараешься уйти туда тайно, и слугам, и друзьям, и соседям запрещаешь доносить на тебя священникам; а если кто донесет, сердись. Как же безумно - от людей стараться укрыться, а пред очами Бога вездесущего, совершать без стыда, такое беззаконие? Но ты не боишься Бога? Так

постыдись хоть самих иудеев. Какими глазами станешь смотреть на них? Каким языком будешь говорить с ними, когда исповедуя себя христианином, бежишь в их синагоги и просишь у них помощи? Или не думаешь, какой они поднимают над тобою смех, какие ругательства, какое поношение, какой срам, какой позор, если и не явно, так в совести своей?

9. Можно ли же, скажи мне, терпеть, можно ли сносить это? Если бы надлежало тысячу раз умереть, если бы надлежало вытерпеть самые тяжкие страдания: не лучше ли было бы перенести все эти страдания, нежели сделаться предметом насмешек и поруганий для этих нечестивцев, и жить с нечистою совестью? Говорю это не для того, чтобы вы только слушали, но чтобы врачевали болящих этим недугом. Как их укоряем мы в том, что они немощны в вере, так укоряем и вас в том, что не хотите исправлять немощных. Разве в том дело, возлюбленный, чтобы ты, вышедши сюда, выслушал поучение? Это-то и служит к осуждению, когда с слушанием поучений не соединяется самое дело. Ты христианин для того, чтобы подражал Христу и повиновался Его законом. Что же Он делал? Не сидел в Иерусалиме и не призывал больных к Себе, но ходил по городам и селениям, врачую болезни - и телесные и душевные. Мог, конечно, Он, находясь в одном месте, привлечь к себе всех: однако же не делал этого, подавая нам пример, как (следует) ходить везде и искать погибающих. На это же самое указал Он и притчею о пастыре. И этот не сел при девяноста девяти овцах, и не стал выжидать, пока заблудшая придет к нему; нет, он сам пошел, нашел ее, и нашедши, положил на плеча свои, и принес (Лук. XV, 4-6). Не видишь ли, что и врачи поступают точно так же? Они не требуют, чтобы больные, лежащие на постелях, приносимы были в их дома, но сами приходят к ним. Так поступи и ты, возлюбленный, зная, что настоящая жизнь кратка, и что, если мы (здесь) не соберем таких приобретений, там никак не получим спасения. Часто приобретение и одной души может уничтожить бремя бесчисленных грехов, и сделаться для нас выкупом в день (судный). Подумай, для чего посылались так часто пророки, для чего - апостолы, для чего - праведники, для чего - ангелы? Для чего пришел Сам Единородный Сын Божий? Не для того ли, чтобы спасти людей? Не для того ли, чтобы заблудших возвратить на путь? Это сделай и ты по силе своей, покажи все старание и заботливость о возвращении заблудших на путь (истины). К этому постоянно убеждаю вас в каждое собрание, и будете ли вы внимать, или не будете, я не перестану говорить. Нам постановлено от Бога законом исполнять это служение, будет ли кто слушать, или не будет. Только, если вы станете слушать и исполнять слова наши, мы будем делать это с великим удовольствием; если же будете небрежны и беспечны, - с великою скорбью. Ибо нам-то, конечно, не будет никакого вреда от вашего непослушания, потому что мы исполнили свой долг; однако же, хоть мы сами и безопасны, исполнив свой долг, но скорбим, что вы будете обвинены в тот день. Да, слушание (поучений) будет не безопасно для вас, если оно не будет сопровождаться делами. Послушай, как Христос, осуждая учителей за сокрытие слова, в то же время угрожает и поучаемым. Сказав: *подобаше тебе вдати сребро Мое торжником*, и присовокупив: *и пришед аз взял бых свое с лихвою* (Матф. XXV, 27), этим Он показал, что принявшие наставление, по выслушании его (это-то и есть отдача серебра), должны приносить прибыль. А прибыль учения состоит не в другом чем, как в делах. Итак, поелику и мы передали сребро (учения) слуху вашему, то необходимо уже, чтобы вы представили Господу прибыль, то есть, спасение ваших братьев. Поэтому, если вы только удержите в себе эти слова мои, и не сделаете ничего сами, я боюсь, чтобы вам не быть осужденными подобно закопавшему талант. Ибо и он связан был по рукам и ногам, и выброшен во тьму кромешную (Матф. XXV, 30) за то, что не передал другим, что сам слышал. Итак, чтобы и нам не подвергнуться той же участи, будем подражать получившим пять и два таланта; и нужно ли будет для спасения ближнего употребить слово, или деньги, или телесный труд, или другое что-либо, не поленимся, дабы, всячески умножив данный нам от Бога талант, каждый в своей мере, могли мы услышать этот

блаженный голос: *добре, рабе благий и верный, о мале был еси верен, над многими ты поставлю: вниди в радость Господа твоего* (Матф. XXV, 21). Ее-то да сподобимся мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава и держава Отцу, вместе со Святым Духом, во веки веков. Аминь.